23/1-14

«РОДИНА»

журнал исторических сенсаций

6 номеров (второе полугодие 1994 года) — 3 000 рублей (без стоимости доставки)

«ИСТОЧНИК»

(документы русской истории)

3 номера (второе полугодие 1994 года) — 2 100 рублей (без стоимости доставки)

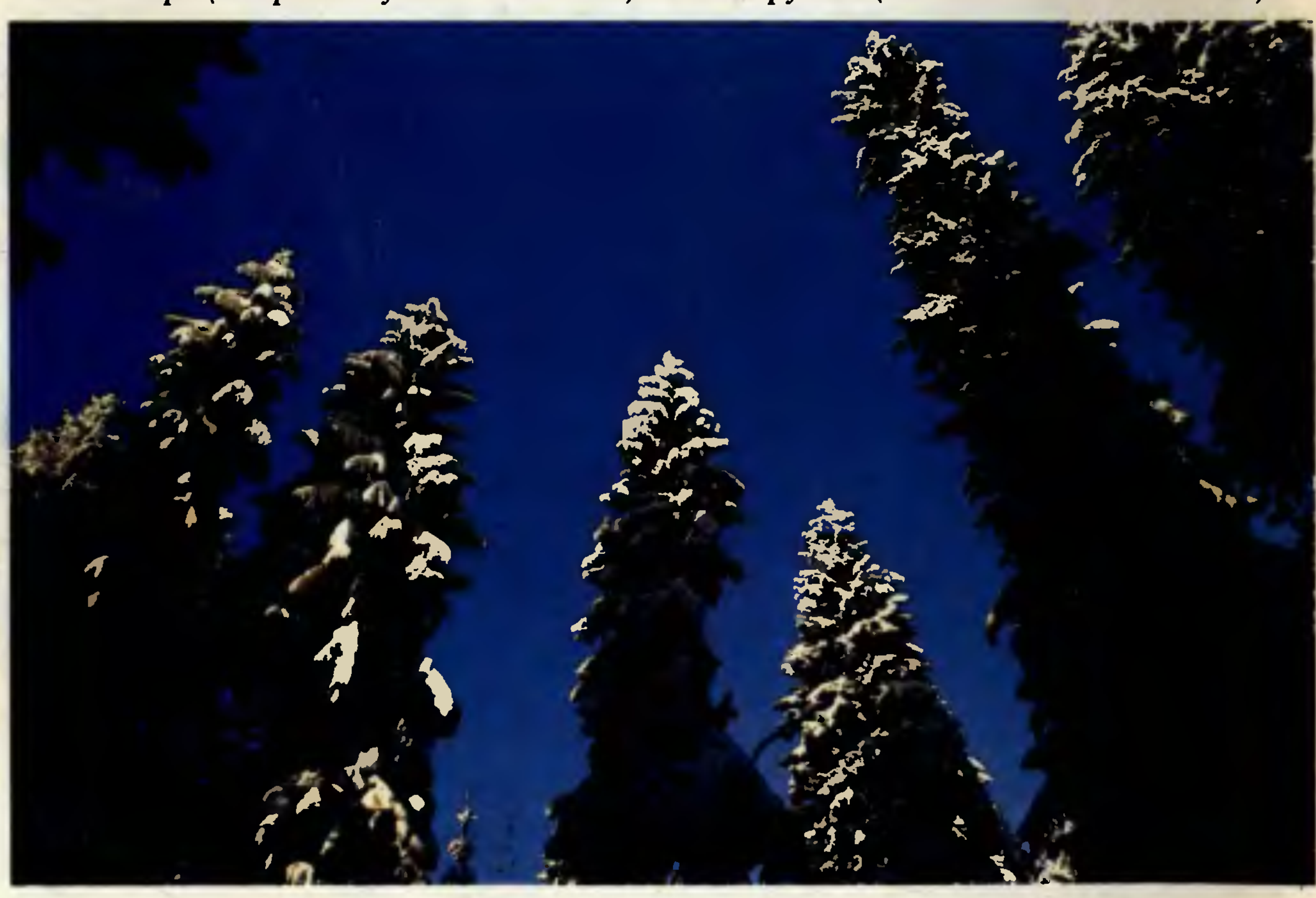

ФОТО ВИКТОРА ГРИЦКОКА

Редколлегия журнала «Родина» подвела итоги сотрудничества с Управлениями федеральной связи в 1993 году. Наибольших успехов по подписке на наш журнал добились следующие республиканские и областные управления:

Тюменское — начальник Миронов Г. П.
Тамбовское — начальник Дружинин А. А.
Белгородское — начальник Гончаренко И. М.
Воронежское — начальник Алексеев К. К.
Пензенское — начальник Лукьянов В. Г.
Калмыцкое — начальник Акучинов В. Н.
Марийское — начальник Костина Э. И.
Ярославское — начальник Сизяков В. П.
Рязанское — начальник Макаров П. И.
Ульяновское — начальник Панкратьев А. В.

Искренне благодарим наших партнеров за большую работу по распространению журнала! Редколлегия присудила вашим коллективам денежные премии.

РОДИНА

2 — 1994

ISSN 0235-7089

Кругликова Е. С. Анна Ахматова.

*Вглядитесь в тех,
кто не отводит
взгляд...
Лицом к лицу,
глаза в глаза —
душа российская
еще жива...*

Фотографии
Геннадия Бодрова

ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ
СЛАВА КПСС

РОДИНА

№ 2—1994 Выходит с января 1989 г.

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: СОВЕТ МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВО РФ

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина».

Родословная

Путь

Наследие

Дом

CONTENTS

***Россия и Запад**... эта тема, по-видимому, из числа вечных. Знаменитые славянофилы и западники сломали в свое время немало полемических копий, ни на шаг не продвинув решение традиционно интересующего мыслящих людей вопроса. Полемисты приходили и уходили, а вопрос оставался, как оставалось и навсегда останется срединное положение России между Европой и Азией.*

В наше время, на рубеже третьего тысячелетия, интерес к исторической роли России вспыхнул с невиданной силой. Распад Советского Союза, прямого преемника Российской империи, как будто бы вернул многое в этом вопросе на исходные позиции. Многосотлетняя имперская роль России достаточно сильно сближала ее в политическом смысле с Востоком, обособляя от традиционных путей исторического развития европейской цивилизации. Совершенно очевидно, что сегодня Россия продвинулась в сторону Европы, присоединяя свой голос к идеям европейского единства, европейского дома. Однако который из вариантов европейского политического, экономического и духовного развития окажется ей ближе? На этот вопрос сегодня чрезвычайно трудно ответить. К тому же в XX веке в понятие «Запад», когда-то связанное только с западноевропейским регионом, властно вошла яркая роль североамериканской цивилизации.

Парадоксально, но факт, что многие наши современники при раздумьях о России и Западе сопоставляют сегодня нашу отечественную действительность именно с реалиями Соединенных Штатов. Каким-то загадочным образом даже возник миф о нашем сходстве с американцами; Россия широко распахнула двери американской массовой культуре, до смешного стремится, чтобы хоть что-то было у нас, «как в Америке». Мне это кажется большим заблуждением, от которого уже отошла старушка Европа. Именно в ней, а не за океаном или в загадочном мире Востока, предстоит, как мне думается, органично жить и развиваться новой России, которой, может быть, наконец удастся уйти и от имперского высокомерия, и от стремления подражать какому-то, даже самому заманчивому, не своему облику.

НАТАЛИЯ БАСОВСКАЯ,
член общественной коллегии журнала «Родина»,
профессор, доктор исторических наук,
проректор Российского государственного
гуманитарного университета

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

Русские глазами испанца

Трагедия длиной в триста лет

Россия и духовный мир Европы

ХУАН КОБО

ВСТАНЕТ ЛИ БОГАТЫРЬ?

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ИСПАНЦА

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

Прожив практически всю жизнь в этой стране, я много раз задумывался над вопросом: «Какие же они, русские?» Временами, когда я сталкивался с их хамством, злобой, жлобством, ленью, необязательностью, вороватостью, пьянством, — а случалось это сплошь и рядом (так что и сам я со временем, скажем откровенно, изменился не в лучшую сторону), — я выходил из себя, с пеной у рта утверждал, что более отвратительного народа на свете нет.

А потом, соприкасаясь с их добротой, сердечностью, отзывчивостью, щедростью, гостеприимством, широкой натурой, — и с этим я сталкивался сплошь и рядом, к счастью, — я в корне менял точку зрения и настаивал на том, что лучше народа быть не может.

Причем, когда я оказывался далеко от России, плохое тут же забывалось, помнилось как-то абстрактно, а вспоминалось — вернее, сердцем чувствовалось — только хорошее.

И только со временем, когда я стал совсем седой, я наконец-то пришел к очень простому и емкому выводу: русские — очень разные.

Вы скажете мне, что это банально, что все люди — разные, к какому бы народу они ни принадлежали. Но попытаюсь объяснить, какие нюансы все же таятся в моем вроде бы тривиальном утверждении.

Я не хочу противопоставлять русских другим народам Европы, частью которой они по большому счету и сами являются. Однако у испанцев, немцев, французов, англичан их разность и индивидуальность, как мне представляется, сглаживается общими для них нормами поведения и бытовой культуры, к которым их приучали с раннего детства. У русских все как бы снаружи, более неприкрыто, более контрастно. Я не берусь судить, насколько лучше или хуже тот или иной вариант, да и не о том речь.

Попадая в Испанию после грубоватой и неотесанной на уровне уличного общения России, я прямо купаюсь в атмосфере благожелательности и учтивости. Одно из самых сильных для меня впечатлений всегда — поездка по шоссе, особенно в горах, когда едущий впереди водитель трейлера рукой или габаритными огнями предупреждает, что сейчас обгонять его опасно, потом дает понять, что теперь — можно. И ты обгоняешь, и гудишь: «Спасибо, друг». А он тебе в ответ тоже гудит: «Не за что». Но не дай Бог поставить перед тем же водителем маленькую проблему — оболочка хороших манер внезапно спадает, с тобой начинают обращаться корректно сухо, а то и раздраженно.

(Особенно часто такое происходит, когда имеешь дело с испанской бюрократией. Опираясь на жизненный опыт, осмеливаюсь утверждать: испанская хуже, чем даже советская, хотя у последней мировая дурная слава. Правда, испанский чиновник — особенно чиновница — не столь груб, но часто более холодно-оскорбителен, жесток и менее подвержен элементарным человеческим чувствам. Он держится в рамках правил, часто абсолютно идиотских, но при этом скрытно упивается своей властью.)

С русским человеком — все то же, но с точностью до наоборот. С хорошими манерами у многих из русских очень туго. Да и откуда им взяться, если воспитанием занимаются с детства, а тут и отец, если вообще он был, и мать днями пропадают на работе, и главным воспитателем их детей становится улица. А потому очень часто при первом контакте с русским — особенно на улице — нарываешься на грубость, даже хамство, которые тебя нередко застигают врасплох. Мои знакомые считают, что самое главное их впечатление от России — контраст между жесткостью и суровостью поведения на улице и в то же время мягкостью и сердечностью в домах, куда им приводилось попадать.

Надо оговориться, что само слово «русский» вмещает более широкое понятие, чем просто принадлежность человека к какой-то национальности, к определенной этнической, расовой или антропологической группе. Именно поэтому, надо думать, в нынешней России вместо слова «русский» так часто используется термин «россиянин», который трудно перевести на другой язык, ибо выглядят два слова вроде бы синонимами. Но это не так. Под «русским» подразумевается не вообще человек, живущий в этой стране, а человек, который проникся особым русским духом, русской культурой.

Как бы ни возмутились моими словами «патриоты» — сторонники чистой русской крови, но такой практически почти нет, да и никогда не было в России. Даже если судить по фамилиям, сколько в этой стране людей, которые произошли от инородцев или от смешанных браков — от евреев до корейцев! И при этом многие из них в не меньшей степени русские, чем иные Ивановы или Смирновы. А иногда — даже в большей степени.

Дело в том, что и Россия нечто большее, чем страна в обычном понимании этого слова. Это целый материк, ядро Евразии, как определил замечательный русский историк Михаил Гефтер, «мир миров», в котором веками сосуществуют представители разных национальностей, этнических групп и даже рас. Это своего рода макроэтнос, исторически довольно молодой, обладающий своими традициями, склонностью к определенным эмоциям, симпатиям и антипатиям, особой шкалой жизненных ценностей и потребностей.

Хотя этот материк-Россия находится на стыке Европы и Азии и поэтому — как и Испания, оказавшаяся между Европой и Африкой, — в историческом выборе долго колебалась между этими культурными полюсами, мироощущение и психологический настрой русских ближе к европейскому, нежели к азиатскому началу.

А еще точнее будет сказать, что это и не Восток — в этом «мире миров» нет ничего застывшего, оцепеневшего, хотя восточный элемент весьма силен; но это и не Запад — нет в нем его рационализма, предметности и конкретности, хотя он всегда старался взять лучшее от западной культуры. Это особый феномен в мировой цивилизации и культуре.

Та самая разность в русских, с которой я начал этот разговор, связана и с тем, что замечательные философы начала XX века: Соловьев, Бердяев, Розанов, Федоров (их была целая плеяда, и все занимались изучением тайников русского национального характера) — определяли как необычную противоречивость натуры то, что доброе начало как-то причудливо и органически уживалось со злым, религиозное рвение — с почти языческим неверием, комплекс имперского величия — с комплексом национальной приниженности. Это всегда надо иметь в виду, когда имеешь дело с русским человеком; он неожиданно может повернуться к тебе одной из сторон: вовсе не потому, что он с «двойным дном», а в силу именно этого природного дуализма.

Сталин, который по происхождению был грузином (некоторые утверждают, что он был осетин, другие — кутаисский еврей), став диктатором России, осознанно культивировал в себе русские элементы и сделал все для того, чтобы вытравить в русском народе свойственный ему интернационализм, разжечь в нем подспудно существовавшие шовинистические чувства.

После этого началось безудержное восхваление всего русского, дошедшее в ходе борьбы с так называемым преклонением перед Западом и космополитизмом (вылившейся в травлю евреев) до абсурда: русские были провозглашены чуть ли не новыми арийцами, которым принадлежали все достижения мировой цивилизации. Редкие интеллигенты, сохранившие чувство юмора, мрачно шутили тогда: «Русский паралич — самый прогрессивный в мире».

Но наиболее темным пластам простонародья такая лесть была весьма приятна. Нередко можно было увидеть мертвецки пьяного человека, вывалявшегося в

грязи, который рвал на себе рубашку и истерично кричал: «Я — русский!» Таким одурманенным грубой лестью людям легче было внушить, что они живут в самой процветающей и справедливой стране.

Критический взгляд на себя, свойственный всем народам, которые пытаются понять свой национальный характер, узнать, в чем его сила и слабость, общее с другими и уникальное своеобразие, был поставлен вне закона. Именно поэтому были запрещены или попали под подозрение писатели, занимавшиеся этой темой, — от Достоевского до Зощенко и Платонова и даже работы Горького на эту тему, нелицеприятные для русского народа. А труды философов «серебряного века» России, которых я уже называл, вообще были объявлены антисоветскими.

В жертву этой политике были принесены и традиции терпимости по отношению к другим народам, жившим в СССР. Любая попытка осознать ими свою национальную самобытность тут же объявлялась буржуазным национализмом, каралась огнем и мечом.

Вместо естественного и свободного сосуществования, традициями уходившего в прошлое и продолжавшегося в первые годы после революции, началась искусственная унификация и русификация — пагубная политика, горькие плоды которой в виде антирусских настроений мы сейчас пожинаем во многих республиках.

Так, например, были отменены арабские алфавиты на Востоке, на которых зиждилась вся их вековая письменная культура. Даже в мелочах русификация оскорбляла чувства людей — всем предписывалось иметь имена и отчества по русскому образцу: так появлялись эстонские Эрнесты Карловичи, азербайджанские Али-оглы превращались в Али Абдурахмановичей (да что там далеко ходить за примерами: мою маму впервые вписали в советский паспорт как Энкарнасион Францисковну, и только позже ей удалось настоять на том, чтобы она стала Энкарнасион Ортс Кальбо; а моего сына, вопреки моей и жены воле, нарекли Иваном Хуановичем, категорически заявив, что иначе нельзя).

Вместе с развалом империи, крушением мифов о былом величии, большинство людей за исключением небольшой группы (3—4 процента населения) патриотов-националистов, помешанных на идее русского превосходства и всемирного жидо-масонского заговора против России, пережили настоящий переворот в своем национальном сознании.

Порой дело доходит, на мой взгляд, до противоположной крайности: у многих возникает ложное убеждение, будто везде все лучше, чем в России; что это — страна дураков, а кругом — все умные. Это издержки роста: любой народ, трезво оценивая свои слабости, должен осознавать и свои сильные качества. А у русских таких качеств немало.

Теперь стало ясно: для становления нового русского общества и воссоздания нормальной экономики категория частной собственности, одновременно являющейся и гарантией личной свободы, столь же необходима, как и во всех других странах. Дело в том, что многими и прежде в России объявлялось, будто ослабленная тяга к собственности — одна из врожденных особенностей русского характера, в корне отличающая русских от других народов.

Действительно, некоторые основания для этого существовали. Однако корни этого явления уходят отнюдь не в национальный характер, а в особенности русской истории.

Так, еще в древнерусский период установилась норма, согласно которой в стольном — главном — городе сначала Киевской, а затем Владимирской и Ростово-Суздальской Руси на княжеский стол садился старший, причем и по иерархии наследования, князь со своей дружиной, а в других городах княжили, согласно значению этих городов, его младшие родственники. А когда старший князь умирал (или погибал, что случалось весьма часто), все остальные князья перебирались, согласно своей иерархии, в более крупные города.

Таким образом, в отличие от Западной Европы, где феодалы прорастали корнями в свои земли, передавая их по наследству и отвечая за их процветание или оскудение, в древнерусском обществе власть была своего рода перекати-полем. Эта непрекращавшаяся ротация не способствовала, естественно, созданию каких-либо устойчивых экономических структур, поскольку бедные крестьяне и горожане-ремесленники к тому же были полностью бесправными.

Такое бесправие всех, включая и возникший впоследствии класс дворянства, был родовой чертой сильной Московской Руси. Ее символом стал Иван Грозный, который карал и миловал по своей прихоти представителей любого сословия. Собственность и тогда была в России эфемерной, а крестьяне, попавшие вскоре в крепостное право, жили общинами, зависевшими от воли помещика. Впрочем, те же помещики, как и вообще высший класс России, полностью зависели от воли самодержца — в случае опалы их имущество и земли свободно конфисковывались в пользу государства.

После отмены крепостного рабства в XIX веке крестьяне продолжали жить в условиях общинного землепользования и лишь в начале XX века Столыпин попытался создать класс вольных фермеров. Но этот кратковременный эксперимент, давший бурный всплеск экономической активности, был прерван Октябрьской революцией. Она во многом и победила благодаря тому, что пообещала крестьянам землю в собственность, но после кратковременного нэпа отобрала землю. И в городе понятие частной собственности также было в корне уничтожено на многие десятилетия.

Как видите, настоящей собственности, чувству ответственности за нее, работе во имя ее приумножения, которая вырабатывает глубокие трудовые навыки, — всего того, что на Западе является вековой традицией, — в России просто некогда было привиться. А потому утверждение, будто русский человек — бессребреник, не желающий иметь добра, идеалист, далекий от мысли о богатстве, свободный, поскольку не отягощен собственническими инстинктами, — вымышлено. В тех редких случаях, когда перед ним маячила иная перспектива, он стряхивал с себя вековую спячку и апатию и горячо брался за свое дело, пока его опять не лишали возможности им заниматься.

...Существует еще миф о русском народе — его лени и апатии. Действительно, если сравнивать его с такими работящими народами, как немцы и японцы, то в нем нет особенной четкости, ответственности, обязательности в труде. И тут свою роль играют не столько исторические, сколько природные и географические факторы. Они, как отмечали еще Риттер и Бокль, накладывают огромный отпечаток на национальный характер.

Эти факторы подробно исследовались русскими историками — от профессора Ключевского до замечательного современного историка-этнографа, пока еще мало оцененного на Западе, Льва Гумилева.

Ключевский отмечал, что от природных условий — подвижность, «бродячий» характер населения Восточной Европы, рассеянного и распыленного, отсюда и «колонизационный» характер русской истории, в которой государство выступает единственным организационным и организующим началом.

И еще он подчеркивал, как расслабляюще действуют на души людей огромные расстояния и просторы, а также сезонность сельскохозяйственных работ с их бешеным темпом на протяжении короткого времени и следующим за этим долгим периодом низкой активности.

Русская нация, считает Гумилев, сложилась главным образом из двух компонентов. Это древние «русы» (многие ученые считают их германским племенем), которые еще во времена Римской империи отличались буйным норовом, воинственностью и склонностью к грабежам и насилиям, а также — и главным образом — славяне-«поляне», земледельцы, отличавшиеся тихим нравом и привязанностью к земле.

К чему привели гены и традиции первых — известно: это не только внутренний потенциал былой экспансии России, но и зародыш казачьей вольницы и разбойного мира, который во все времена, в том числе и в наши дни, пропорционально с другими странами занимает в русской демографии большое место, обладает даже своей «культурой» и эстетикой, если хотите. Из носителей этих генов получаются отличные солдаты, а вот про трудовые их навыки говорить не приходится.

Что касается носителей генов и традиций «полян», то это как бы совсем другой народ: тихий, спокойный, медлительный. Огромные и ровные просторы, им населяемые, видимо, вырабатывали у них своего рода фатализм, непривычность к быстрым и решительным действиям — поскольку и быстрых результатов от них они увидеть не могли; а смена короткого лета долгими зимами вела к тому, что веками не вырабатывалась привычка к каждодневной кропотливой и педантичной работе: летом приходилось работать быстро (отсюда даже выражение «страда»), а зимой они подчас не знали, чем себя занять.

Живя в лесах и лесостепи, русские строили не каменные, а ветхие деревянные избы — причем не только в деревнях, но и в той же Москве, где только очень богатые могли строить каменные хоромы. Эти ветхие сооружения из дерева время от времени полностью выгорали (вся Москва сгорала несколько раз), приходилось строить новые, а это делало материальную жизнь особенно эфемерной, придавало ей ощущение какой-то временности и зыбкости, лишая людей исторических корней, которые воплощены в домах каменных, где поколение сменяет поколение, улучшая и благоустраивая их.

Все эти обстоятельства истории, географии, климата и т.д., вместе взятые, следует еще помножить на последствия более чем 70-летнего господства большевиков, которое привело к гибели всего самого ценного, что было в генофонде русского народа, и усугубило многие отрицательные черты у уцелевших, поскольку их приучали изо дня в день к лени, безынициативности, воровству, иждивенчеству.

Одним из негативных последствий было то, что в силу отсутствия частной собственности все было государственное, а вроде бы и ничейное, а потому особенно беспощадно разворовывалось. Вот почему говорили, что СССР самая богатая в мире страна: десятилетиями все воруют, а разворовать никак не могут.

В то же время при большевиках усилилась существовавшая и в прошлом враждебность (а также завистливость) к крепким хозяевам, живущим зажиточно. В России, а потом и в СССР это чувство обретало особую форму: многие люди не столько не хотели стать состоятельными (это практически было и невозможно), сколько стремились, чтобы и остальные не поднимались выше их уровня. И под такой низменный эгалитаризм подводилась своего рода житейская философия якобы сугубо русского свойства.

Между тем потенциал русского народа очень велик и не реализован. Среди русских — немало замечательных работников-умельцев, прекрасных организаторов. Не будь их, вся искусственная постройка советской экономики, созданная Сталиным, давно бы развалилась. Она держалась только на энтузиазме и самоотверженности людей, любящих работу и себя в ней. И сейчас, когда эти люди получили возможность работать свободно и осмысленно, они могут очень многое сделать. Меня поразило такое сообщение из Польши: приезжающие туда на заработки русские строители пользуются очень доброй славой, хотя им платят много меньше, чем полякам, они трудолюбивы, добросовестны и, главное, не пьют.

Что-то очень важное меняется сегодня не только в умонастроениях людей — происходят изменения и в национальном характере русских. И нельзя не заметить, что эти изменения к лучшему.

В старинных русских былинах есть сюжет про богатыря Илью Муромца, который 30 лет и 3 года просидел сиднем на лавке в избе, затем неожиданно встал и начал совершать чудеса. Может быть, этот момент повторится?

ЛЕВ ГУДКОВ

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ: ВЕРСИЯ ЗАПАДА И РОССИИ

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

В европейской литературе понятие «нация» чаще всего связывается с комплексом идей и представлений о национальном государстве, более того — подчас используется как его неполный синоним (ср. Организация Объединенных Наций и т. п.). Под этим словом обычно понимается совокупность людей, говорящих на одном или близких друг другу языках и, как правило, имеющих общее этническое происхождение и объединенных едиными политическими институтами. Можно сказать и так: нация — это политическая единица, стремящаяся к независимости, исходя из идеи утверждения национальной культуры и необходимости ее государственной защиты.

В России и всей субойкумене, именуемой бывшим СССР, дело обстоит несколько иначе. Трудности начинаются уже с того, что понятие, аналогичное или близкое европейскому понятию «nation», здесь либо отсутствует, либо сформировалось совсем недавно.

В русском языке — в пределах бывшего СССР языке господства — существует несколько семантически близких слов, фиксирующих обстоятельства межэтнических отношений. Во-первых, это слово «народ», которое имело и отчасти до сих пор сохраняет социально-статусный смысл: податное население державы, т. е. масса людей, характеризующаяся низким статусом или принадлежностью к низшим сословиям. В понятие «народ» не включались ни аристократия, ни чиновничество, ни духовенство. В опирающейся на оппозицию «Запад—Восток» системе модернизационной идеологии интеллигенции народ рассматривался как нечто нецивилизованное, дикое, отсталое, подлежащее просвещению и окультуриванию. От имени «народа» интеллигенция выступала с критикой власти и правительства за дефекты или несовершенства проводимой социальной политики модернизации. Слово «народ» и сегодня продолжает сохранять признаки коллективной пассивности и подчиненности, страдательности. Речь идет, как правило, об объекте управления, а не субъекте действия, владения культурой, собственностью, потенциалом активности, инициативы, вообще чем-либо, кроме способности подчиняться. Важнейший признак народа в такой картине мира — это его, выражаясь словами Пушкина, постоянное «безмолвствование». Это главная функция «народа». В случае же активного выступления той или иной части населения она получает либо явно выраженный групповой, социальный или профессиональный признак (шахтеры, врачи, армия и проч.), либо уничтожающую метку или предикат — черни, отщепенцев, антисоциальных элементов, боевиков и проч.

Я не буду сейчас говорить еще об одном представлении о народе — как о носителе метафизических свойств и особой моральной витальности, мудрости и других начал, — используемом романтически-консервативной частью интеллигенции для критики либо власти, либо своих либеральных конкурентов. Замечу лишь, что в обычном русском словоупотреблении понятие «народ», подразумевающее в первую очередь социально-низовое население, лишь на втором плане сохраняет некоторые обертоны этнической квалификации («русскости»).

Выражение «советский народ», сегодня употребляемое почти исключительно в уничижительном смысле, до распада Союза указывало именно на общность социально-политического положения, а не на этнокультурное своеобразие. Этим словосочетанием акцентировалось имперское нивелирование национальных особенностей, отсутствие претензий на суверенитет и независимость отдельных этнических общностей, единство режима, общность положения перед центральной властью.

Понятие «народность» относится к этнической группе (как правило, малочисленной) неславянского происхождения, не имеющей собственной государственности или административного представительства в органах власти. «Национальность» используется либо как синоним «народности», либо — что гораздо важнее и чаще — означает административно (бюрократически, органами внутренних дел, то есть государством) закрепляемую принадлежность к этнической группе. Формальный характер подобной процедуры скрывает дискриминацию этнических групп, иерархию национальностей.

Подобная иерархия этнических статусов, сознаваемая членами сообщества, хотя официально и не декларируемая, присуща полиэтническим сообществам, чаще всего имперского типа, в которых доминирующий этнос выступает синонимом целого. В этом случае ранги этнических групп будут определяться близостью их к самопониманию господствующего этноса (в данном случае русских), а также — что немаловажно — величиной этнической группы. Поэтому иерархия национальностей (с точки зрения русских) строится примерно следующим образом: сами русские, украинцы, белорусы, балты, молдаване, евреи, поволжские народы (татары, башкиры, чуваши и проч.), казахи, кавказцы, среднеазиаты и т. д. В основу подобного ранжирования положена довольно смутная шкала предпочтений, включавшая и наличие известной государственной самостоятельности, и развитость, близость к европейским странам, уровень потребления, характер культуры, и ощущение угрозы основному этносу (символической, то есть ощущение потенциального ущерба престижу, отказа в признании права на ведущую роль, на доминирующие позиции, или мифологической — ощущение большей жизненной активности, ловкости, динамичности, успешности в делах и т. п.).

Специалисты-этнографы, разумеется, используют и термин «этнос» и некоторые другие, однако они не выходят за рамки академической среды.

До распада СССР понятие «нация» заключало в себе нечто иное. Оно означало коренное население союзной или автономной республики, давшее ей титул. Это чисто формальное словоупотребление объединяло как нации в европейском смысле (сравнительно модернизированные этнические общности, с развитой культурой, утратившие в результате оккупации собственную государственность — в первую очередь прибалтийские страны), так и этнически или культурно неоднородное население государственных образований, возникших в процессе формирования коммунистической империи или под влиянием актуальных политических интересов. Подобная двусмысленность привела к тому, что использовалось не существительное «нация», а лишь производное от него прилагательное — «национальный», соединяющее одновременно (в неопределенном контексте) и административный смысл, и значение этнической принадлежности. Существительное же чаще заменялось двумя словами — «народ» (этнос) или «национальность», принадлежность к определенной этнической группе в рамках полиэтнического государственно-административного целого — империи или — в сегодняшних условиях — этнократического государства.

Существенно важно, что механизмы национальной идентификации связаны с двойными стандартами самооценок: «для себя» и «для других». Первые предполагают согласование с устойчивым ядром традиционных и наименее рационализируемых представлений этнической общности о самой себе, вторые содержат оценку собственных качеств в ряду или в системе соотнесения с другими национальными общностями, с Западом, с мировым содружеством «цивилизованных стран» и т. п. При этом в условиях модернизации, превращения полутрадиционных сообществ в индустриальное и городское общество именно Запад играл для советского социума роль коллективного обобщенного Другого, анонимного судьи или наблюдателя, Третьего персонажа, в присутствии которого разворачивалось и разворачивается сегодня поведение участников политического или культурного процесса. Разумеется, эта структура самоидентификации значима в первую очередь для русских и родственных им в культурном и социальном отношении славянских народов, образовывавших ядро советской империи и в минимальной степени ощущавших до ее распада свою этническую ущемленность. Скажем, для балтийских народов Запад выступал уже в ином качестве — абсолютное большинство респондентов из этих стран считает себя людьми Запада, западной культуры. Это безусловно является негативной реакцией на собственное положение в империи, хотя для такой самооценки есть определенные основания — во многих отношениях эстонцы, латыши, в меньшей степени — литовцы, демонстрируют большую прозападность ориентаций.

Проиллюстрирую это на примере данных ряда исследований ВЦИОМ, в которых использовалась процедура выбора качеств, наиболее характерных для различных национальных или этнических групп (собранный материал позволяет дать обобщенные портреты 20 народов, включая как образы условных европейцев, «западных людей» — немцев и англичан, так и всех основных национальностей бывшего СССР). Для описания каждого типа предлагался список из 27 качеств. В таблице 1 приведены характеристики полярных образов — англичанина, русского, узбека и эстонца, — данные русскими.

Таблица № 1

Русские о других

Англичане — полюс позитивных качеств Запада, почти не имеющий негативных компонентов (с этими характеристиками структурно совпадают и описания американца, немца и др.): культурные, воспитанные (73%), энергичные (59%), с чувством собственного достоинства (56%), рациональные (48%), трудолюбивые (34%), религиозные (31%), свободолюбивые, независимые (25%), почтительные со старшими (18%), готовые прийти на помощь (12%), властолюбивые (11%).

Образ носителя восточной культуры, человека Востока в мифологизированной оппозиции «Запад—Восток» (узбека или таджика, туркмена или якута) соотносится с набором западных черт как негатив с позитивом: пассивность, недостижительность, традиционализм, покорность и нецивилизованность. (Характерно, что структурно это те же признаки, которые жители европейских стран, в частности немцы или французы, приписывают самим русским.)

Узбеки — почтительные со старшими (54%), гостеприимные (48%), религиозные (46%), забитые, униженные (25%), трудолюбивые (24%), лицемерные (18%), жестокие (17%), терпеливые (15%), безответственные (15%), ленивые (14%), завистливые (13%).

Литовцы — культурные, воспитанные (32%), энергичные (31%), с чувством собственного достоинства (30%), свободолюбивые, независимые (29%), рациональные (34%), трудолюбивые (25%), религиозные (17%), скрытные (17%), готовые прийти на помощь (13%), властолюбивые (13%), эгоисты (13%), навязывающие другим свои обычаи (12%), почтительные со старшими (10%).

Русские о себе

Русские — открытые, простые (66%), терпеливые (59%), гостеприимные (58%), миролюбивые (56%), готовые прийти на помощь (55%), трудолюбивые (53%), непрактичные (30%), надежные, верные (28%), с чувством собственного достоинства (25%), ленивые (25%), безответственные (22%), униженные, забитые (18%), навязывающие свои обычаи другим (13%), завистливые (11%).

Русские, живущие в Балтии, существенно занижают собственно «западный» или «модерный» образ балтов, акцентируя в них традиционалистские свойства и черты. Так, у русских в Эстонии и в Литве представления о типичном эстонце и литовце сложились такими, как показано в таблице 2 (по материалам исследования «Русские в республиках», 1991).

Таблица № 2

Русские (в Прибалтике) о балтах

Эстонцы — трудолюбивые (50%), рациональные (41%), культурные, воспитанные (38%), скрытные 32(%), с чувством собственного достоинства (31%), свободолюбивые, независимые (30%), терпеливые (28%), миролюбивые (24%), гостеприимные (11%), энергичные (11%).

Литовцы — трудолюбивые (51%), религиозные (49%), свободолюбивые (37%), гостеприимные (27%), культурные, воспитанные (25%), рациональные (24%), скрытные (23%), миролюбивые (28%), энергичные (18%), терпеливые (17%), властолюбивые (13%), лицемерные, хитрые (13%), навязывающие свои обычаи другим (11%).

Представления русских о самих себе, то есть об особенностях русского национального склада и характера, в целом отличаются чрезвычайной устойчивостью и жесткостью: они принципиально неизменны в России и в тех или иных республиках, меняется лишь удельный вес различных элементов в зависимости от того, с кем соотносят себя русские в данном регионе.

Основная конфигурация черт русских в представлении о самих себе — это соединение традиционалистского и партикуляристского наборов характеристик с пассивным авторитарным комплексом зависимости и подчиненности. Эти определения составляют образ русских для себя — пассивных, терпеливых, простых и открытых, замкнутых в неформальных группах или взаимосвязях, которые ограничивают агрессию, давление или угрозу извне и обеспечивают выживание (не индивидуальное, а групповое).

При этом власть не носит отчетливо выраженного группового или личного характера. Она проявляется анонимно, негативно, обнаруживаясь скорее в результатах своего воздействия — во всеобщности терпения как позитивном национальном качестве. У русских в России на первом месте стоит такое качество, как «простота и открытость», у русских в республиках — именно «терпеливость». Причем у наименее адаптированных в республиках респондентов это свойство упоминается чаще в сравнении с другими группами, у более же приспособившихся или обжившихся на первый план выступают партикулярные качества («простые», «надежные» и т. п.).

Этот уравнительный характер подчинения чрезвычайно важен для русского самосознания. Прежде всего он свидетельствует о неиндивидуализированной идентификации с властью — не личная власть, а власть общая, национальная, государственная, требующая безусловного подчинения, замещающего иные механизмы группового сплочения и солидарности. Подчинение выступает здесь как обобщенная норма поведения, как показатель лояльности к группе и к социальному порядку во всей его осмысленной целостности. Поэтому собственные претензии на власть не осознаются, да и не являются по сути претензиями на господство, а выступают как национальная корпоративная черта или особенность. Неприятие же этого национально-корпоративного (или выстраиваемого по иерархии национальностей) порядка другими этническими группами, долгие годы находившимися именно в ситуации подчинения, воспринимается очень болезненно и квалифицируется как властолюбие.

В общем и целом, соединение в национальном автостереотипе русских таких черт, как традиционность и авторитарность, свидетельствует о сильнейшем и глубинном консерватизме, воспроизводившемся основными политическими и социальными институтами империи. Русское «национальное» сознание является в большей степени именно великодержавным сознанием, а не комплексом миссионерских или модернизаторских представлений.

Встает, таким образом, вопрос: можно ли говорить о собственно национальном сознании применительно к большей части жителей бывшего СССР?

По отношению к русским — определенно нет. Или, точнее, к большей части русского населения — нет. Для русских главную роль в структурах самоопределения играла до последнего времени квалификация себя как граждан СССР, как советских людей. Ни язык, ни культура, ни прошлое или традиции не имели такого значения, как восприятие себя в качестве граждан советского государства. Не Россию, а именно СССР назвали своей родиной от 63 до 81% русских (в бывших союзных республиках эта доля в целом выше, она увеличивается с «запада» на «восток» — от Прибалтики до Средней Азии). Это составляет их главное отличие от всех других этнических групп, особенно таких, которые характеризуются выраженным ростом национального сознания, стремлением к эмансипации и национальному суверенитету, — Балтии, Армении, Грузии и др.

Из данных опросов ВЦИОМ, затрагивающих аспекты исторического сознания и события этногенеза, следует, что глубина исторической и социальной памяти русских весьма невелика: символический ресурс не выходит за пределы советского периода или официальной предыстории коммунистического режима, русской империи в лице наиболее знаменитых полководцев державы или опорных имен официальной культуры — Пушкина, Толстого, Менделеева. Минимальный объем сведений из школьного курса культуры, воспроизводимый массовым сознанием, сводится к элементарному обоснованию власти, ее трактовке как конституирующей и интегрирующей общество силы. «Власть» в этой легитимационной легенде рассматривается исключительно как творец общества, как причина его изменений, фактор оптимизации его существования в будущем.

Но идентификация с властью предопределяет лишь один из уровней русского самосознания — верхний, или символический, компенсаторный и декларативный уровень граждан супердержавы. До последнего времени эта структура самосознания оправдывалась характерным образом врага, в качестве которого утверждались страны Запада, а ранее — Китай. Но существовал и постоянно усиливался низший уровень, который задавался уже не собственным образом русских в ряду других держав, так сказать, международным парадом национальных величий, а внутренним, частным, потребительским образом существования, — и здесь картина была противоположной по интонации. Здесь доминировали определения себя в категориях отсталости, бедности, нецивилизованности, пассивности, лености, страдательности. В сравнении же с образами людей других стран или национальностей, этнических групп русские воспринимали себя как своего рода антиподов европейцам.

Иными словами, мифологическая структура самоопределения себя по оси «Запад—Восток» распадалась на два плана. В качестве современных и полнозначных русские воспринимали себя только в милитаризованной и парадной ипостаси: в роли граждан СССР как одной из супердержав со своими военными победами, танковыми армиями, боевыми ракетами, космическими станциями, показной высокой культурой (балетом, театром, мертвой классикой XIX века). Напротив, в качестве частных или отдельных лиц русские, начиная примерно с середины 70-х годов, времени образовательного перелома, а также приостановки роста уровня жизни, испытывали сильнейшие мазохистские чувства, растущие по мере сопоставления условий жизни в Союзе и «за бугром», распространения информации о потребительских товарах и стандартах жизни.

Особенность модернизационного процесса и модернизационной идеологии в России (или шире — СССР), заключающаяся в том, что агентом и инструментом модернизации рассматривалось исключительно государство, власть, имела своим важнейшим следствием подавление, «кастрацию» любых импульсов для функциональной дифференциации, основанной на признании ценностей самоответственного индивида, инициативного, действующего в собственных интересах, а стало быть — вытеснение любых возможностей группового образования, отношений солидарности, возникающих как автономные союзы или коллективы. Иначе говоря, власть подавляла импульсы развития гражданского общества как союза союзов или независимых групп, их институтов, могущих выражать иные интересы, кроме властных.

Систематическая селекция (путем репрессий, цензуры и т. п.) самой возможности подобной дифференциации — в системе культуры, образования, экономики, права и проч. — создала своего рода вакуум ценностных оснований для автономии — именно по-

этому первым и главнейшим основанием для дифференциации стала этническая принадлежность. Культивировался и воспроизводился поэтому эгалитаристско-патерналистский комплекс самоидентификации («простой», «открытый» зависимый человек как коллективный субъект, как субъект политического подчинения). Такие характеристики, как «простой», в контексте советской культуры означали не психологическую искренность или открытость, а причастность к массовым слоям населения, сниженность социального статуса, отказ от индивидуалистических устремлений, ограниченность потреблений и запросов.

В этом смысле ценностные качества, являющиеся элементами позитивного самоопределения русских (или близких к ним этнических групп), нейтрализуют активистский потенциал личного, индивидуального действия, ориентации на успех, на достижение, которые номинально высоко котируются в образе западного человека, выступающего ориентиром для развития общества как целого. В качестве же внутринациональных характеристик они оцениваются крайне негативно, очень часто приписываются инонациональным группам — евреям, кавказцам и т. п. Происходит своего рода «блокировка модернизации». Если у балтов такие компоненты, как трудолюбие, самодостаточность в культурном смысле, национальный дух, предполагают стимуляцию индивидуального достижения (то есть близость и родственность к Западу), то для русских или для других славянских народов это воспринимается как нечто чуждое национальному типу поведения.

Поэтому не случайно, что структура идентификации русских сегодня испытывает сильнейшие напряжения и разрывы. Исследования фиксируют значимый межпоколенческий конфликт, суть которого заключается в том, что ценностные стандарты и ориентации, кодекс поведения старшего поколения работают на поддержание идентификации с властью (дело не меняют нынешние претензии к власти — они идентичны с ранее существовавшим комплексом патерналистской зависимости от власти), тогда как предпочтения и ценностные ориентации молодых отличаются гораздо большей терпимостью к социальному неравенству, ориентациями на успех, признанием в качестве ориентиров личного богатства и потребительского стандарта, имеющего специфически «западный» характер (разумеется, по мнению самих респондентов). Молодое поколение демонстрирует и гораздо большую терпимость к этническим различиям, больший иммунитет в отношении идей и планов реставрации империи, склонность к отказу от признания собственно русских символов и ценностей; никакие уловки об интеллигенции, русской культуре, духовности и соборности здесь не принимаются.

Молодые обнаруживают и пропорционально более выраженную негативную оценку всего русского, поскольку оно воспринимается как старое, идеологическое и часто официальное. В этом смысле потребность в самоопределении на иных ценностных основаниях заставляет их переоценивать — или, точнее, негативно оценивать — доминирующие черты «русского характера» как советского («совка»). Чем сильнее выражена антипатерналистская установка, тем сильнее отказ от идентификации с властью, с системой, с «политикой». Все это заставляет предполагать начало трансформации русского великодержавного самосознания (отчасти его разрушение) и сделать вывод, что вряд ли следует ожидать ревитализации и массовой поддержки собственно русского национализма, характерного для наиболее консервативных идеологических групп и партий. Фаза национальной консолидации у нас уже пройдена, причем для русских пройдена в специфической форме — имперской консолидации и державного сознания. В этом смысле сегодняшние модернизационные импульсы имеют уже иной характер — они предполагают усвоение (пусть и в начальной степени) идей, связанных скорее с правами человека, гражданским обществом как вненациональными, космополитическими, «современными» западными формами социальной жизни и политической организации: демократией, правовым обществом, рынком и т.п. Пусть даже пока в чисто номинальном виде.

Сложность, однако, в том, что номинальное признание западных ценностей и норм как современных, цивилизованных достижений и правил поведения пока что блокирует их актуализацию в непосредственной социальной практике и поведении. Соединение модерных и традиционных ценностей и представлений в массовом сознании происходит через такую их интерпретацию, при которой сами эти ценности делаются условными или демонстративными. Там же, где они непосредственно сталкиваются как современные и консервативные ценности, входящие в образы национальных и этнических групп, там национальная проблематика неизбежно получает властное измерение. Поэтому усиление значимости национальной проблематики в ситуации распада империи можно расценивать как специфическое действие консервативных механизмов, блокирующих инновационный потенциал модернизационных элит или групп, универсалистских по своим ориентациям.

Неразвитость, недомодернизированность, нецивилизованность политического сознания экс-советского общества выразились в том, что пришедшие к власти этнократические элиты должны были следовать той же самой логике, что и коммунистический режим: искать и, естественно, обнаруживать национальных врагов в лице других народов и этнических групп, способных принять на себя проекции негативных аффектов, комплекса неудачи, неудовлетворенности и растерянности. Во всех бывших союзных и автономных республиках — от Татарстана до Грузии или Молдавии — национальные элиты немедленно занялись обличением национальных врагов. Все «некоренное» население подпадало под рубрику либо врагов, либо недружественных сил. Иными словами, воспроизводится тот же механизм редукции модернизационных импульсов, что и в советском обществе в целом. Поэтому, оценивая совершающиеся в рамках бывшего СССР изменения, можно говорить скорее о процессах традиционализирующей адаптации к влиянию Запада, чем о собственно модернизации. Неизбежная сдержанность (если не просто пессимизм) такого рода оценок вызвана отсутствием импульсов к какой-либо иной дифференциации, кроме как по этническим основаниям. В этом смысле большие надежды можно связывать с некоторыми довольно слабыми потенциями развития общества в России, нежели с тем, что происходит на ее окраинах.

ТАТАРЫ

Численность:
более 6,5 млн. человек.

Места проживания:
Поволжье, Башкортостан, Астраханская область, Сибирь.

Время образования: этническое ядро поволжских татар сложилось к X веку н.э. Монгольское нашествие в XIII веке вызвало шквал переселений, усилив межэтнические связи булгар с тюрками.

Происхождение этнонима «татары» до сих пор не выяснено. Известно только, что у современных татар этот этноним в качестве самоназвания утвердился лишь на рубеже XVIII—XIX веков.

Ученые различают три основных этнотерриториальных объединения татар, которые подразделяются на множество групп и подгрупп, различных по происхождению, языку, обычаям, культуре, антропологии и даже религии. Так, например, поволжские татары, изначально называвшие себя «булгарами» («булгарлы»), делятся на казанских, касимовских и татар-мишарей. В свою очередь в составе казанских татар этнологи выделяют северо-западную, юго-восточную, приуральскую, пермскую, чепецкую и другие этнотерриториальные группы. В составе мишарей — серагчскую и темниковскую группы. Близкими казанским татарам считают татар-кряшен, принудительно обращенных в христианство в XVI—XVII веках. К поволжским татарам относятся также православные нагайбаки и тептяри, живущие преимущественно в Башкортостане.

Этническая история татар сложна и запутанна. У каждого этнотерриториального объединения этого народа она складывалась по-своему. Предками современных поволжских татар можно назвать тюркоязычные племена, перекочевавшие с востока на запад во второй половине первого тысячелетия нашей эры, и местное финно-угорское население, положившее начало древнебулгарскому этносу. Возникшее в XV веке на территории современного Татарстана Казанское ханство позволило татарам обрести свою государственность.

По вероисповеданию значительная часть татар — мусульмане-сунниты.

МАРАТ АБДУЛЛАЕВ

СЕРГЕЙ ЗЕНЬКОВСКИЙ

РАЗРЫВ

ТРАГЕДИЯ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Успенский храм-часовня на Рогожском кладбище в Москве.

В 1970 году в Мюнхене вышло фундаментальное исследование С. А. Зеньковского «Русское старообрядчество: духовное движение XVII века». Книга замечательна тем, что ее автор подходит к болезненной и все еще недостаточно изученной теме, можно сказать, с образцовой объективностью. И этим работа особенно ценна, так как даже в наше время, богатое литературой по религиозной тематике, большинство русских читателей, к сожалению, имеют далеко не адекватное представление о церковных коллизиях XVII века. Пока книга ждет нового издания, редакция журнала решила опубликовать предисловие к ней, где автор прослеживает основные вехи освоения русским научным и общественным сознанием великой национально-религиозной трагедии.

В 1967 году, в связи с пятидесятилетием Февральской и Октябрьской революций, совсем незаметно прошла другая, но тоже очень значительная годовщина в русской истории — трехсотлетие раскола в русской церкви. Мало кто вспомнил, что три века тому назад, 13 мая 1667 года, собор русских и восточных епископов наложил клятвы[1] на тех православных русских людей, которые продолжали и хотели продолжать пользоваться старорусскими, дониконовскими, богослужебными книгами, креститься древневизантийским и древнерусским двуперстным крестным знамением и оставаться верными старорусской церковной традиции.

На самом соборе 1667 года только четыре человека, в том числе и «протопоп богатырь» — Аввакум, решительно отказались принять постановления этого сонма иерархов. Тем не менее вслед за ними очень скоро все большее и большее число русских людей стало высказываться против постановлений этих ретивых и неосторожных в своих решениях русских и ближневосточных, но преимуществу греческих, владык, проявлять свою верность древнерусскому церковному преданию и отказываться от подчинения совсем еще недавно общей для всей Руси матери церкви. Таким образом, в течение немногих десятилетий развилось мощное движение старообрядцев — самое значительное религиозное движение в истории русского народа, которое, не покорившись воле епископата и государства, стоящего за этими иерархами, на века оторвалось от церкви, бывшей тогда еще патриаршей, и образовало свои особые, отдельные, независимые общины. Русское старообрядчество пережило немало фаз значительного развития и заметного спада движения, раскололось на множество толков, все же объединенных любовью к прошлому русской церкви и русскому древнему обряду, и, несмотря на гонения, сыграло большую роль в духовном и общественном развитии русского народа.

Казалось, что триста лет, прошедших со времени церковной смуты, развившейся при царе Алексее Михайловиче, были достаточным сроком для изучения и выяснения причин трагического раскола в русском православии, который тяжело отразился на судьбах России и немало помог созданию тех условий, которые полвека назад привели царскую Россию к крушению. Но, к сожалению, до сих пор корни старообрядчества и причины русского церковного раскола семнадцатого века еще не полностью вскрыты в исторической литературе и остаются далеко не ясными. Несмотря на то что за последние сто лет было опубликовано немало документов и исследований, давших значительное количество сведений о событиях, приведших к выходу старообрядчества из лона русской патриаршей, а позже синодальной церкви, все же сравнительно немного было сделано для выяснения корней этого раскола в истории самой русской церкви, его идеологического содержания и его роли в развитии русского народа за последние три века.

До сих пор не вскрыта сущность влияния старообрядческой мысли на идеологию русских мыслителей, славянофилов и народников, «почвенников» середины прошлого века и думских «прогрессистов» начала этого, значение старообрядческих деятелей в развитии русской экономики и связи старообрядческих писаний с русской литературой начала двадцатого века.

Почти совсем забыт тот факт, что именно старообрядцы сохранили и развили учение об особом историческом пути русского народа, «святой Руси», православного «Третьего Рима» и что в значительной степени благодаря им эти идеи снова уже в прошлом и этом столетиях заинтересовали русские умы.

К серьезному изучению русского старообрядчества русские историки и богословы пришли только тогда, когда наступила годовщина двухсотлетия русского церковного раскола. До середины девятнадцатого века работы о старообрядчестве, написанные представителями русской церкви и русской исторической науки, имели только обличительные и миссионерские цели. Правда, уже тогда существовали многочисленные старообрядческие сочинения, рисовавшие совсем другую сторону этого трагического конфликта в душах русского народа. Но эти сочинения оставались почти что неизвестными широким кругам русского «европеизированного» общества и, конечно, не могли быть опубликованы ввиду строгих правил цензуры, не позволявшей дать слово представителям многомиллионного русского старообрядчества. К началу царствования Александра II положение несколько изменилось. Рост старообрядческих общин, успех старообрядцев-поповцев в воссоздании ими своей иерархии, появление старообрядческих изданий за границей и, наконец, само «открытие» русским обществом старообрядчества как мощного движения, насчитывавшего в своих рядах от четверти до трети всех великорусов, привели в конце 1850-х и в 1860-х годах к появлению обширной литературы о расколе и этих своеобразных русских «диссидентах».

Со времени Никона и до второй половины девятнадцатого века в исторической литературе господствовало весьма необоснованное мнение, что, переписывая богослужебные книги, древнерусские переписчики сделали немало ошибок и искажений текста, которые с течением времени стали неотъемлемой частью русского богослужебного обряда. Кроме того, историки раскола совершенно ошибочно полагали, что в искажении церковных книг были виноваты не только древние переписчики раннего русского средневековья, но и те первые противники патриарха Никона, которые в конце 1640-х и начале 1650-х годов близко стояли к руководству церкви и книгопечатанию и поэтому будто бы смогли внести в печатные уставы того времени ошибки, сделанные в предыдущие века. В числе этих лиц, которых считали ответственными за внесение ошибок уже в русские печатные издания семнадцатого века, называли руководителей раннего сопротивления Никону, протопопов Ивана Неронова и Аввакума. По мнению этих исследователей из числа иерархии и миссионерских кругов, такие ошибки стали возможны ввиду отсутствия достаточного просвещения в средневековой Руси, бедности русской научной

и церковной мысли того времени и, наконец, особого склада русского древнего православия, которое, по их мнению, придавало преувеличенное значение вчерашней набожности и обрядам. Даже такой известный и ученый историк русской церкви, как митрополит Макарий Булгаков (1816—1882), придерживался этого мнения в изданном им в 1854 году капитальном труде об «Истории русского раскола старообрядчества».

Такую же позицию в объяснении религиозных причин раскола сначала занял и молодой казанский историк Аф. Прок. Щапов (1831—1876), который в своей магистерской диссертации «Русский раскол старообрядчества», защищенной им в 1858 году, называл движение сторонников старой веры «окаменевшим осколком древней Руси». Все же, несмотря на свой ранний традиционно отрицательный взгляд на старообрядцев, Щапов внес уже и в этом труде нечто новое, пытаясь вскрыть социальные причины, толкнувшие в раскол широкие массы русского народа. Через четыре года, пользуясь перевезенной во время Крымской войны в Казань богатейшей материалами по расколу библиотекой Соловецкого монастыря, Щапов пересмотрел свои взгляды. В новом труде «Земство и Раскол», вышедшем в «Отечественных Записках» в 1862 году, он уже писал, что в старообрядчестве была «своеобразная жизнь умственная и нравственная» и что раскол вырос на почве «земской розни», в результате «скорби и тяготы от тягла государевой казны, от злоупотребления государевых чиновников, писцов и дозорщиков, от насилия бояр». В его глазах старообрядчество было прежде всего «могучей, страшной общинной оппозицией податного земства, массы народной против всего государственного строя — церковного и гражданского»[2]. Новый тезис А. П. Щапова, что старообрядчество было прежде всего творческим и свободолюбивым оппозиционным движением против засилия государства и церковных властей, был с энтузиазмом подхвачен русскими народниками, которые, видя в этих защитниках древнего православия прежде всего возможных союзников в своей революционной борьбе с русской монархией, стали в свою очередь исследовать старообрядчество и искать сближения с ним.

Сенсационное «открытие» А. Щапова, что движение борцов за старую веру будто бы было в основном борьбой против злоупотреблений правительства и иерархии, быстро нашло отклик и за границей. Там старообрядцами заинтересовались русские эмигранты в Лондоне во главе с патриархом русского социализма А. Герценом, с Н. Огаревым и с их довольно случайным другом, новым эмигрантом Вас. Кельсиевым. Было решено вовлечь этих старомодных, но, казалось, многообещающих русских «диссидентов» в политическую борьбу с самодержавием. Герцен дал деньги, Огарев — свою редакционную опытность, Кельсиев — свой энтузиазм. В результате уже в том же 1862 году в Лондоне начал выходить особый журнал для старообрядческих читателей, многозначительно озаглавленный этой эмигрантской кучкой — «Общее Дело»[3]. Для того чтобы прочнее вовлечь старообрядчество в свою революционную работу, А. Герцен даже намеревался создать в Лондоне особый старообрядческий церковный центр, построить там же старообрядческий собор, старостой которого он сам не прочь был стать. Правда, из этих лондонских церковных проектов ничего не получилось, но зато герценовский кружок вступил в сношения со старообрядцами казаками в Турции, так называемыми некрасовцами, которых лондонская группа пыталась использовать для связей с революционным движением и старообрядцами России. Надо отметить, что в этом отношении лондонские эмигранты не были изобретателями новых путей и что уже во время Крымской войны агенты вождя польской эмиграции кн. Адама Чарторыского вербовали живших в Турции казаков старообрядцев и в особые военные отряды, и в диверсионные группы, с помощью которых они собирались поднять восстание на Дону, Урале, Кубани и среди казачьих частей, воевавших на Кавказе.

Несмотря на провал лондонской затейки Герцена, Кельсиева и Огарева, народники продолжали интересоваться старообрядчеством и немало сделали для популяризации изучения этого, тогда еще очень мало известного русским ученым и читателям, движения.

Вслед за Щаповым и Кельсиевым старообрядцами занимались такие представители народничества, как Н. А. Аристов, Я. В. Абрамов, Ф. Фармаковский, В. В. Андреев, А. С. Пругавин, И. И. Каблиц (псевдоним Юзов) и многие другие. К ним же можно до некоторой степени причислить и известного историка Н. И. Костомарова, который так же, как и А. Щапов, принадлежал к земскому областническому направлению русской историографии и стремился изучать не только историю государства, но и историю самого народа. Ознакомившись с работами самих старообрядцев, Н. И. Костомаров в обстоятельном очерке «История раскола у раскольников»[4] писал, что «раскольники» очень отличались своим духовным и умственным складом от представителей русской средневековой культуры и церкви: «В старой Руси господствовало отсутствие мысли и невозмутимое подчинение авторитету владетельствующих... раскол любил мыслить и спорить». Несмотря на то что почтенный историк был совсем несправедлив в своем осуждении Древней Руси, — ведь недаром современный исследователь древней русской литературы Д. И. Чижевский считает четырнадцатый и шестнадцатый века веками споров и разногласий, — тем не менее Костомаров был прав, говоря о старообрядчестве как о «крупном явлении умственного прогресса», которое в течение веков отличалось своей любовью к прениям и исканием ответа на свои духовные запросы.

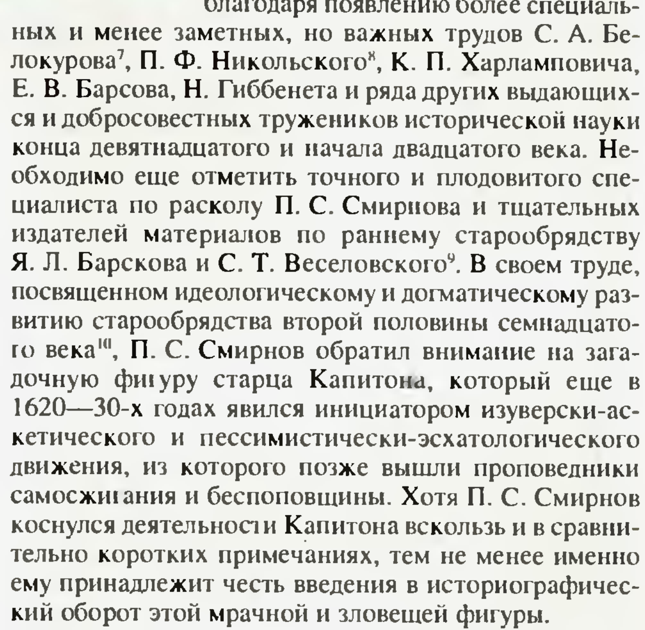
Хотя историки либерального, по преимуществу народнического, направления сделали немало для раскрытия идеологии и социальной жизни «раскола», все же, как это ни странно, главную роль в выяснении

сущности раннего старообрядчества и причин кризиса в русской церкви семнадцатого века сыграл весьма реакционный противник, вернее даже заклятый враг «раскольников» Николай Иванович Субботин, профессор Московской Духовной академии, который в 1875 году начал издавать теперь совершенно незаменимые для истории старообрядчества «Материалы для истории раскола за первое время его существования». В девяти томах своих «Материалов», а затем в своем периодическом издании «Братское Слово», в бесчисленных изданиях старообрядческих источников и в своих монографиях Н. И. Субботин собрал бесконечное количество документов, писем, биографий и «житий», полемических трактатов и исторических работ, написанных самими «раскольниками». В первом же томе своих «Материалов» он опубликовал «Житие протопопа Ивана Неронова», одного из виднейших противников Никона, и «Записку» о его жизни. Из этих сочинений, написанных еще в 1650—60-х годах, было видно, насколько необдуманны и неосторожны были поступки патриарха; кроме того, в них ярко вырисовывался облик самого Неронова, который, задолго до патриаршества Никона, вместе с другими священниками начал бороться против летаргии и косности большинства епископата. Раскрытие роли этого кружка духовенства, т. н. боголюбцев, пытавшихся вдохнуть дух новой, подлинно религиозной жизни в русскую церковь, было поворотным событием в изучении истории раскола русского православия.

Николай Федорович Каптерев (1847—1917), другой профессор Московской Духовной академии, в своем большом труде о борьбе сторонников старого обряда с Никоном[5] впервые использовал опубликованные Субботиным материалы, присоединил к ним открытые им новые данные и сделал соответствующие выводы. Несмотря на свое внешне отрицательное отношение к противникам Никоновских затеек, Н. Ф. Каптерев не только отметил роль «боголюбцев» протопопов, которые во главе с Ив. Нероновым задолго до Никона начали движение внутреннего церковного возрождения, но и показал ужасные последствия Никоновских необдуманных действий. Помимо этого он был первым историком, который взял под сомнение теорию «испорчённости» или неправильности старорусского обряда и указал, что русский обряд был вовсе не испорчен, а, наоборот, сохранил ряд черт ранних древневизантийских обрядов, в том числе и двуперстие, которые уже позже, в XII—XIII веках, были изменены самими греками, что и вызвало расхождение между старорусскими и новогреческими церковными обрядами. Эффект, произведенный книгой Н. Ф. Каптерева, был настолько значителен, что возмутившийся ею Н. И. Субботин смог через К. П. Победоносцева приостановить на годы академическую карьеру и дальнейшую исследовательскую работу этого ученого.

Но остановить дальнейшее серьезное изучение русского раскола было уже невозможно. В 1898 году молодой историк литературы А. К. Бороздин в своей книге «Протопоп Аввакум» развил выводы Н. Ф. Каптерева, а в 1905 году авторитетный историк русской церкви Е. Е. Голубинский еще раз подтвердил, что Никон, а вслед за ним восточные патриархи и собор 1667 года просто не разобрались, что расхождения между русскими и новогреческими уставами середины XVII века произошли не из-за ошибок русских, а благодаря изменениям устава самими греками, которые после Флорентийского собора, ввиду разрыва между русской и константинопольской церковью, не были целиком проведены в русский устав[6]. Таким образом оказывалось, что вовсе не русские, а греки отошли от канонов устава и что все предыдущее объяснение и оправдание т. н. реформ патриарха Никона было совершенно голословно. Эти замечательные и сделавшие полный переворот в исследовании старообрядчества работы Каптерева, Голубинского и Бороздина были возможны также благодаря появлению более специальных и менее заметных, но важных трудов С. А. Белокурова[7], П. Ф. Никольского[8], К. П. Харламповича, Е. В. Барсова, Н. Гиббенета и ряда других выдающихся и добросовестных тружеников исторической науки конца девятнадцатого и начала двадцатого века. Необходимо еще отметить точного и плодовитого специалиста по расколу П. С. Смирнова и тщательных издателей материалов по раннему старообрядству Я. Л. Баркова и С. Т. Веселовского[9]. В своем труде, посвященном идеологическому и догматическому развитию старообрядства второй половины семнадцатого века[10], П. С. Смирнов обратил внимание на загадочную фигуру старца Капитона, который еще в 1620—30-х годах явился инициатором изуверски-аскетического и пессимистически-эсхатологического движения, из которого позже вышли проповедники самосжигания и беспоповщины. Хотя П. С. Смирнов коснулся деятельности Капитона вскользь и в сравнительно коротких примечаниях, тем не менее именно ему принадлежит честь введения в историографический оборот этой мрачной и зловещей фигуры.

После ослабления цензурного режима в 1905 году начали наконец печататься и старообрядческие писатели и исследователи. Среди них особенно выделялись своими книгами о социальной и экономической

жизни раскола некий И. А. Кириллов и специалист по старообрядческой мысли В. Г. Сенатов[11]. Кроме того, в годы 1905—1917 немало интересных сообщений о старообрядчестве можно было собрать в весьма быстро развившейся периодической печати поповщинских и беспоповщинских общин и организаций.

После революции 1917 года в России книг о старообрядчестве почти не выходило. И это понятно, так как вопросы церкви и духовной жизни вовсе не входят в программу научной работы и издательств Советского Союза. Все же известный специалист по древней русской литературе Вл. И. Малышев издал ряд открытых им сочинений Аввакума и несколько своих ценнейших работ о роли старообрядчества в культуре русского севера. Совсем недавно в новой «Истории СССР», издаваемой Академией наук, Н. И. Павленко дал короткий, но интересный и очень содержательный очерк о начале русского церковного раскола, отмечая, что вначале он был чисто религиозным явлением. За границей было сделано очень мало для дальнейшего изучения старообрядчества: русская эмиграция была так потрясена катастрофой царской России, что ей было совсем не до церковных трагедий семнадцатого века. Все же в 1930 году во Франции бывший видный промышленник и общественный деятель старообрядцев В. П. Рябушинский издал весьма любопытную книгу «Старообрядчество и русское религиозное чувство», в которой он справедливо отмечал, что раскол произошел не из-за спора об обряде, а из-за разногласий о духе веры. Со своей стороны А. В. Карташов в короткой, но талантливой статье дал несколько важных указаний о напряженной религиозной жизни старообрядцев. Позже в своих «Очерках» он хотя и признал всю бессмыслицу новшеств патриарха Никона, но тем не менее сурово осудил его противников за их стойкость в вопросах веры[12].

Иностранные историки тоже внесли свою лепту в исследование русского раскола семнадцатого века. Из этих иностранных работ прежде всего выделяется прекрасная книга французского ученого Пьера Паскаля о протопопе Аввакуме, в которой он широко использовал печатные и архивные источники и которая уже стала настольной книгой по ранней истории старообрядчества[13]. Из немецкой литературы по этому вопросу наиболее интересной является книга о. Иоанна Хризостома о «Поморских ответах» Андрея Денисова, выдающегося старообрядческого писателя и мыслителя конца семнадцатого и начала восемнадцатого века[14].

Здесь, конечно, указаны только наиболее важные труды по истории раскола и старообрядчества, так как только перечисление всех даже только значительных работ по этому вопросу потребовало бы отдельный том: уже перед революцией 1917 года число книг и статей о старообрядчестве превышало десяток тысяч.

Все же многие стороны этого печального разрыва в русском православии, как уже было отмечено выше, до сих пор не вполне ясны, и историкам придется немало поработать над их выяснением. В настоящей книге автор преследовал сравнительно ограничительные цели: как можно более детально определить корни церковного конфликта семнадцатого века, проследить нарастание напряжения между окормлением церкви и государства и сторонниками старого обряда и, наконец, выяснить связь между дониконовскими движениями в русском православии и позднейшем разделением старообрядчества на поповство и беспоповство. Поскольку это было возможно, автор старался в этой книге избежать употребления слова *раскол*. В обычной русской терминологии это слово стало одиозным и несправедливым в отношении старообрядчества. Раскол не был *отколом* от церкви значительной части ее духовенства и мирян, а подлинным внутренним разрывом в *самой церкви*, значительно обеднившим русское православие.

Университет им. Вандербилта, апрель 1969 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эти клятвы были сняты со старообрядцев только 23/10 апреля 1929 года решением Временного Патриаршего Священного Синода русской церкви (см. Церковный Вестник Западно-Европейской Епархии, № 6, от июня 1929 г.).
2. Цит. по: Щапов А. П. Сочинения. СПб., 1906—1908. Т. II. С. 451—461.
3. Кроме того, эти лондонские эмигранты перепечатали под редакцией В. Кельсиева два секретных издания Министерства внутренних дел о положении старообрядцев и преследовании их русским правительством. Это были: Сборник правительственных сведений о раскольниках, т. I и 2-й, Лондон, 1861—1862, и Собрание постановлений по части раскола, тоже в двух томах, Лондон, 1863.
4. Вестник Европы, 1870.
5. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Москва, 1887.
6. Голубинский Е. К нашей полемике с старообрядцами, ЧОИДР, 1905, том III.
7. Собор 1649 года, ЧОИДР, 1894; Арсений Суханов, ЧОИДР, 1891, 1894, и др.
8. Московский печатный двор, Хр. Чт., 1890—1891 и др.
9. ЛЗАК, XXIV и XXVI.
10. Внутренние вопросы раскола семнадцатого века. СПб., 1898.
11. Кириллов И. А. Москва Третий Рим. Москва, 1913, и Правда о старой вере. Москва, 1916; В. Г. Сенатов. Философия истории старообрядчества, вып. 1 и 2, Москва, 1912.
12. Карташов А. В. Смысл старообрядчества// Сборник статей, посвященных П. Б. Струве. Прага, 1925, и Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, т. II.
13. Pierre Pascal. Avvakum et les débuts du Rascol: la Crise religieuse russe au XVII siecle. Paris, 1938.
14. Johannes Crysostomos: Die Pomorskie Otvety als Denkmal der Anschauung der russischen Altgläubigen der I. Viertel des XVIII Jahrhundert. Roma, 1959. Orientalia Christiana Nr. 148

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

В ЦК КПСС взяток не брали

Экзекутор в белых перчатках

Русские в фашистской Германии: интеллект и трудолюбие

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук

Личность ИМПЕРАТРИЦЫ

ГЛАВА V

А.П. Волынский

У истоков беспощадного террора тридцатых годов XVIII века стояли три человека: императрица, Бирон и Остерман. Суровыми карами они пытались парализовать всякое стремление русских вельмож к сопротивлению засилью иностранцев. Особенно выразительно все это прослеживается на примере третьего крупнейшего процесса времен Анны Иоанновны — дела Артемия Петровича Волынского. Здесь все на виду: и попытка Волынского свалить Бирона и Остермана, и его неосторожность (недоброжелательные высказывания об императрице), и его безмерное честолюбие.

Впрочем, на первый взгляд Артемий Петрович предстает загадочной личностью. С одной стороны, это несомненно талантливый человек, отличавшийся энергией, трудолюбием, любознательностью. С другой стороны, он обладал необузданным нравом, был крайне вспыльчив, резок в суждениях, жесток. В отношениях с окружающими он проявлял еще одно свойство, присущее грубым натурам: к власть предержащим был подобострастен, готов пресмыкаться и составлять уничижительные послания. Совсем иначе он вел себя с лицами, ниже его стоявшими в сословной иерархии либо зависимыми от него по службе. Здесь он становился высокомерным, властным, недоступным, не терпящим возражений. В Артемии Петровиче причудливо сочетались черты боярского характера с психологией личности, воспринявшей петровские перемены.

Род Волынских ведет свое начало со второй половины XIV века, когда один из его представителей, прибыв на Русь, в должности воеводы прославился участием в Куликовской битве. После этого фамилия на несколько столетий исчезает с исторической арены. Волынские никак не могли пробиться в число выдающихся государственных деятелей. О юношеских годах Артемия, сына комнатного стольника Петра Артемьевича, практически ничего не известно. Его имя не встречается в списке волонтеров, направленных Петром за границу для овладения военно-морским делом. В домашних условиях он не получил систематического образования. По собственному признанию, он «в школах не бывал и не обращался». Несмотря на присущую ему любознательность, огрехи в образовании часто осложняли ему жизнь. Он не владел иностранными языками и был вынужден всякий раз заказывать переводы с чужеземных книг. Не мог Артемий Петрович похвастаться и воспитанностью. Его ровесники в отечественных учебных заведениях приобретали лоск, учились этикету, хорошим манерам. Все это было чуждо Волынскому.

Продолжение. Начало см.в № 10—12, 1993; 1, 1994.

Остается загадкой, как Артемию Петровичу, человеку хотя и родовитому, но небогатому, удалось породниться с царской фамилией: он был женат на двоюродной сестре Петра Великого — Александре Львовне Нарышкиной. Брачные узы помогали Волынскому находиться на виду и не раз выручали его из беды.

На словах Волынский пекся о благе подданных, на деле же презирал и третировал всех, кто стоял ниже его на служебной лестнице. Резко осуждал казнокрадство и мздоимство и одновременно не гнушался брать взятки и залезать в казенный сундук. Распинался в любви к Отечеству и народу, а сам на деле был чужд и тому, и другому, разумея под благом Отечества прежде всего личное благополучие.

Подобно большинству дворянских недорослей петровской поры, Волынский начал службу в гвардии. К 1711 году относится первое упоминание о его служебных поручениях: с берегов Прута он доставил письмо Петра Сенату о благополучном выходе из окружения. В 1715 году Артемий Петрович получил задание куда более серьезное — Петр назначил его главой посольства в Иран.

Царь проявил интерес к Востоку вскоре после блестящих успехов под Полтавой и удручающей трагедии на реке Прут. Иран интересовал Петра как перевалочный пункт на пути в Индию и как страна, с которой Россия может торговать самостоятельно и осуществлять выгодное посредничество в персидской торговле западноевропейских держав. К началу века внутренние неурядицы существенно ослабили иранскую монархию, что открывало перспективы для вмешательства в ее внутренние дела. К тому же стремилась и Османская империя.

Назначая 26-летнего Артемия Петровича главой посольства, Петр не ошибся в своем выборе.

Посольство выехало из Петербурга 7 июля 1715 года, а прибыло к месту назначения только 14 марта 1717-го. 30 июля того же года переговоры с шахским правительством завершились подписанием выгодного для России торгового договора. Иран обязался обеспечить русским купцам благоприятные условия для торговли: не задерживать их с товарами, обеспечивать безопасную доставку и продажу груза в любой точке страны, своевременный расчет, не препятствовать русским купцам приобретать шелк-сырец и т. д.

8 декабря 1718 года Волынский возвратился в северную столицу. Его зоркий взгляд обнаружил в Иране множество обстоятельств, несомненно заинтересовавших Петра. Он сообщил о внутренних неурядицах, слабости правительства, безмерной продажности чиновников и низком интеллекте шаха: «Здесь такая ныне глава, что он ни над подданными, но у своих подданных подданный и чаю редко такого дурачка можно сыскать между простых, не токмо из коронованных».

Царь был доволен миссией Волынского и пожаловал его чином полковника и генерал-адъютанта. Нет сомнения, что именно донесения Волынского убедили Петра в необходимости готовиться к Персидскому походу. Вскоре Артемий Петрович получил назначение астраханским губернатором и стал активно собираться в поход на западное побережье Каспийского моря.

У Волынского были с шахом и личные счеты. Оба проявили при личном знакомстве далеко не лучшие качества человеческой натуры: Волынский — алчность, шах Хуссейн — лживость и коварство. Прослышав о разгроме шведов под Полтавой, шах испугался, как бы грозный победитель вскоре не двинул армию и к границам Ирана. Такая перспектива вынудила Хуссейна заискивать перед Волынским и сулить ему щедрое вознаграждение за гарантии безопасности. Волынский потребовал колоссальную по тем временам мзду — сто тысяч рублей. Шах пообещал, но нагло надул царского посла: при отъезде Волынского из Исфагана, сославшись на отсутствие наличности, он выдал ему вексель на имя ширванского правителя, которого обязал расплатиться. Одновременно был послан курьер от шаха с предписанием не платить послу ни копейки. Можно себе представить, как был взбешен Артемий Петрович, и в спокойной обстановке не отличавшийся сдержанностью!

Историк XVIII столетия Германн сообщает о двух неблаговидных поступках Волынского во время его губернаторства в Астрахани. Приводимые им факты не подтверждаются иными источниками, но укладываются в общую линию поведения Артемия Петровича. По сообщению Германна, Волынскому приглянулось древнее облачение, усеянное драгоценными камнями, хранившееся в одном из монастырей. Губернатор попросил настоятеля прислать к нему облачение якобы для того, чтобы сделать с него рисунок. Когда настоятель прибыл за реликвией, Волынский разыграл целый спектакль: привезший облачение служитель под пыткой заявил, что ничего не видел и не привозил. Тогда губернатор объявил похитителем несчастного настоятеля, велел заковать его в кандалы и отправить в темницу. Там он томился вплоть до казни Артемия Петровича; драгоценность же обнаружили среди конфискованного у Волынского имущества.

В другой раз губернатор, пригласив на обед купца, которого за что-то невзлюбил, велел бить его палками, окованными железом, затем раздеть донага, обвешать тело сырым мясом и спустить на него свору голодных собак. В довершение всего истерзанное тело купца натерли солью (Geschichte des Russischen Staats von Herrmann. Bd. IV. S. 608—609).

Далеко не безупречно поведение Волынского и в годы его губернаторства в Казани. Здесь мы можем опереться на источники, вызывающие неизмеримо большее доверие. В 1730 году казанский митрополит Сильвестр обратился в Синод с жалобой на произвол и многочисленные злоупотребления Волынского: захват земли, садов и огородов, принадлежащих епархии, изъятие из монастырей драгоценностей, использование монастырских мастеровых для личных нужд, вымогательство взяток, псовая охота на монастырских полях, избиение епархиальных служителей («сам драл за волосы») и др.

Волынский обратился за покровительством к своему дяде — влиятельному вельможе Семену Андреевичу Салтыкову, главнокомандующему в Москве и руководителю Тайной розыскных дел канцелярии. Сохранилась переписка племянника с дядей. Волынский начисто отрицал свою вину, утверждая, что архиерей сочинил «сплетенное по ябеднически доношение... будто я великий обидчик и разоритель». Он просил дядю известить императрицу, «что готов подписаться насмерть, если он что на меня докажет дельно». Свое письмо Волынский закончил напоминанием: «Покажи Божескую надо мною милость, оборони меня Бога ради от такого плута».

Поскольку следствие не велось, то обоснованность жалобы архиерея Сильвестра удостоверить невозможно. По всей видимости, челобитчик в духе времени сгустил краски, однако дядя нисколько не сомневался, что у племянника рыльце в пушку. В ответном письме Салтыков известил Волынского: архиерей, «сведав, что вы мне свой», заявил, что он этого не знал, «а то бы ни о чем просить не стал..., лучше б мог вытерпеть», и просил известить казанского губернатора, что он, архиерей, отказывается от иска. В при-

ложенной к письму цидулке Салтыков изложил подлинное отношение к поведению племянника: «Я не знаю, для чего так вы, государь мой, себя в людях озлобили, что, сказывают, до вас доступ очень тяжел и мало кого до себя допускать изволите». Далее следуют отнюдь не ласкающие слух слова: «...Я ведаю, что друзей вам почти нет и никто с добродетелью о имени вашем помянуть не хочет, и, как слышал, обхождение ваше в Казани с таким сердцем, и на кого осердишься, велишь бить при себе, также и сам из своих рук бьешь. Что в том хорошего?»— спрашивал дядя и в назидание дал житейский совет: «Пожалуй, изволь, живи посмирнее: истинно лучше будет» (Из переписки А.П.Волынского // Памятники новой русской истории. СПб., 1872. С. 220—224). Артемий Петрович не угомонился и упорно отрицал свою вину. «Я чист»,— писал он и настаивал на следствии, чтобы «по его всем бредням про меня было розыскано так, как челобитною моею посланною в Сенат, сам просил»; сетовал, что «с печали умереть могу» и проч.

Семен Андреевич Салтыков был не единственным покровителем Волынского. За протекцией и защитой Артемий Петрович обращался ко всем, чьи услуги в данный момент могли быть полезными: к родственникам, включая супругу, к супругам вельмож, цесаревне Елизавете Петровне и даже к Петру Великому и Екатерине I. Литературный талант позволял Волынскому сочинять «слезницы» — не трафаретные, в которых поднаторели канцеляристы, а оригинальные, способные вызвать сочувствие и расположение к просящему. К тому же Артемий Петрович не был разборчив в средствах для достижения желаемого. Это ему принадлежит изречение: «Надобно, когда счастье идет, не только руками, но и ртом хватать и в себя глотать».

Артемию Петровичу чаще всего доводилось хлопотать не о повышении по службе, а просить защиты и обороняться от набегов недругов, которых у него было в избытке. Так, Петру он отправил челобитную, цель которой состояла в том, чтобы смягчить воздействие наветов врагов и завистников.

Сохранились два письма Волынского к Екатерине I. По назначению они близки к челобитной Петру, их цель — отвести нависшую над ним угрозу немилости. Во второй челобитной (1726) Артемий Петрович вопрошал: «Нет ли на меня, сирого, какого гнева вашего императорского величества» — и просил разрешения прибыть ко двору, ибо он «в такое уже отчаяние пришел, что во мне ни ума моего, ни рассуждения в делах никакого не осталось». С ходатайством на сей предмет Волынский отправил супругу, но та, по его отзывам, «за глупостию своею не умеет ваше императорское величество ни упросить, ни умилостивить». Зато сам Артемий Петрович владел подобным искусством мастерски: он просил разрешения прибыть в Петербург «хоть оковав меня как злодея». Если он в чем-либо виноват, витийствовал он, велите меня казнить, «как сущего изменника», или же отправить в ссылку.

Назначение казанским губернатором он получил, вероятно, не без участия цесаревны Елизаветы, которую в июле 1725 года просил вызволить «из здешней пеклы», то есть Астрахани. Ежели чаемое свершится, то подобное благодеяние Волынский приравнивал к освобождению из ссылки или «из варварского плена» (Шесть писем А. П. Волынского к Елизавете Петровне // Русский Архив. 1865. Изд. 2. М., 1866. Стлб. 339).

Перед нужными людьми он готов был заискивать и унижаться. Когда Долгорукие были в фаворе, он использовал удобные поводы, чтобы напомнить о своем существовании. Проведав об ожидавшемся браке Екатерины Алексеевны с Петром II, он просил Алексея Григорьевича совершить милость и над ним, «чтоб и я между прочими такой радости не лишен был по милости вашего сиятельства в перемене чина».

В декабре 1729 года ему стало известно о помолвке князя Ивана Алексеевича Долгорукого с Натальей Борисовной Шереметевой. Волынский поспешил поздравить фаворита и не забыл просить у него «милостивой протекции».

В февральско-мартовские дни 1730 года Волынский сидел в Казани, но в Москве имел своего человека — двоюродного брата Ивана Михайловича, аккуратно извещавшего не только о происходивших там событиях, но и о расстановке сил. По мнению И. М. Волынского, главное действующее лицо, противостоявшее верховникам,— Алексей Михайлович Черкасский. Второй влиятельной персоной назван известный нам С. А. Салтыков: «И живет он вверху и почует при ее величестве». Иван Михайлович настоятельно советовал казанскому губернатору обратиться именно к Салтыкову с просьбой «о перемене чину» (Из переписки А. П. Волынского... С. 209—210).

В связи с событиями в Москве Артемий Петрович написал знаменитое рассуждение против затейки верховников. Он против республиканского правления: «Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десять самовластных и сильных фамилий, и так мы, шляхетство, совсем пропадем», ибо принуждены будем «горше прежнего» искать защиты, но не у одного, причем между ними непременно возникнут распри: «один будет миловать, а другие, на того злобствуя, вредить и губить станут».

Если бы Волынский находился в Москве, он, будучи натурой деятельной, активно участвовал бы в обсуждении шляхетских проектов и несомненно стал бы лично известен императрице со всеми вытекающими отсюда выгодами. Но до Казани докатывались лишь отзвуки бурных московских событий. Даже для главы губернии уготована была роль стороннего наблюдателя. И все же Артемию Петровичу удалось вскоре перебраться в Москву.

Московские события высветили еще одну черту характера Волынского, на этот раз привлекательную. Некий Иван Козлов в это время находился в старой столице. Приехав в Казань, он поделился впечатлениями с Волынским, выразив при этом симпатии к верховникам. Он полагал, что «мудрствование» князя А. М. Черкасского «бесполезно». Салтыков, по его мнению, тоже утрачивает силу: «И лучший де твой дядюшка Семен Андреевич — ничто». Анна Иоановна, хотя и «сделана государынею, и то де только на первое время помазка по губам». Когда же во время очередного визита Козлова Волынский сообщил ему, что Анна стала императрицей и все ей присягают, тот усомнился в прочности ее положения, ибо считал, что «ее партишка зело бессильна была».

Содержание беседы с Козловым Волынский изложил в частном письме Салтыкову. Тот усмотрел в суждениях Козлова политическое преступление и готов был возбудить против него судебный процесс. Недоставало пустяка — формального основания, то бишь доноса с описанием всех обстоятельств разговора, наличия свидетелей и проч. Артемий Петрович наотрез отказался это сделать: «А чтобы, милостивый государь, мне доносить и завязываться с бездельниками, изволите отечески по совести рассудить, сколь то не токмо мне, но и последнему дворянину прилично и честно делать, и понеже ни дед мой, ни отец никогда в доводчиках и в доносителях не бывали, а и мне как с тем на свет глаза мои показать». Сколько ни уговаривал Салтыков племянника, своего он так и не достиг — дело против Ивана Козлова не было возбуждено.

Переезд в Москву, а затем в Петербург ознаменовался фантастическим взлетом карьеры Волынского. Он сумел войти в доверие к графу Левенвольде и в 1732 году стал его помощником по конюшенной части. Эта придворная должность позволила Артемию Петровичу, с одной стороны, находиться на виду у императрицы, а с другой — сойтись с Бироном, знавшим толк в лошадях. Анна, несмотря на сорокалетний возраст и грузное телосложение, научилась ездить на лошади и достигла в этом занятии известных успехов. Пристрастие императрицы и Бирона к лошадям привело к тому, что в конце 1734 года Волынский был произведен в генерал-адъютанты и генерал-лейтенанты. В следующем году умер Левенвольде, и Волынский занял его место, а в день своего рождения, 27 января 1736 года, императрица произвела его в обер-егермейстеры.

Охота, равно как и верховая езда, составляла страстное увлечение стареющей императрицы. Обер-егермейстер потратил немало сил, чтобы доставить ей удовольствие: он организовывал то охоту на птиц, зайцев и кабанов, то травлю волков и медведей. Следы усердия Волынского четко прослеживаются по сенатским указам, предписывавшим развести в районе Екатерингофа и Петергофа серых куропаток, запрещавшим охоту в радиусе 200 верст от Петербурга, либо, наконец, обязывавшим доставлять в леса столичной округи зайцев, пойманных в других местах.

Императрица была весьма довольна и предоставила ему возможность отличиться уже не на придворной, а на государственной службе. В 1737 году Волынский вместе с Петром Павловичем Шафировым и Иваном Ивановичем Неплюевым отправился на Немировский конгресс для ведения мирных переговоров с османами. Переговоры желаемых результатов не дали, и в марте 1738 года делегация возвратилась в столицу. 3 апреля того же года «в рассуждении особливых его превосходительства заслуг» Анна назначила Артемия Петровича на высшую в империи должность кабинет-министра. В составе кабинета министров значились всего два человека: фактический глава сего учреждения известный нам Андрей Иванович Остерман и Алексей Михайлович Черкасский, слабовольный, трусливый и апатичный, но сказочно богатый вельможа. Английский дипломат Клавдий Рондо так отреагировал на назначение Волынского: «Это очень талантливый человек, который не раз принимал участие в серьезных делах... Полагают, что его возвышение не по душе Остерману, ибо Волынский не предоставит ему, как князь Черкасский, распоряжаться во всем вполне свободно, как он более или менее привык распоряжаться по смерти графа Ягужинского» (Сб. РИО. СПб., 1892. С. 289).

Между двумя честолюбцами, Остерманом и Волынским, один из которых был вкрадчив и умел сдерживать эмоции, а второй отличался прямолинейностью и грубостью, сразу же пробежала черная кошка. Сам Артемий Петрович так отзывался о своих коллегах: «Я уж не знаю, как и быть: двое у меня товарищей, да один из них всегда молчит, а другой только меня обманывает» (Шишкин И. Артемий Петрович Волынский // Отечественные записки. 1860. Т. III. С. 235).

Имея представление о личных свойствах Волынского, читатель уже подготовлен к мысли, что взрывной и вздорный характер его непременно приведет к конфликту с Остерманом и немецкой камарильей, облепившей трон. И действительно, Артемий Петрович удержался на своем посту немногим более двух лет.

В 1739 году уволенные со службы бывшие подчиненные Волынского шталмейстер Кишкель с сыном и унтер-шталмейстер Людвиг подали прошение, в котором наряду с жалобой на необоснованное увольнение уличали обидчика в злоупотреблениях по управлению конными заводами. Волынский ответил доношением императрице с опровержением обвинений в свой адрес, дополненным пространным рассуждением на тему «какие потворства и вымыслы употребляемы бывают при монархических дворах и в чем вся такая закрытая бессовестная политика состоит». Не называя фамилий, автор утверждал, что «некоторые приближенные к престолу стараются помрачить добрые дела людей честных и приводить государей в сомнение, чтобы никому не верили». Это доношение Волынский давал читать многим лицам, обладавшим его доверием, причем в большинстве своем немцам: секретарю кабинета Эйхлеру, генералу берг-директору Шембергу, президенту Коммерц-коллегии Менгдену и даже Бирону. Все они безошибочно угадывали в «некотором помрачителе добрых дел, отбивавшем охоту» радеть за государственные интересы Андрея Ивановича Остермана. Все так и заявляли: «Это самой портрет графа Остермана». А князь А. М. Черкасский даже предупреждал автора: «Остро очень писано, ежели попадется в руки Остермана, то он тотчас узнает, что против него». Однако никто из читавших, в том числе и Бирон, не отговаривали Волынского подавать доношение.

Остерман, конечно же, знал о содержании сочине-

ния Артемия Петровича и готовил ответные меры в присущей ему манере: терпеливо ожидал удобного момента, готовя удар исподволь и действуя через других лиц.

Некоторое время сочинение Волынского не привлекало интереса — двор был озабочен переговорами в Белграде об окончании войны с Османской империей. Затем события развивались, на наш взгляд, несколько иначе, чем это изложено в «Записке об Артемии Волынском». В апреле 1739 года Бирон подал императрице челобитную, в которой обрушился на Волынского. Явно с подачи Остермана он писал об оскорбительном тоне послания «такой умной и мудрой императрице, которую наставляют подобно малолетним государям». Обращает внимание текстуальное совпадение этого места челобитной Бирона со словами осуждения Волынского, произнесенными Анной: она была недовольна тем, что «он ей это подает, будто молодых лет государю». Будь Волынский человеком более осторожным и менее самоуверенным, он почувствовал бы, что над его головой сгущаются тучи и теперь следует держать себя так, чтобы не давать в руки своим врагам обличительного материала. Но наш герой оставался самим собой и нисколько не поступился привычками и манерой поведения.

Когда по приглашению Волынского, бывшего главным организатором шутовской свадьбы, явился Василий Кириллович Тредиаковский, которому поручено было сочинить по этому случаю стихи, кабинет-министр во гневе бил пиита по щекам и жестоко бранил. Обиженный Тредиаковский на следующий день подал жалобу Бирону. На беду пиита в это же время у Бирона находился и Артемий Петрович. Завидев жалобщика, тот вытолкал его из бироновских покоев, угостив при этом тумаками, и распорядился доставить в маскарадную комиссию. Здесь экзекуция продолжилась: Волынский снял с него шпагу и велел побить палками. По словам Тредиаковского, ему досталось около сотни ударов. Отпуская пиита из-под стражи, Волынский приказал дать ему еще десяток ударов. Истерзанный, с подбитым глазом, Тредиаковский подвергся медицинскому освидетельствованию и обратился с рапортом в Академию наук. Волынский же так выразился по поводу инцидента: «Пусть за то на меня хотя и сердятся, да я себя потешил и свое взял». Как увидим дальше, эта потеха дорого обошлась Артемию Петровичу.

Избиение Тредиаковского дало новый повод для возбуждения дела против Волынского. Формальным инициатором преследования Артемия Петровича можно считать Бирона, за его спиной стоял руководитель операции Остерман. Последнему, судя по всему, удалось убедить фаворита в антинемецкой направленности сочинения Волынского и необходимости самых жестоких мер против него. Бирон порекомендовал императрице проверить деятельность кабинет-министра, который всех осуждает, а сам не безгрешен — им «денег употреблено много, а дел не видно».

Если верить «Записке об Артемии Волынском», то императрица якобы колебалась, стоило ли привлекать Артемия Петровича к следствию и суду, но в конце концов уступила настояниям Бирона, будто бы заявившего, стоя на коленях: «либо ему быть, либо мне». Думается, что жестокосердная императрица уступила домогательствам фаворита практически без колебаний.

Дальнейшие события развивались прямо-таки с космической скоростью: 12 апреля 1740 года Анна велела приставить к дому Волынского караул, а на следующий день ее указом была узаконена следственная комиссия в составе полных генералов Григория Чернышова, Андрея Ушакова и Александра Румянцева, генерал-поручиков Никиты Трубецкого, Михаила Хрущова и князя Василия Репнина, тайных советников Василия Новосильцева и Ивана Неплюева, а также генерал-майора Петра Шипова. Обратите внимание на состав комиссии: ни одной иностранной фамилии, все вельможи исключительно русские! Сделано это было неспроста: русского вельможу судили его же русские коллеги, позиция которых (впрочем, по другому поводу) была исчерпывающе выражена самим подследственным: «Нам, русским, не надобен хлеб, мы друг друга едим и с того сыты бываем» (Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Т. 2. С. 136).

Указ об учреждении следственной комиссии выдвигал против Артемия Петровича два обвинения: во-первых, он «дерзнул» подать императрице письмо с назиданием в ее адрес; во-вторых, он совершил в доме, где проживает его светлость Бирон, «неслыханные насильства».

Первое заседание комиссии состоялось 15 апреля; все последующие заседания проходили ежедневно с семи утра до двух часов дня. После первого же заседания и доклада о его результатах — новый указ императрицы, несомненно подсказанный Остерманом: запретить подследственному прибегать к «генеральным рассуждениям» и требовать от него точных и прямых ответов на каждое из предъявленных обвинений.

Следственный механизм сразу же заработал с небывалой оперативностью, с каждым днем росло число свидетелей. Первое место среди них заняли так называемые конфиденты — вельможи и чиновники средней руки, принимавшие участие в конфиденциальных (отсюда и конфиденты) беседах в доме Волынского, на которых либо обсуждались проекты кабинет-министра, либо велись опасные беседы о современном положении в стране. К вельможам относились сенатор Александр Львович Нарышкин, родной брат супруги Волынского, сенатор Василий Яковлевич Новосильцев, сенатор князь Яков Петрович Шаховской (позже обер-прокурор Синода, а затем генерал-прокурор). Практически конфиденты-вельможи к следствию не привлекались. Более того, Новосильцев и Нарышкин оказались в составе следственной комиссии. Прочих вельмож также ни о чем не спрашивали. А. М. Черкасский от бесед с Волынским отрекся, а допрошенный в Адмиралтействе Трубецкой признался в существовании только деловых связей с кабинет-министром. Впоследствии лишь оговоренного Новосильцева велено было содержать под домашним арестом.

Столь снисходительное отношение Анны Иоанновны и ее немецкого окружения к связям вельмож с Волынским легко объяснимо: все они лояльно относились к немцам-правителям. И уж совсем не в интересах правящей клики было привлекать к следствию большое число вельмож, тем самым создавая представления о широких масштабах антинемецкого протеста в верхах.

Среди конфидентов особым доверием Волынского пользовались архитектор подполковник П. М. Еропкин, советник экипажской конторы адмиралтейского ведомства капитан флота А. Ф. Хрущов, кабинет-секретарь Эйхлер, секретарь иностранной коллегии де ла Суда, обер-кригскомиссар, впоследствии сибирский губернатор Ф. М. Соймонов, президент Коммерц-коллегии П. И. Мусин-Пушкин.

Конфиденты сообщили следственной комиссии сведения, усугубляющие, согласно правовым нормам того времени, вину Волынского. Но наибольшую ценность имели показания дворецкого Волынского Кубанца. По признанию Артемия Петровича, он его «любил и во всем был открыт, зная, что он человек не тупой, совестный и надежный». Волынский не только посвящал его в свои планы, но и привлекал к исполнению своих далеко не безгрешных начинаний. Только Кубанец знал о таких деликатных поступках кабинет-министра, как вымогательство взяток у челобитчиков, подарков у чиновников и проч. Кубанец почти ежедневно писал доношения со все новыми и новыми подробностями. В числе прочего он сообщил о недоброжелательных отзывах Волынского о Бироне и императрице, об осуждении поступков Остермана и других немцев, будто бы только он , Волынский, «правду делает», а деятельность прочих министров не ставит ни во что. Усердие Кубанца простиралось столь далеко, что он не гнушался вымыслами: Волынский якобы мечтал о престоле, хвастался древностью своей фамилии и пытался привлечь на свою сторону гвардейских офицеров. «Замыслы хотел привести в действие тогда, когда погубит Остермана»,— доносил Кубанец.

Чуть больше месяца следствие велось без применения пыток. Императрица, которой ежедневно докладывали о ходе следствия и добытых показаниях, 18 мая велела пытать экипажмейстера Хрущова, а затем вытягивать показания пытками у Соймонова, Еропкина, Мусина-Пушкина и Эйхлера. Как же вел себя во время следствия Волынский? Первые три дня он с достоинством вступал в пререкания с членами следственной комиссии, видимо не осознавая в полной мере нависшей над ним опасности. В первый же день он заявил, обращаясь к Неплюеву: «Из падения моего можно тебе рассуждать», а на следующий день ему же адресовал задиристую фразу: «Ведаю, что Вы графа Остермана креатура, и что со мною имели ссору». Неплюев ответил, что Волынский говорит лишнее, что партикулярной ссоры он, Неплюев, с ним не имел, «а теперь по именному указу определен к суду и должен поступать по сущей правде». На третий день следствия Артемий Петрович, похоже, был сломлен и более не задирался, напротив, стал заискивать перед следователями и взывать к милосердию. Генералу Чернышову он заявил: «Не поступай со мною сурово. Ведаю я, что ты таков же горяч, как и я; деток имеем; воздаст Господь деткам твоим». Перед угрозой быть вздернутым на дыбу Артемий Петрович становился на колени, кланялся, просил пощады, произносил уничижительные слова: либо ссылался на беспамятство, либо заявлял: «Как стал кабинет-министром, забрал выше меры и ума своего» или: «Совершал поступки с горячности, злобы и высокоумия».

И все же Артемию Петровичу не удалось избежать пытки. 21 мая императрица, выслушав очередной доклад, «изволила рассуждать», что Волынский «закрывает себя», то есть отрицает вину «в злодейских замыслах» самому стать императором. 22 мая Артемия Петровича подняли на дыбу и дали 18 ударов. Следователей интересовал ответ на вопрос, претендовал ли Волынский на корону.

Пытка не обогатила следствие новыми данными. Волынский признавался во множестве грехов — в рукоприкладстве, истязаниях, вымогательстве взяток и подарков, в составлении разнообразных проектов, казнокрадстве, но решительно отрицал намерение стать государем.

6 июня последовал указ о приостановке дальнейшего розыска — императрица и ее окружение сочли, что в распоряжении следователей собраны достаточные улики для вынесения приговора. Поэтому жалоба Тредиаковского, а также изветы секретаря Яковлева, бывшего унтер-шталмейстера Людвига и прочих лиц остались нерасследованными — на результаты следствия они не оказали бы никакого влияния.

16 июня следственная комиссия завершила сочинение обвинительного заключения, а на следующий день его утвердила императрица. Генеральному собранию для суда над Волынским и его конфидентами в составе, определенном указом Анны Иоанновны от 19 июня, надлежало в соответствии с судебной практикой того времени подтвердить меру наказания, определенную следственной комиссией. Заметим, что в составе Генерального собрания вновь не оказалось иностранцев.

Главная вина Волынского состояла в составлении им «предерзновенного плутовского письма для приведения верных ее величества рабов в подозрение». Кого же надлежит подразумевать под верными рабами? Манифест многозначительно молчит и делает это сознательно, ибо в этой роли выступали непопулярные в стране немцы. Беря их под защиту, императрица, конечно же, не прославляла свое имя среди подданных. Это соображение, быть может, и не решающее, но его не стоит сбрасывать со счетов. Анонимность приговора, как и состав следственной комиссии и Генерального собрания, образуют единую цепь мер, направленных на то, чтобы кучку немцев, фактически правивших страной, оставить в тени.

Вслед за этим в приговоре перечислялись прочие

вины Волынского: «питал на ее величество злобу», отзывался о высочайшей фамилии «с поношением», писал «злодейские сочинения» с осуждением прошлых и нынешних порядков, намеревался уменьшить численность войск и т. п.

20 июня Генеральное собрание вынесло приговор: Волынского, вырезав язык, посадить на кол; Хрущова, Мусина-Пушкина, Соймонова и Еропкина — четвертовать и отсечь головы; Эйхлера — колесовать и отсечь голову, а де ла Суду — лишить жизни отсечением головы. Императрица смягчила приговор: Волынскому, вырезав язык, отсечь правую руку (после поднятия на дыбу она у него бездействовала и висела словно плеть) и четвертовать, дочерей его постричь в монахини в одном из сибирских монастырей, а сына сначала отправить в Сибирь, а по достижении 15-летнего возраста сослать навечно в солдатскую службу на Камчатку. Хрущову и Еропкину — отсечь голову; Соймонову, Мусину-Пушкину и Эйхлеру объявить смертную казнь, а после помиловать; Соймонова и Эйхлера, бив кнутом, сослать в Сибирь на каторгу, а Мусина-Пушкина, вырезав язык, отправить на Соловки, где выдавать ему монашескую трапезу. Имения всех осужденных подлежали конфискации. Через Ушакова и Неплюева Волынский молил императрицу не четвертовать его, но просьба осталась без внимания.

В восемь утра 27 июня 1740 года несчастных казнили, а спустя три дня под покровом ночи детей Волынского отправили в Сибирь. Манифест же о его винах был обнародован лишь через десять дней после казни. Это свидетельство того, что окружение императрицы (прежде всего Остерман, видимо страдавший в дни составления приговора не мнимой, а подлинной болезнью) не вполне удовлетворилось изложением вин Волынского и трудилось над доработкой текста. Действительно, Манифест существенно отличается от приговора: пункт первый приговора о «плутовском письме» отодвинут на второй план. По Манифесту, главная вина Волынского состояла в составленном им «некотором проекте», осуждавшем «издревле установленные законы и порядки». В большей мере, чем приговор, Манифест осуждал Волынского за его личные действия: произвол («многих незаслуженно в чины произвел и честных верноcлужащих безвинно заслуг лишал»), чинения суда и расправы, упущения по службе, взятки и казнокрадство. Сообщники Артемия Петровича обвинялись в том, что они не только не объявили о его непристойных отзывах об императрице и существующих порядках, «но и сами таковые же рассуждения произносили, делом и советом ему вспомогали в сочинении проектов».

Не дошедшее до нас сочинение Волынского (при участии конфидентов) известно в литературе под названием «Проекта о поправлении государственных дел». Артемий Петрович сжег этот документ, будучи под домашним арестом. Содержание его реконструируется по следственным материалам лишь частично, что, естественно, не может заменить утраченного оригинала.

Составлением проектов Волынский начал заниматься с 1735 года. В это время он подал в Кабинет министров мнение о способах борьбы с вымогательством губернаторов и воевод у ясачных народов. Его рекомендации, основанные на богатом личном опыте в период казанского губернаторства, были весьма полезны. Вершиной своего прожектерства сам Артемий Петрович считал вышеупомянутый «Проект о поправлении государственных дел». Сочинив его, он гордо заявил наследнику: «Счастлив ты, сын, что такого отца имеешь».

По материалам следствия наиболее полно реконструируются те части проекта, где речь идет о роли дворянства в обществе. Автор полагал, что из дворян должна была комплектоваться не только правящая бюрократия, но и технический состав правительственных учреждений: приказных людей надлежало набирать только из шляхетства, ибо на канцеляристов из подлого люда «надежды нет». На государство возлагалось попечение об овладении дворянскими недорослями различными науками. Детей знатного шляхетства надлежало отправлять за границу, «чтоб свои природные министры были».

«Священнический чин» тоже должен был комплектоваться из шляхетства, причем Артемий Петрович проявлял заботу о повышении авторитета духовенства, чего можно было достигнуть путем овладения им знаниями, а также освобождения от необходимости возделывать пашни — материальное обеспечение священнослужителей возлагалось на прихожан.

Забота Волынского о шляхетстве проявилась и в экономической сфере: винокурение предлагалось объявить дворянской монополией; для предотвращения окончательного разорения малоимущих дворян Артемий Петрович планировал ввести для них и канцеляристов скромную экипировку, «чтоб деньги у них так не расходились». В общем, Волынский нисколько не преувеличивал своих забот о шляхетстве, когда однажды признался Кубанцу: «Есть за что благодарить меня дворянству, смотри, что я делаю для них» (Готье Ю. В. Проект о поправлении государственных дел Артемия Петровича Волынского // Дела и дни. Пг., 1922. Кн. 3. С. 5). Впрочем, тот же Кубанец показал: «Замыслы его (Волынского.— *Н. П.*) были такие, что он ласкал дворянство для того, чтоб ему чрез то в силу притти» (Там же. С. 7). Думается, это был чистой воды поклеп на Волынского, ибо его можно назвать подлинным радетелем дворянских интересов.

Как видим, проект Волынского никакой опасности для режима не представлял. Его использовали для прикрытия подлинной цели политического процесса — парализовать сопротивление шляхетства немецкому засилью.

Подведем итоги. Артемий Петрович Волынский был человеком отнюдь не безупречным и не наделенным высокой нравственностью. Его поступки направляло безмерное честолюбие, он был груб, жесток, жаден, мстителен, нечист на руку. В принципе он выступал не против немцев как таковых, а всего лишь за устранение их от кормила власти в Российском государстве. Однако независимо от соображений, которыми руководствовался Артемий Петрович, объективно его борьба с окружением императрицы заслуживает положительной оценки — эта схватка подготовила общество к ликвидации иноземного засилья.

(Продолжение следует)

ЛЕОН ОНИКОВ

ВЕЛЬМОЖНЫЕ ИГРЫ

ДЕСЯТИЛЕТИЯ СТРАНОЙ УПРАВЛЯЛИ АППАРАТЧИКИ СО СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

ФОТОГРАФИИ ГЕННАДИЯ БОДРОВА

У нас в стране была диктатура, что, собственно, и не скрывалось, — «диктатура пролетариата». Сегодня очевидно, что это была действительно не ограниченная ничем власть, но не пролетариата, а аппарата во главе с ЦК КПСС. Все это время деятельность ЦК была окутана тайной. Даже привычное сейчас многим наименование «Старая площадь» для большинства советских людей было неизвестным словосочетанием. В те годы ЦК неизменно представлялся как высший образец деловитости, руководящей мудрости, управленческого оптимума. Ясно, что сейчас у большинства мнение совсем иное. Но, что существенно, бывшие аппаратчики не очень делятся с широкой публикой своими воспоминаниями. И это не случайно: те, кто стали демократами, стараются не напоминать о своем аппаратном прошлом. А те, кто не захотел поступиться принципами, тоже особенно не рвутся раскрывать «партийную тайну».

Автор публикации представляет собой редкое исключение: проработав более тридцати лет в ЦК, он хочет поделиться с читателями своими знаниями об аппарате, «механике» его работы, секретах высшей партийной инстанции.

«Аппарат» — согласно словарю — это учреждение или ряд учреждений, обслуживающих какую-либо отрасль. В широком непрофессиональном смысле под аппаратом партийного комитета понимают прежде всего членов руководящего органа (пленум). Он избирался тайным голосованием, назначить в его состав кого-либо было невозможно. По Уставу ему принадлежала вся полнота власти, а фактически его властная роль равнялась нулю, точнее — абсолютному нулю. Далее, исполнительный орган (бюро). Формально он тоже избирался. Но поскольку выборы в данном случае были не тайные, а открытые и каждый рекомендуемый для избрания был согласован персонально с вышестоящим парткомом, принцип выборности не имел никакого значения, был чистой формальностью. Доминирующую роль в бюро играл первый секретарь.

И, наконец, собственно аппарат. В профессиональном, а не в дилетантском понимании слова это — назначаемые, а не избираемые работники партийного комитета. Их можно было и взять на работу, и снять одним росчерком пера секретаря парткома. Отсюда полная зависимость аппаратчика от воли бюро, которое его взяло на работу. К тому же чисто армейское единоначалие и должностная соподчиненность усугубляли эту зависимость: инструктора — от зав. сектором, зав. сектором — от зам. зав. отделом и т.д. Такое жесткое единоначалие было утверждено Сталиным и сохранено Горбачевым. Почему он не понимал несовместимость такого принципа с демократизацией — объяснить невозможно. Численный состав штатных назначаемых работников в парткоме составлял примерно 97 процентов. Но от этого подавляющего большинства курс аппарата не зависел. Всю линию определяли бюро, секретари парткома во главе с первым и заведующие отделами.

Здесь необходимо раскрыть одну очень завуалированную эволюцию, которую М. Горбачев никак не мог понять, что имело роковые последствия и для его курса. Это изменение соотношения между секретарями ЦК КПСС, с одной стороны, и заведующими отделами и их заместителями — с другой.

При Сталине указание секретарей парткома и тем более первого выполнялось беспрекословно, как команда, приказ. За невыполнение голову могли снести. Более того, рискну утверждать, что при нем уровень коллегиальности обсуждения вопросов (только обсуждения, а не сам принцип коллегиальности) был выше. До принятия решения — а это было во власти только первого — вопросы обсуждались всесторонне, пока он не выносил приговора. Он решал окончательно и единолично.

Процесс восстановления принципа коллегиальности, начатый Н. Хрущевым (при полном отсутствии коллегиального опыта работы), пошел не по тому пути, а при Брежневе оказался изувеченным. Коллегиальность стала восприниматься секретарями ЦК как светская куртуазность, галантная взаимовежливость и уступчивость в отношениях друг с другом. При обсуждении вопросов достаточно было одному члену Политбюро или секретарю ЦК возразить, как вопрос откладывался (за редким исключением, когда настаивал первый). «Я, как видите, не вторгаюсь в вашу сферу, а вы, будьте любезны, не трогайте мою». Так и пошло. Вот в какой идиотский принцип выродилось извращенное представление о коллегиальности. По существу, это стало «правом вето».

А это, в свою очередь, привело к невиданному возрастанию роли штатной аппаратной верхушки. Речь шла о секретарях, курирующих два ключевых отдела аппарата ЦК КПСС — оргпартработы и общий.

Дело в том, что приходившие с мест секретари ЦК КПСС, курировавшие орготдел, значительно уступали в профессиональном знании матерым завсегдатаям штатной верхушки, которые, в отличие от секретарей, отлично знали проблемы и кадры в их развитии. Их влияние на позицию, занимаемую секретарями в свете тех или иных происшедших внутрипартийных изменений, резко возросло.

К тому же в отличие от сталинских времен, когда в аппарате активно поддерживалась критика «невзирая на должность», эта верхушка, боясь подвергаться критике, вынуждена была считаться с мнением подавляющего большинства аппаратчиков. При Брежневе—Горбачеве критика в аппарате исчезла полностью, что также развязало руки аппаратной верхушке. В итоге связка секретаря, курирующего орготдел, с его штатным руководством впервые за последние 25 лет стала играть определяющую роль в курсе ЦК КПСС.

Еще хуже была обстановка в Общем отделе аппарата ЦК КПСС, зловещая роль которого в крахе курса М. Горбачева была не меньшей, чем только что названного. Вся поступающая документация и особенно самая сакраментальная информация генсеку проходила через этот отдел... По иронии судьбы его курировал по своей инициативе лично М. Горбачев. Как он это делал? За шесть лет он ни разу не встретился с работниками отдела, предпочитая повседневные, а то и по нескольку раз в день, встречи только с его заведующим. Результат известен.

Наконец, несколько слов о структуре самого аппарата. Вся его история — цепь бесконечных реорганизаций. Последние годы он состоял из 9 отделов ЦК КПСС: партстроительства и кадровой работы (бывший оргпартотдел); идеологический; социально-экономический; аграрный; национальных отношений; государственно-правовой; международный; оборонный; общий; управление делами и центр обработки информации.

Вся политика власти аппарата монопольно творилась секретарями и очень узкой штатной верхушкой, все дела ЦК КПСС безответственно и бесконтрольно вершились только ими и никем иным. Поэтому хочу особо подчеркнуть: здесь и ниже все, что мною будет сказано негативного об аппарате, касается только его верхушки, а отнюдь не подавляющего большинства аппаратчиков.

Более того, выскажу мысль, которая может показаться читателю неправдоподобной: секретность работы аппарата была настолько непробиваемой, что от большинства работников самого аппарата (от аппаратчиков) держались в секрете важнейшие вопросы!

Секретность в работе партаппарата утвердилась не сразу. Был период в начале 20-х годов, когда понятия «партийная тайна» для членов партии вообще не существовало. Но с середины 20-х годов, когда Сталин приступил к реализации своего замысла превращения партии в «орден меченосцев», он стал внедрять в работу прежде всего партийных органов принцип абсолютной секретности, вбирая всю власть партии в аппарат и лишая ее сотен тысяч рядовых членов. Первым такую опасность уловил Троцкий и стал резко протестовать, а его сторонники довели этот протест до призыва: «Бей аппаратчиков!»

Но Сталин действовал — ума ему в таких замыслах было не занимать — чрезвычайно продуманно, системно. Вот как началось внедрение секретности в работу аппарата.

1924 год. Постановление Оргбюро ЦК партии: «Товарищ, получающий конспиративные документы, не может ни передавать, ни знакомить с ними кого бы то ни было». Подпись — Генеральный секретарь И. Сталин.

1925 год. Опять по его инициативе постановление Оргбюро: «Ограничить ознакомление с конспиративными стенограммами следующим кругом лиц» (сокращался вдвое).

1926 год. Постановление ЦК: «Лица, виновные в нарушении конспирации (разглашение, утечка и халатное обращение с секретными документами), на основании постановления ЦИК СССР отвечают во внесудебном порядке через коллегию ОГПУ». Там же: «Все сотрудники в отделах ЦК, соприкасающиеся с секретными материалами и допускаемые к секретной работе, назначаются в общем порядке и учитываются спецотделом ОГПУ через Секретный отдел ЦК». «Один экземпляр шифровок посылается Председателю ОГПУ». Как видим, преступная норма — «внесудебный порядок» — стала действовать значительно раньше 1937 года.

С 1934 года, после XVII съезда ВКП(б), глобальная секретность утвердилась окончательно и была закреплена соответствующими нормативами — положениями, инструкциями и т.п., просуществовавшими до конца, до 1991 года.

Читателю, думаю, трудно поверить, что за двадцать пять последних лет, включая все годы горбачевской перестройки, степень секретности в работе партийного аппарата — от скромного сельского райкома до всесильного аппарата ЦК КПСС — не ослабла, но сохранялась и была еще более ужесточена, чем при Сталине!

Процитирую «Инструкцию по работе с секретными документами в аппарате ЦК КПСС», выделяя те слова, которые несут особую смысловую нагрузку.

Разд. I, п. 1. «Настоящей Инструкцией определяются правила работы с секретными документами в аппарате ЦК КПСС.

Основные положения Инструкции распространяются также на работу с документами, имеющими гриф «Для служебного пользования», несекретными служебными документами и письмами трудящихся».

Это означает, что инструкция позволяла засекречивать ВСЕ вплоть до любого письма в ЦК, большинство которых были жалобами.

Разд. II, п. 7. Работникам аппарата ЦК КПСС не разрешается: «в) знакомить с секретными документами лиц, не работающих в аппарате ЦК КПСС, а также сотрудников аппарата ЦК, не имеющих прямого отношения к этим документам».

Для ясности: подавляющее большинство членов Центрального Комитета (высшего после съезда органа партии) и членов Политбюро, самого властного партийного органа, были «лицами, не работающими в аппарате ЦК КПСС», следовательно, работа аппарата ЦК для них была засекречена. Более того, поскольку не разъяснялось, что такое «прямое отношение», почти

любое сведение о работе аппарата можно было засекретить и от подавляющего большинства самих работников аппарата. Таких ограничений не было даже при Сталине. Как видим, степень секретности при Горбачеве была выше, чем во времена иные, хотя Горбачев искренне стремился к гласности.

Вот в этом «прямом отношении» и есть доказательство того, что подавляющее большинство работников аппарата не знали конкретно, в деталях, чем и как занимается аппарат ЦК КПСС. Лично я для того, чтобы узнать в деталях курс, осуществляемый двумя важнейшими отделами аппарата ЦК КПСС — организационно-партийной работы и общим, специально планировал себе командировки на места, где мне проще было узнать, что делалось в этих отделах, хотя я с ними работал, как говорится, «под одной крышей».

Или другой пример. В ходе подготовки школьной реформы мне понадобились простейшие, казалось бы, сведения: как идет прием учителей в члены партии. В орготделе — отказ: не имеете прямого отношения. Звоню зав. сектором школ в отдел науки. «Поверь, не знаю!» — «Как же, ведь ты занимаешься школами?» — «Да, но не приемом же в партию».

Были годы, когда принимаемый на работу в аппарат партийного комитета подписывал «Обязательство» следующего содержания:

«Я, нижеподписавшийся (*ф.и.о.*), состоя на работе в (наименование парткома) или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в

строжайшем секрете все сведения и данные о работе, ни под каким видом их не разглашать и ни с кем не делиться ими.

Мне известно, что за нарушение данных мною обязательств я несу ответственность в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г.

Также обязуюсь сообщать в ЦК КПСС о всех изменениях и сведениях, указанных в моей последней анкете, в частности о родственниках и знакомых, связанных с иностранцами или выехавших за границу».

Вот почему любые писания о партаппарате, исходящие от людей, не проработавших в нем долгие годы, в какие бы тона они ни окрашивались — черные или светлые, несостоятельны.

До утверждения сталинщины роль партаппарата была незначительной в сравнении с той, которую он обрел после ее утверждения. Главный смысл курса Сталина на аппаратизацию партии был таков: полностью лишить властных прав руководящие (выборные) партийные органы всех ступеней — от райкома до центрального комитета, отведя им чисто декоративную роль. Реальная же власть была сосредоточена целиком и полностью в исполнительных органах и их штатном аппарате. А на низовом уровне — райком, горком — в 20-х годах штатного аппарата фактически не было, и всю работу выполняли члены руководящих органов и активная часть рядовой партийной массы на внештатных, общественных началах.

В аппарате ЦК РКП(б) в 1922 году было всего 56 ответственных работников, в 1923-м — 62. В те же годы весь аппарат штатных ответственных работников всех губкомов, обкомов и крайкомов огромной страны насчитывал всего 2500 человек! А в годы перестройки (1987 год) 1800 человек служили только в аппарате ЦК КПСС! А вместе с техническими работниками более трех тысяч работали в зданиях на Старой площади!

С утверждением аппаратного господства (конец 20-х — начало 30-х годов) и до конца КПСС штатный аппарат парткомов всех звеньев исчислялся многими десятками, а то и сотнями тысяч работников.

Столь разительный контраст в численном составе работников партийного аппарата объясняется качественным изменением его роли и места в управлении страной. До сталинщины аппараты парткомов занимались только внутрипартийными делами. Решения руководящих партийных органов — центральных съездов, пленумов, политбюро, — а также местных партийных органов касательно государственных, хозяйственных, военных вопросов осуществлялись не через партийные аппараты, как впоследствии (вплоть до конца горбачевской перестройки), а членами соответствующих государственных органов и их аппаратом.

Сталинский курс продолжался все более нарастающими темпами и в широком плане означал курс на ликвидацию партии. Ибо партия, где вся власть находится в руках мизерного меньшинства, а подавляющему большинству отводится роль лишь безгласных исполнителей этой власти, не может считаться партией в собственном смысле этого слова.

А с утверждением аппаратного господства с начала 30-х годов начался лавинообразный рост численного состава штатного аппарата. На XVII съезде, когда аппаратная модель партии утвердилась окончательно, решением съезда впервые было предусмотрено создание производственно-отраслевых отделов в аппаратах ЦК КПСС, крайкомов и обкомов партии с тем, чтобы сосредоточить в аппарате «всю работу в целом данной отрасли», то есть всех сфер жизнедеятельности страны!

До середины 20-х годов вся деятельность партаппарата была полностью гласной — в течение года неоднократно публиковались подробные данные о его численном составе, структуре, проделанной работе и т.д. Впоследствии такие данные, как уже говорилось, были замурованы абсолютной секретностью.

В 1939 году было создано мощнейшее Управление кадров, которому отводилась роль головного в аппарате ЦК КПСС. В нем было ровно 50 отделов кадров (отдел кадров электростанций, отдел кадров пищевой промышленности, отдел кадров искусств и т.д.)! Впоследствии отделы укрупнили, доведя их число до 32. Менее многочисленным было Управление пропаганды и агитации (1939—1947). В него было включено 15 отделов и почти 20 секторов и групп. Оно не раз подвергалось реорганизации, но численность работников в целом не очень сокращалась. Все было подконтрольно и опекаемо до мельчайших сфер. Так, Отдел центральных газет состоял из 8 групп: по отраслевым газетам, сельскохозяйственным, по ТАСС и т.д. Отдел местных газет — из шести секторов: сектор газет Украины и Белоруссии и по всем союзным республикам. Был сектор многотиражек. С особой мнительностью идеологические отделы ЦК занимались вопросами литературы, искусства, кино, творческих союзов.

В результате абсолютно все сферы жизни общества, государства, народа были сконцентрированы в аппаратах парткомов всех уровней снизу доверху — вершиной был аппарат ЦК КПСС. Все вопросы обороны страны, государственной безопасности, международных отношений даже тогда, когда они не выходили за пределы названных ведомств, предварительно согласовывались, одобрялись или отвергались, корректировались в обязательном порядке в соответствующих отделах аппарата ЦК КПСС. Даже публикация отдельного художественного произведения, постановка пьесы, организация выставки художников — если, не приведи Господь, кто-то мог узреть в них «идеологический подвох» — приговаривались на «быть или не быть» в идеологическом отделе ЦК. Перечислить все невозможно. Совещание заведующих кафедрами общественных наук — решение ЦК КПСС. Главврач роддома — номенклатура райкома. Декан философского факультета МГУ — ЦК КПСС. Отъезд на работу за рубеж в советское посольство водителя автомашины — опять ЦК КПСС...

Все строилось на принципе жесткого, почти армейского единоначалия. Мало кому известно, что этот принцип ставил подавляющее большинство аппаратчиков в почти рабскую зависимость от руководства. Не многие знают и то, что из огромной армии трудящихся страны — рабочих и служащих — аппаратчик был единственным не защищенным Кодексом законов о труде. Прежде чем снять с работы спившегося слесаря домоуправления или не чистого на руку продавца овощной лавки, нужно было заручиться согласием профсоюзной организации. Уволенный с работы мог подать в суд в случае несогласия с причиной увольнения, и нередки были случаи, когда суд восстанавливал уволенного с выплатой зарплаты за время вынужденной безработицы. Судьба же аппаратчика была полностью в руках вышестоящего начальника.

Отсюда решительность, радикализм, находчивость аппаратчика при выполнении приказа сверху, линии аппарата. И в то же время — робость, безынициативность, а то и трусость, когда надо было отстоять свою точку зрения, если она противоречила линии руководства.

Довольно широко распространено мнение, что партаппарат был якобы сильно коррумпирован. Наиболее объективные показатели — судебная статистика — полностью опровергают это. Коррупция действительно коснулась весьма широкой сферы управления в Средней Азии, Закавказье, Краснодарском крае, Ростовской области. Но в наименьшей степени ей были подвержены аппараты партийных комитетов и КГБ.

Откуда исходит заблуждение о коррупции партаппарата? От невежества — путают штатных, нанимаемых работников, то есть собственно партаппарат, и избираемых членов руководящих партийных органов (пленумов) райкомов, горкомов, обкомов и т.д.

В состав пленумов избирались руководители ведомств, не работающие в партаппарате. Это руководители, возглавляющие торговлю, легкую и пищевую промышленность, снабжение, финансы, прокуратуру, милицию, суды. Вот кто действительно был коррумпирован в наибольшей степени.

Любопытно, что при разоблачении несуществующих недостатков партаппаратчиков из поля зрения критиков выпали действительные язвы и недостатки, присущие всем аппаратам управления. Это — карьеризм, зависть, аппаратный цинизм, самомнение и фанаберия, отрыв от реальности, перестраховка, формализм, бюрократизм... Эти и другие чисто аппаратные болячки присущи любому аппарату во все века (вспомним Свифта, Диккенса, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Оруэлла). Не был в той или иной степени избавлен от них, разумеется, и наш партаппарат. Но обвинения чохом в коррупции — несостоятельны.

К идее перестройки, провозглашенной М. Горбачевым, подавляющее большинство работников партаппарата отнеслось, надо заметить, с полным пониманием и искренне поддержало. Каждый из нас, зная реальную обстановку в стране, соглашался, что жить так дальше нельзя.

Аппаратная верхушка к курсу Горбачева также отнеслась одобрительно: каждый новый генсек приходит с новыми идеями, и партийная дисциплина обязывает их поддерживать. Но только если они ничего не меняют во внутрипартийной конструкции! «Судьба страны и народа в спасительных руках партии. Если партия устоит, устоит и страна, и народ, и идея» — вот ее логика. Пережили при Н. Хрущеве, рассуждала она, кукурузу. При Брежневе пережили «экономную экономику» и «научный подход». Переживем и перестройку. Главное — ничего не менять в самой партии, то бишь в ее сталинской конструкции. Главное — сохранить всю полноту власти в руках аппарата (как уже знаем, аппаратной верхушки) и не допустить (не приведи Господь!) ее передачи руководящим партийным органам и тем более многомиллионной массе членов КПСС. Вот вся логика действий верхушки партаппарата. А действовать они умели.

Многолетняя интуиция матерых аппаратных бонз не подвела их и на этот раз. Быстро раскусив верхоглядство М. Горбачева, они всячески подпитывали его словесным многопудьем: революционная перестройка в партии, мол, идет полным ходом, все складывается именно так, как велит Горбачев.

Стратегический замысел и тактика исполнения были выверены исключительно точно — ничего не менять в секретных нормативах, определяющих содержание, суть, ткань всей сталинской модели партийной работы, всю ее конструкцию. Все оставить, как было.

Это им блестяще удалось, и в этом-то была погибель и аппарата, и КПСС. Вот и вся суть. Страна худо-бедно, но зашевелилась, двинулась в сторону демократизации, не гладко, оступаясь, но все же продвигаясь к ней. А в партийной верхушке все оставалось, как в прошлом. Ничем, кроме ее краха, это не могло закончиться. Замысел верхушки «удался». В аппарате и в партии все осталось, как было десятилетия назад. Ее неизбежный крах был предопределен, неотвратим.

А генсек, клюя без наживки, педалировал словесные призывы, увещевания, заклинания, упреки и мольбы демократизировать партию, страну. Он считал, что эти слова и обеспечат перестройку, решат ее судьбу. Но это были слова, и больше ничего.

Аппарат работал, как прежде, и в этом смысле ему удалось отстоять свою абсолютную власть, что его и сгубило.

ИСААК РОЗЕНТАЛЬ

ОН НЕ ЛЮБИЛ ПРОВОКАТОРОВ?

14 декабря 1918 года в Управление делами Совнаркома поступило письмо артистов четырех московских театров – Малого, Большого, Художественного и оперного театра Моссовета (до революции – Зимина). Подписи занимали больше места, чем сам текст, их свыше ста – Неждановой, Немировича-Данченко, Ермоловой, Южина, Москвина, Книппер-Чеховой и многих других прославленных деятелей русской сцены. Речь шла о судьбе бывшего московского губернатора, бывшего шефа отдельного корпуса жандармов Владимира Федоровича Джунковского, арестованного 15 сентября 1918 года.

В письме утверждалось, что Джунковский «всегда с особым вниманием и отзывчивостью относился ко всем нуждам артистов, – он... много раз по нашим просьбам облегчал участь политических заключенных и ссыльных, не затягивая дел, решая ходатайства иногда в несколько часов и даже минут. Нам известна также благородная роль Владимира Федоровича по отношению к всесильному тогда Распутину, что послужило предлогом к его увольнению от должности товарища министра внутренних дел, – продолжали артисты. – Все это дает нам основание и решимость обратиться в Совет народных комиссаров с нашей горячей просьбой об освобождении В. Ф. Джунковского как человека необыкновенной отзывчивости, высокой гуманности и исключительного благородства». На письме резолюция: «Т-щу Дзержинскому: Ваше заключение. 14/XII. Ленин»[1].

Согласитесь, подобная оценка личности руководителя политической полиции вызывает по меньшей мере удивление. Тем более что о нем нашему читателю почти ничего не известно. Правда, несколько лет назад были опубликованы мемуары Льва Разгона. Однако с трудом верится странное превращение блестящего офицера и крупного администратора последних десятилетий российской монархии в смотрителя крымского маяка и вполне довольного своей жизнью крестьянина[2].

Реальную судьбу Джунковского никак не назовешь простой и благополучной. На тусклом фоне предреволюционной «номенклатуры» он, бесспорно, выделялся, и в том, что написали артисты о его благородстве и отзывчивости, нет преувеличения, хотя безукоризненную честность Джунковского иные люди его круга считали чудачеством. «Ненадежный это господин, хоть и «любимец публики», – заметил однажды член Союза русского народа Хомяков[3].

Поначалу все шло как нельзя лучше. Из Пажеского корпуса 19-летний Джунковский был выпущен подпоручиком лейб-гвардии Преображенского полка, в 26 лет он адъютант московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В августе 1905-го 40-летний Джунковский назначен московским вице-губернатором и уже в ноябре – губернатором. С января 1913 года он товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов. Последний воинский чин – генерал-лейтенант.

«Любимцем публики» он стал в Москве. Популярность губернатора не в последнюю очередь объяснялась связями с общественностью, содействием всякого рода культурным начинаниям. Он способствовал открытию в Москве коммерческой академии, был почетным председателем общества воздухоплавания, попечителем Сергиевского народного дома, открытого в память о великом князе Сергее Александровиче (и переименованного в советское время в клуб имени Каляева). В этом и в других случаях попечительство губернатора не было номинальным. Артисты Малого театра высоко ценили, например, разрешение выступать на сцене народного дома, которого добился для них Джунковский. Дело в том, что в отношении пьес, идущих в народных театрах, действовала двойная цензура, она распространялась и на русскую классику. Теперь же, писали артисты, народу предоставили «возможность видеть и высокохудожественное исполнение и лучший классический репертуар»[4].

Имя Джунковского не встретишь ни в одном из многочисленных путеводителей по памятным местам Отечественной войны 1812 года. Между тем именно под его руководством проводились обширные мемориальные работы на Бородинском поле к 100-летию Отечественной войны. Тогда же был построен Бородинский музей, причем часть экспонатов губернатор приобрел на личные средства; кроме того, он купил землю вокруг главного монумента на месте батареи Раевского и сумел договориться с крестьянами села Горки об уступке подарственной участка, необходимого для сооружения памятника Кутузову. Внес он свою лепту и в проект создания музея Отечественной войны в Москве.

Когда Джунковский оставил должность губернатора, семь городов Московской губернии присвоили ему звание почетного гражданина. Нельзя, разумеется, сказать, что за восемь лет губернаторства отношения Джунковского с общественностью складывались совершенно безоблачно. Он искренне не мог понять инициатора создания Московского союза фабрикантов и заводчиков С. И. Четверикова, который считал справедливым, чтобы не только предприниматели имели союзную кассу на случай забастовок, но и профсоюзы рабочих создавали свои забастовочные фонды. Устав профсоюза рабочих Городищенской фабрики, принадлежавшей Четверикову, губернатор не утвердил, а за фабрикантом приказал установить негласный надзор полиции[5]. Не одобрял он и демонстративных высказываний П. П. Рябушинского насчет того, что русское купечество должно заставить правительство считаться с собой больше, чем с вырождающимся дворянством.

И все же газета, выпускаемая Рябушинским, проводила уезжавшего из Москвы Джунковского сочувственной статьей. «Истинно порядочный человек в частной жизни, В. Ф. Джунковский всецело перенес эту порядочность в область служебных отношений» – явление, как отмечала газета, редкостное...[6]

Перевод в Петербург на должность товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов явился прямым результатом усердия, проявленного генералом в организации Бородинских торжеств. Сам генерал отлично сознавал – новая его должность «не в особом почете» и ему предстоит действовать в атмосфере интриг: уж больно лакомым куском был неподотчетный Государственной думе секретный фонд департамента полиции.

Джунковский удивил первым же своим приказом по корпусу жандармов. Наряду с привычным требованием вести беспощадную борьбу с противогосударственными элементами, он напомнил подчиненным слова, сказанные, согласно преданию, его далекому предшественнику Бенкендорфу императором Николаем I: «Утирай слезы несчастным...» Жандармам вменялось в обязанность принять этот «священный завет милосердия» к неуклонному исполнению (!). Далее Джунковский объявил, что испытывает гадливое чувство к авторам анонимных писем и не будет их читать, как не читал их в Москве. «Кто кого раньше переделает на свой лад: жандармы своего начальника или начальник жандармов?» – меланхолично отозвалась на эти заявления газета «Утро России»[7].

Но за декларациями последовали действия. Генерал начал с того, что исключил из состава секретной агентуры воспитанников средних учебных заведений, так как считал «чудовищным такое заведомое развращение учащейся молодежи, еще не вступившей на самостоятельный путь». Затем подобное же ограничение распространил (при поддержке высшего генералитета) на солдат в армии, где, как выяснил Джунковский, процветала провокация: обыски и аресты проводились на основе ложных сведений, подсказанных агентам-солдатам жандармскими офицерами; те же солдаты сами распространяли в воинских частях революционные прокламации, чтобы обнаружить сочувствующих[8]. Наконец, по требованию Джунковского в мае 1914-го сложил полномочия депутата Государственной думы Роман Малиновский – член ЦК РСДРП и по совместительству секретный сотрудник департамента полиции.

«Когда я вступил в должность товарища министра, я первым долгом обратил внимание на провокацию и боролся против нее всеми средствами...» – заявлял впоследствии Джунковский[9]. Эта борьба не затрагивала института осведомителей

и филеров, но тем не менее вызвала противодействие прежде всего у директора департамента полиции Белецкого (наставника Малиновского) – тот утверждал, что мероприятия генерала «губят розыск»[10].

Однако этические соображения не мешали Джунковскому образцово выполнять обязанности главы политической полиции, ведь он считал, что служит только закону. Когда в начале первой мировой войны решался вопрос, какому суду предать арестованных большевиков-депутатов Государственной думы – гражданскому или военному, именно Джунковский настоял на гражданском: нежелательно давать повод разговорам, будто правительство воспользовалось случаем для расправы с левой оппозицией. Что же касается возможности оправдания, то не пристало говорить об этом министру юстиции Щегловитову, который никогда не стеснялся оказывать давление на суд, превратив даже Сенат – высшую юридическую инстанцию – в «послушный себе департамент»[11], – это нелицеприятное мнение Джунковский высказал и царю.

Карьера Джунковского оборвалась внезапно. 1 июня 1915 года он воспользовался правом личного доклада царю, чтобы сообщить о скандальных похождениях Григория Распутина. Не желая подводить министра внутренних дел в случае неудачи, Джунковский заявил, что докладывает лично от себя и что никаких копий в делопроизводстве министерства он не оставил. Общение членов царской семьи с проходимцем, взволнованно говорил он, расшатывает трон, создает угрозу династии, «а этим и России». Такое обоснование «вмешательства в семейные дела» монарха не отличалось оригинальностью, но Джунковский оказался первым, кого царь, не прерывая, выслушал до конца; это создавало впечатление успеха. И в самом деле, Распутина на два месяца отлучили от двора[12].

Казалось бы, Джунковского никак нельзя заподозрить в неискренности, в наличии каких-то посторонних мотивов, помимо заботы о престиже монархии, – его верность царскому дому была известна всем. И тем не менее участь генерала была предрешена. Распутина через некоторое время «простили», а в августе запиской на имя нового министра внутренних дел царь распорядился отстранить Джунковского от должности без объяснения причин, хотя совсем незадолго до этого говорил, что испытывает к нему полное доверие[13]. «Будущий историк оценит Ваше отважное выступление против Распутина и воздаст Вашей памяти должное», – писал уже в советское время Джунковскому А. Ф. Кони. Поступок Джунковского Кони уподоблял действиям поводыря, который напрасно заботился о «слепцах, ведущих слепых к тяжким испытаниям»[14].

Как только генерал отбыл из Петрограда в действующую армию, Белецкого вернули в Министерство внутренних дел, на этот раз с повышением – товарищем министра. Вместе с новым министром Хвостовым и одним из лидеров правых в Государственной думе Замысловским он тут же приступил к осуществлению плана мести своему предшественнику.

Из средств департамента полиции Белецкий выдал 6,5 тысячи рублей на оплату трудов журналиста Тихменева и издание написанной им по заказу брошюры. Она вместила весь возможный компромат на генерала, частично уже фигурировавший на страницах правой печати: «неустойчивость политических воззрений и верований в роду Джунковских»; желание московского губернатора снискать популярность среди «революционного отребья» в 1905 году; германофильство, будто бы проявленное при расследовании антинемецких погромов в Москве в мае 1915 года; ликвидация в армии агентуры, якобы способной противостоять германскому шпионажу[15].

С некоторыми изъятиями изделие Тихменева отпечатали в 500 экземплярах и распространили в «высших сферах». 10 экземпляров Хвостов и Белецкий вручили в Царском Селе А. А. Вырубовой, доставив, по словам Белецкого, ей и Распутину «видимое удовольствие»[16].

Февральская революция застала Джунковского на фронте, где он последовательно командовал бригадой, дивизией и корпусом. В июне 1917-го его вызвали в Петроград, чтобы допросить в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Александр Блок, присутствовавший при допросах сановников свергнутого режима и симпатий к ним не испытывавший, выделил тем не менее «красавца генерала»: «Говорит мерно, тихо, умно... Лицо значительное. Честное. Глаза прямые, голубовато-серые. Очень характерная печать военного... Прекрасный русский говор...»[17]

Вслед за октябрьским переворотом и расправой с начальником штаба верховного главнокомандующего Духониным прокатилась волна арестов фронтовых генералов. Джунковского привезли в Смольный и по распоряжению В. А. Антонова-Овсеенко заключили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Позже он узнал, что ему грозил расстрел, но другие члены ВРК сочли арест недоразумением. Отпуская генерала на свободу, ему попутно объяснили, что неприкосновенность личности – не более чем буржуазный предрассудок.

В декабре Джунковского освидетельствовали по личной просьбе в госпитале и уволили из армии «с мундиром и пенсией». Свое решение он объяснял так: «Продолжать военную службу для меня не имело смысла, участвовать в развале армии я находил противным своей совести». Но и болезнь была настоящей, не «дипломатической». Комитет корпуса долго не проводил выборов нового командира, ожидая возвращения Джунковского, а затем отослал ему в Петроград все его вещи, как вспоминал он, «до последней нитки»[18].

И все же в 1918 году его вновь арестовали: сняли в Орше с санитарного поезда (он направлялся в Путивль, к родным), обвинили в связи с «Союзом спасения родины и свободы» и с генералом Красновым. Он избежал участи тогда же расстрелянных руководителей царских ведомств внутренних дел и юстиции, но был оставлен под стражей. В начале ноября из тюрьмы Смоленской губчека его доставили в Москву в качестве свидетеля по делу Романа Малиновского, преданного суду Верховного революционного трибунала. Просьбы артистов об освобождении Джунковского не помогли, как и ходатайство сестры, которая ручалась: брат «ни в каких организациях не состоял, не примыкал ни к каким союзам» и ехал на Украину «вполне легально, не скрываясь – единственно для поправления здоровья»[19]. Джунковского приговорили к пяти годам лишения свободы за контрреволюционную деятельность.

В заключении он работал над воспоминаниями, закончив их к концу срока: «Писать дальше свои воспоминания преждевременно, да и тяжело. Может быть, через несколько лет, если Господь сохранит мне жизнь, я возьмусь за перо и поведаю и эти годы, проведенные мною в душевном уединении, и за эти годы найдется, может быть, немало ценного материала»[20].

Мысль о продолжении воспоминаний он оставил не сразу. Как видно из переписки Джунковского с А. Ф. Кони и Е. В. Пономаревой (1924—1928 годов), он жил в это время с сестрой в Москве, в Мало-Песковском переулке, и был занят главным образом преподаванием – «для добывания себе насущного». «Счастлив, что Вас утешает Ваш труд, и за Ваших учеников»[21], – писал ему Кони. Видимо, по его рекомендации Джунковский передал в 1926 году свой архив на хранение в Пушкинский дом с правом пользоваться документами.

Несмотря на разницу в возрасте, этих людей сближало многое. Глубоко верующие, они не в силах были принять постулаты примитивного безбожия тех лет: человеческая душа – «поповская выдумка», человек – «продукт обезьяны»[22]. О душевном состоянии Джунковского можно судить по одному из его последних писем Кони: «Так бы хотелось лично Вас повидать; часто, часто мысленно переношусь к Вам, особенно в некоторые трудные моменты, которые нередко теперь приходится переживать. Людей, с которыми бы можно было переговорить и быть понятым, становится все меньше и меньше и не от того, что они уходят, а от того, что редко кто не меняется и начинает смотреть на вещи другими глазами»[23]. Перешагнув шестидесятилетний рубеж, Джунковский менять свои убеждения не хотел...

Между тем над «обломками империи» сгущались тучи. В ноябре 1929-го газеты сообщили о сенсационной находке: в учреждениях Академии наук обнаружены скрытые от правительства исторические документы и среди них – архив бывшего шефа жандармов, а ныне церковного сторожа Джунковского. Правда, вскоре пришлось уточнить: о поступлении бумаг Джунковского руководство Академии сразу же сообщило правительству и к разряду политически важных они не принадлежат. Но дело о якобы скрытых документах усилиями ОГПУ уже трансформировалось в «заговор монархистов», в роли которых выступили видные ученые-гуманитарии старой выучки. Джунковский отделался сравнительно легко – его только выселили из Москвы.

В 1934 году он решился наконец расстаться с воспоминаниями – их купил Литературный музей. Лишь в 60-х годах историки получили возможность проверить справедливость оценки Бонч-Бруевича: «Большое значение мемуаров Джунковского заключается в том, что он ни к кому не подъегоривается, пишет в своей старой манере и потому наиболее искренен... Эти мемуары будут эпохой в мемуарной литературе нашего времени о старой России». Причем, отметил он, Джунковский в самой малой степени воспользовался правом мемуариста сказать и о себе[24].

Вместе с другими категориями советских граждан, подлежавших уничтожению, ведомство Ежова добирало и остатки дворянства. На этот раз формальным основанием для повторного обвинения 72-летнего Джунковского в контрреволюционной деятельности послужил нелепый донос двух дворников из подмосковной Перловки, где он жил после выселения. В декабре 1937 года его арестовали в последний раз. Виновным себя он не признал. 21 февраля 1938 года «тройка» Управления НКВД по Московской области приговорила В. Ф. Джунковского к расстрелу[25].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24038.
2. Юность. 1988. № 5. С. 31—34.
3. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 916. Л. 79.
4. Государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Ф. 91. Д. 59.
5. История возникновения и развития Городищенской суконной фабрики. По воспоминаниям С. И. Четверикова. М., 1918. С. 19.
6. Утро России. 1 февраля 1913 г.
7. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 53. Л. 9—11, 56.
8. Там же. Л. 91—96.
9. Дело Малиновского. М., 1992. С. 189—190.
10. Падение царского режима. М.—Л., 1926. Т. 5. С. 75.
11. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 52. Л. 279—281.
12. Там же. Л. 339, 375—376, 378—380.
13. Падение царского режима. М.—Л., 1927. Т. 7. С. 210, 227—228.
14. Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 8. С. 338.
15. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 14.
16. Падение царского режима. М.—Л., 1925. Т. 4. С. 207—210.
17. Блок Александр. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 354, 356.
18. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 59. Л. 350; Д. 7. Л. 3.
19. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2838.
20. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 59. Л. 351.
21. Государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Ф. 91. Д. 25, 27.
22. Там же. Д. 27.
23. ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1756.
24. Знание – сила. 1989. № 6. С. 71.
25. Комсомольская правда. 28 октября 1990 г.

МИХАИЛ АКИШИН
(Институт истории Уральского отделения РАН)

ПЛЕННЫЕ ШВЕДЫ И ДЬЯВОЛ

ДВАДЦАТЬ ДВЕ ТЫСЯЧИ ШВЕДОВ ПРОШЕСТВОВАЛИ ЧЕРЕЗ МОСКВУ ПОСЛЕ ПОЛТАВСКОЙ ВИКТОРИИ И РАСТВОРИЛИСЬ В ГЛУБИНЕ РОССИИ...

В 1718 году в Якутске случилось убийство. Швед ростовщик А. Андерсон порешил своего должника А. Шешукова. Преступника доставили в тюрьму, где он нечаянно обронил три письма, писанные по-шведски. Их отдали для перевода другим пленным, после чего те долго крестились. Оказалось, что письма эти — договор с Сатаной о продаже души. «Контракт» с «князем Мира» составлен с характерной коммерческой тщательностью. От «Диавола» требовалось: «свободи меня из евтова темницу», «постави куда аз похощу», «по всякой год на издержание мне давай 1000 ефимков». В обмен швед обещал «все что... требуешь исполнити» и «отдам первого чада, которой от жены моей родится».

Якутские власти поспешили отослать арестанта в Тобольск. По дороге выяснилось, что швед ко всему еще обладает колдовскими чарами. В Таре Андерсон усыпил «сонным коренем» своих караульных и безуспешно попытался выкрасть свои письма.

Попав-таки в Тобольск в 1720 году, швед и вовсе запутал следствие. Он крикнул «государево слово и дело» о том, что «как он... был в Кенисбурхе, тому ныне лет с дватцать, ис Кенисбурха ходил он на корабле з галанцами в Апонию и в Ындею и видел в той Индиейской земле родитца золото, течет из горы. Да он же сказал... есть на Амуре-реке блис Сибири Камчатки-реки на острову дуб и сахарная трава, а тот дуб на строение кораблей царского величества годен». Об этом в 1715 году швед донес сибирскому губернатору князю М. П. Гагарину. В 1716 году Гагарин послал на Камчатку якутского коменданта Я. Елчина. Одним из заданий ему было — проведать о руде, которую японцы добывают с шестого Курильского острова...

Тобольские власти вскоре избавились от беспокойного Андерсона, переслав его в 1722 году в Преображенский приказ. Тут швед более подробно поведал о себе: ему 45 лет, в Швеции был майором, в 1713 году взят в плен, через два года сослан в Якутск, в 1719 году принял православие. Последним фактом он резко ослабил обвинения в сатанизме и колдовстве, ибо занимался этими «непотребными делами» будучи «поганым латиняниным». Андерсон сообщил и новые подробности своего путешествия в «Алефонское королевство, которое... от сибирского городу Камчатки морем дней восемь» (там он ел сахарный тростник) и на остров, где его спутники взяли золота «пуд с двацать». По его словам, там он побывал за 33 года до плена. В Преображенском приказе быстро подсчитали, что если верить Андерсону, то все вышеописанные чудеса приключились с ним... в 12 лет. Возникла почва для работы страшных своей славой палачей Тайной канцелярии. С огромным трудом Андерсон выдержал две пытки; думали уже, что он умирает. Но и на исповеди швед продолжал рассказывать о своем путешествии. Пришел черед третьей пытке, ужасной по методам воздействия. Шведа подвесили на дыбу, жгли огнем, нанесли сорок ударов кнутом. Воистину, тут-то швед и попал в руки Сатаны! В руки русского дьявола... Однако и после смертельной для здорового мужчины дозы пыток швед все твердил о золоте и сахарном тростнике. Тут не выдержали даже «заплечных дел мастера» Преображенского приказа, и швед со своими сведениями был отправлен в Берг-коллегию. Оттуда его быстро прислали обратно: золото и сахарная трава «хотя и имеются, однако ж в дальнем расстоянии». На этом наши сведения о мытарствах пленного шведского майора обрываются.

Другую драматическую историю поведала леди Рондо, супруга английского посла при русском дворе. В 1735 году она встретила в Петербурге шведку, которая 18 лет прожила в татарском плену. Вместе с мужем, шведским капитаном, ее сослали в Сибирь. По дороге на них напал отряд «калмыцких татар». В схватке погиб муж шведки, а сама она попала в плен. Один из татар попытался «склонить... к любви» свою добычу, отбиться ей удалось, лишь «зубами вырвав у него из груди кусок мяса». Татарин хотел убить ее, но был остановлен товарищем. Шведку доставили ко двору хана, который подарил ее одной из своих жен. Пленница сумела добиться расположения хозяйки своим искусным рукоделием. Она встретила в неволе другого шведа, который «научил татар нескольким полезным ремеслам и наконец отлил пушку, оказав этим такую большую услугу (татары тогда воевали с китайцами), что его отпустили на волю». По сведениям леди Рондо, пленники уехали вместе, в дороге поженились и «готовятся уехать в Швецию».

Как же шведы очутились в Сибири?

В конце 1710 года пленных разместили в Астрахани, Казани и в Архангелогородской губернии. Однако следующей весной в Казани и Свияжске был открыт готовившийся побег; в итоге около девяти тысяч пленных отправили в Сибирь, под начало известного нам князя Гагарина.

Еще при жизни Петра I утвердилось странное мнение о том, что Гагарин будто бы чрезвычайно благоволил к шведам. Так, побывавший в Сибири и лично знавший губернатора немецкий инженер Блюер утверждал, что князь раздал пленным свыше 15 тысяч рублей. А. Ф. И. Страленберг, пленный швед, проживший в Сибири около 10 лет, писал, что Гагарин хотел отделиться от России и образовать особое Сибирское королевство. Чтобы набрать офицеров в будущую армию, он якобы одаривал пленных.

Этим легендам поверили и многие историки. Между тем еще в 1710 году шведские пленные жаловались царю на Гагарина, бывшего тогда московским комендантом, что «русские власти довели нескольких шведских рядовых до голодной смерти и даже не позаботились о погребении их». Во время расследования злоупотреблений сибирского губернатора следователи дотошно изучили факт раздачи денег пленным. В результате они пришли к противоречию: с одной стороны, большинство шведов жили в тяжелых материальных условиях; с другой — по финансовой документации выходило, будто они получали из казны немалые суммы. После того как лихоимца-губернатора вздернули на дыбу, противоречие разрешилось. «В застенке, с подъему и пытки», Гагарин повинился, что 30 тысяч рублей «в дачю» пленным он записал «лишку». А со второй пытки сознался, что деньги присвоил. В 1721 году князь был повешен...

Губернатор Сибири — вот кто был настоящий дьявол — не из книги, не из черной магии, а из плоти и крови, как и другие казнокрады и лихоимцы, коими кишит русская история. От них-то, а отнюдь не от таинственного Сатаны, так и не сумевшего помочь Андерсону, зависела реальная судьба пленных шведов (как, впрочем, и русских их собратьев).

Однако были среди пленных и счастливцы, к которым губернатор благоволил. Некто Ефим Дитмер у себя дома в Швеции служил секретарем королевской канцелярии. В плену он попал в фавор к князю Гагарину. Швед «помечал челобитные», то есть фактически выполнял функции очень важного чиновника — дьяка губернской канцелярии. Следователи выяснили, что Дитмер получал традиционные подношения от просителей. Так, тюменские посадские, добившись сбавки с них податей на 300 рублей в год, дали ему «в честь» 30 рублей. Крестьяне, приписанные к Каменским заводам, в 1717 году поднесли шведу 500 рублей. В 1718 году тюменские и верхотурские ямщики добились выдачи им по 200 рублей жалованья на уезд, за это «дали в честь» соответственно 10 и 30 рублей. Мздоимство поразительно! И хотя Дитмер не составлял письменного договора с Сатаною, как Андерсон, темные силы русской действительности подчинили его вполне. Дитмер, правда, утверждал, что все полученные деньги он «издержал... по приказу губернатора на всякие его, губернатора, домовые расходы». Отпустили его на родину только после возмещения взяток. Впрочем, бывший королевский секретарь постоянно получал помощь из Швеции и легко уплатил требуемую сумму.

Не чурались связей со шведами и другие представители сибирской администрации. Так, отчаянный лихоимец якутский комендант Я. Елчин был женат на Катерине Матвеевой, сестре пленного поручика Георгия Гиндрика.

Обратил внимание на пленных шведов и тобольский митрополит Филофей Лещинский, воспитанник Киево-Могилянской академии. Многих он обратил от «зловредного латинянства» к православию, а некоторых использовал в своей миссионерской деятельности. В поездках Филофея в Березовский уезд для крещения остяков и вогулов участвовал капитан Иоган Бернгард Мюллер; вернувшись в Швецию, он издал описание этих поездок. В 1722 году по требованию Филофея швед Карп Андреев был определен для надзирания за соблюдением православия новокрещенными остяками Казымской, Куноватской и Сосьвинской волостей Березовского уезда. В 1743 году ясачные жаловались, что швед им «чинит грабительство». В 1725 году надзирателем над новокрещеными городков Большого и Малого Атлымов, Нагарского, Низямского и Картымских и Олешкиных юрт Березовского уезда был назначен шведский поручик Кирилл Берх.

Часть шведов, принявших православие, искали счастья на административной службе в Сибири. Так, по 10 рублей в год и чин сына боярского получил в 1716 году швед Михаил Почекулин. В 20-х годах XVIII века находился под следствием судебный комиссар из шведов — «новокрещен» Яков Александров.

Шведы поразительно быстро усваивали нравы и обычаи сибирской административной службы. В 1723 году в грозном Преображенском приказе расследовалось дело о распре между верхотурским воеводой С. Пашковым и земским судьею Карпом Страндбеком. Следствие началось с доношения сибирских властей о том, что воевода публично называл судью «вором, и бранил матерно, и шельмою,

и отставным судьею, и говорил: «Выдь де ты, вор, из канцелярии вон и я тебя, шельму, убью», угрожая при этом пистолетом. В ответ судья кричал из окна канцелярии, «что он, Пашков, вор и изменник, и чинит е. и. в. указам и делам противность». На следствии Страндбек подал на воеводу огромное доношение с целым букетом обвинений: в 1722 году Пашков разогнал купцов на Ирбитской ярмарке и собрал с них взятки, продал казенные дощаники, отчего во время голода тобольские солдаты не получили хлеба, выпустил изпод караула за взятки убийц и разбойников, пытался запретить судье выполнять свои обязанности, послал крестьян в степь за солью (они по дороге разбили заставу около Долматовского монастыря, а служилых побросали в воду), разрешил новокрещенным татарам вернуться к мусульманству, укрывал от службы дворян и т. д. Пашков стойко отрицал всё и выдвинул свои обвинения в адрес судьи. По его словам, Страндбека держали в тюрьме Тобольска полгода, так как он хотел «возмутить» крестьян Шадринского острога против полковника Ф. Толбузина, а когда о Страндбеке стали спрашивать шведов, то они сказали, «что они его... не только в России, но и в своей шведской земле за доброго человека не признавали». Тогда-то, чтоб избежать наказания, Страндбек и «крестился в веру греческого закона» и стал судьей. Следователей интересовало обвинение против Пашкова в измене, Страндбек его доказать не смог. Поэтому его били кнутом, а все остальные обвинения против Пашкова отправили для расследования в Тобольск.

Но большинство пленных шведов были порядочными людьми. Попав в далекую Сибирь, они предпочитали искать средств к существованию своим трудом. От казны они получали очень скудное пропитание — рядовые по 2 деньги (1 копейке) и полтора четверика ржи на месяц. Жалкое существование пленных прекрасно выразила «капитанская вдова» Шарлотта Паткуль в своей челобитной «Отцу Отечества, Государю Всемилостивейшему». Она писала, что в 1707 году была сослана «с детьми своими в Козьмодемьянск», оттуда в Москву, а из нее в холодную Сибирь «без всякой моей вины». Все время она получала по 10 копеек «кормовых» на месяц «ради... крайней нищеты». Она просила императора о пощаде — вернуть ее на родину и не «доправлять» этих денег.

В этих условиях шведы занимались изготовлением игральных карт, табакерок, медных досок с картинками; шли в музыканты, артисты, учителя; нанимались слугами. Один шведский лейтенант организовал кукольный театр, имевший большой успех у тоболяков. Капитан Курт Фредерик Врех открыл в Тобольске школу для шведских и немецких детей. Первое время там обучалось 10—15 учеников, а в 1721 году — уже 139. Наряду с детьми шведов и немцев в этой школе обучались русские, украинцы, монгол и даже эвенк. Преподавание велось на немецком языке. Учеников обучали чтению, письму, арифметике, немецкому и латинскому языкам, географии, рисованию, «священной истории». Учителя из пленных офицеров работали бесплатно, а прислуга — за пропитание. Большая часть учеников жила на полном пансионе. Средства школы складывались из платы, вносимой состоятельными родителями за обучение детей, а также из добровольных пожертвований. После возвращения шведов на родину школа закрылась.

Многие шведы состояли на государственной службе. Так, пастор Лаурес «управлял городовые часы в Тобольске». «Каменных дел архитектор» Юган Индрик Бекен участвовал в строительстве каменных зданий в столице Сибири Тобольске и получал жалованье 40 рублей в год; такое же содержание было определено лекарю Вилиму Мискену за лечение тобольских солдат. В 1714 году князь Гагарин отправил шведских матросов во главе со штурманом Бушем для освоения морского пути от Охотска до Камчатки. Шведские инженеры участвовали в неудачном походе И. Д. Берхгольца в Эркень. Четверо пленных ездили с посольством Л. В. Измайлова в Китай. Один швед принял участие в походе И. М. Лихарева на озеро Зайсан. Капитан Ф. И. Табберт (Страленберг) составил три карты Сибири (одна из них заинтересовала Петра I) и участвовал в научной экспедиции Мессершмидта.

Некоторые шведы занялись коммерцией. Так, в 1715 году ротмистр Карл Балк совместно с другими пленными взял на откуп винную и медовую продажу в Тюмени. В 1721 году компания шведов во главе с ротмистром Крестьяном Гамесилтом взяла на откуп вино, пиво и табак в Арамашевской слободе Верхотурского уезда.

Труд пленных использовали на заводах Урала. В 1722 году в Москву прибыло 359 шведов, работавших до того на Алапаевском, Каменском и Невьянском заводах. Управитель Алапаевского завода Л. Бурцов писал, что труд их заменил работу восьми слобод приписных крестьян. Инженерные знания шведов в заводском производстве пытался использовать Василий Никитич Татищев. С этой целью он даже содержал несколько офицеров «на своем коште». Правда, за одного из них, адъютанта Рейслейна, он получил выговор от Бергколлегии. Во-первых, Татищев самовольно присвоил ему чин капитана. Во-вторых, Рейслейн «в своем деле явился неисправен: потому что фузеи, которые он будучи на Москве отбирал и отдал их на Уктусские заводы драгунам, по свидетельству... явились без клейм, длиною и калибром неравны, а некоторые из старых переделаны и і5 разорвало».

Как это ни удивительно, но многие шведы прижились в Сибири. Из 1000 пленных, живших в Тобольске, только 600 пожелали вернуться на родину. Большинство шведов сохранили главное — жажду к жизни и свободе. Это предопределило широкое культурное влияние, которое они оказали на жизнь сибирского общества, и одновременно способствовало расширению знаний европейцев о новой России Петра Великого.

г. Екатеринбург.

ВЯЧЕСЛАВ ПРИБЫЛОВ,
кандидат исторических наук

В ЛАБИРИНТЕ ИНТРИГ

В АВГУСТЕ 1940 ГОДА VII СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР УДОВЛЕТВОРИЛА ПРОСЬБУ ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЫ О ВХОЖДЕНИИ РЕСПУБЛИК В СОСТАВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ТАК ЗАКОНЧИЛСЯ КОРОТКИЙ ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ. ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО ТОГДА? ОБ ЭТОМ РАССКАЗЫВАЮТ АРХИВЫ ФРАНЦИИ.

Председатель СНК СССР нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов подписывает советско-германский договор о ненападении 1939 года. Присутствует И. В. Сталин. Фото М. Калашникова (Фотохроника ТАСС)

Разобраться в сути произошедшего в те времена не так-то легко. Период, о котором идет речь, был насыщен неоднозначными событиями, обусловленными сложным переплетением интересов различных государств. Положение осложняется и тем, что почти все из недавно опубликованного на эту тему основано на документах государств, являющихся главными действующими сторонами, — СССР, Германии, самих Прибалтийских республик.

Поэтому, думается, вполне понятен интерес, который представляют документы третьей стороны.

Архивы «Второго бюро» (военная разведка. — *В.П.*) генерального штаба и службы безопасности Франции, вывезенные после падения Парижа немцами в Германию, а после войны оказавшиеся в Москве, могут рассказать об интересующих нас событиях много любопытного.

Как отмечается в одном из секретных аналитических обзоров, подготовленных специалистами французской военной разведки, уже в середине двадцатых годов территория Литвы представляла собой *«настоящий лабиринт интриг, в котором даже германские спецслужбы чувствовали себя несколько дезориентированными. ...А ведь немецкая разведка имела наилучшие возможности для своей деятельности... она работала в тесном сотрудничестве с литовской разведывательной службой, в создании которой принимала непосредственное участие»*[1].

Ощущавшая угрозу реванша со стороны фашистской Германии, Франция была менее, нежели, например, Англия, склонна к оптимистическим для Запада выводам относительно тенденций политики коричневого Рейха. Особую тревогу вызывал Прибалтийский регион, где обретшие независимость недавние губернии бывшей Российской империи, не имевшие ни особого опыта государственности, ни каких-либо демократических традиций, быстро превращались в полуфашистские диктатуры.

В результате происшедшего в марте 1934 года в Эстонии государственного переворота был распущен парламент. В 1935 году запрещены все политические партии. В 1938-м один из руководителей переворота К. Пятс становится президентом республики.

В мае 1934 года в Латвии устанавливается откровенно фашистская диктатура Ульманиса. Разогнан Сейм, запрещены политические партии.

В Литве диктатура Сметоны была установлена в декабре 1926 года. «*В настоящее время*, — читаем в конфиденциальном источнике из фондов Службы национальной безопасности Франции, датированном 26 ноября 1935 года, — *в Литве существует диктатура, которая держится исключительно на националистических группировках таутининков, которые, в свою очередь, на выборах могут рассчитывать не более чем на 8% голосов избирателей. Единственной опорой правительства, да и то проблематичной, является армия...*»[2]

В документе, озаглавленном «Внутренняя и внешняя политика Литвы», датированном 22 января 1936 года, содержится анализ настроений в стране. «*Любая критика правительства*, — говорится здесь, — *воспринимается и наказывается как преступление и величайшее предательство. Однако волнения все больше охватывают провинцию... повсюду распространяются антиправительственные памфлеты... Наиболее опасным следствием сложившейся ситуации является тот ущерб, который она наносит национальному самосознанию. От крестьян можно часто услышать: «Мы менее свободны и более несчастны, чем раньше. Уж лучше русские или немцы». Или же: «Когда тебя преследуют враги — это можно вынести, но когда то же самое ты испытываешь от людей одной с тобой крови, то о каком патриотизме тут можно говорить»*[3].

Нацистская идеология находила живой отклик в правящих верхах Прибалтийских государств. 13 февраля 1939 года рижская «Брива Земе» возвестила, что каких-либо идеологических разногласий между Германией и Латвией не существует.

Следует отметить, что нацистская Германия проявляла особое внимание к «старинной немецкой колонии», как именовали Прибалтику фашистские газеты. При этом она опиралась на «фундамент», заложенный здесь еще Веймарской республикой. В уже упоминавшемся нами секретном аналитическом обзоре сообщалось: «*Германия очень быстро создала в Латвии широкую разведывательную сеть, основная штаб-квартира которой размещалась в гостинице «Лондон», в Риге, где многочисленные агенты работали, а порой там же и жили. ...Посол Германии сам лично оказывал довольно значительное влияние на политическую жизнь страны... Можно сказать, что к началу 1936 года состояние духа латвийского руководства было чрезвычайно предрасположено к идеям германизма и положение оставалось без особых изменений вплоть до апреля 1939 года, когда полицией был раскрыт заговор латвийских немцев, произведший эффект разорвавшейся бомбы в германо-латвийских отношениях. Эти события, наделавшие много шума, разбудили старую неприязнь латышского народа к немцам. Все это дает основания предполагать, что в отличие, например, от Эстонии латвийское руководство в тот период было более склонно к принятию большевистского ярма, нежели немецкого господства. В том, что касается армии, Германия, несмотря на все ее усилия, была в этот период там мало любима*»[4].

О Литве в документе говорится следующее: «*Судя по той быстроте, с которой Рейх внедрил свои секретные службы в Литве, можно без труда прийти к выводу, что правительство за Рейном придает этому большое значение. С мая 1920 года в Каунасе существуют две разведывательные службы:*

1 — служба, занимающаяся непосредственно литовскими делами, которой руководит Шонберг;

2 — центр, занимающийся обобщением информации, поступающей из соседних стран, руководимый Рингком... К тому же Рейх и Литва создали... общую разведывательную сеть, направленную исключительно против Польши. ...Необходимо сказать, что в 1931 году Литовский генеральный штаб уже полностью находится под немецким влиянием. О степени зависимости говорит тот факт, что, хотя теоретически штаб-квартира генерального штаба находится в Каунасе, руководство им осуществляется из Берлина...»[5]

И, наконец, об Эстонии. «*В 1939 году*, — говорится в том же документе, — *Рейх широко использует Эстонию как перевалочный пункт шпионажа, направленного на другие государства... Можно было даже услышать мнение, что командующий эстонской армией* (в документе «le Grand chef de l'armee estonien) *находится на иждивении немецких спецслужб...*»[6]

В тридцатые годы во всех трех государствах уже существовали военизированные фашистские организации, которые стремились координировать свои усилия. Так, например, в середине 1936 года Службой национальной безопасности Франции была получена информация, согласно которой «*...в Варшаве имело место секретное совещание, в котором приняли участие: начальник штаба военизированного формирования (Айзсарги) Латвии, полковник Zalitis, начальник штаба военизированной организации (Kaitselite) Эстонии, полковник Asmous, представитель финских фашистов (Sinemonsta), представитель национал-социалистской партии Германии, делегаты русских фашистов из Германии и Финляндии; руководитель польской фашистской организации... Предметом дискуссии являлась обстановка в Восточной Европе*»[7]. Отсутствие на этой встрече литовских представителей, по всей видимости, объясняется натянутыми в тот период отношениями между Каунасом и Варшавой.

К началу 1939 года обстановка на Европейском континенте накалилась до предела. Захват Германией Австрии и расчленение Чехословакии однозначно свидетельствовали об агрессивных намерениях нацистов. В марте 1939 года Литва «вернула» Рейху занятую в 1923 году ее войсками Клайпеду (Мемель).

Для Москвы не были секретом настроения, господствовавшие в правительственных сферах Риги, Таллина, Каунаса. Как отмечал в своих мемуарах У. Черчилль, «*Прибалтийские государства были самыми ярыми антибольшевистскими странами в Европе. Все они освободились от большевистского правления в период гражданской войны 1919—1920 гг. и грубыми методами, свойственными революции в этих районах, создали общества и правительства, основополагающим принципом которых была враждебность... к России*»[8].

Начиная с 1934 года («Восточный пакт») советское руководство стремилось добиться гарантированного нейтралитета Прибалтийских республик, чтобы предотвратить прямой или косвенный захват их Германией. Так, например, в июне 1939 года оно предполагало дать свои гарантии Бельгии, Греции, Турции, Голландии и Швейцарии, то есть странам, подчинение которых Германией могло представлять угрозу безопасности Англии и Франции, в обмен на англо-французские гарантии Прибалтийским государствам. Во второй половине июля французское правительство склонялось к советской точке зрения по этому вопросу, но Лондон, имевший свой взгляд на пути развития европейской политики, был непреклонен. Правительство, руководимое Чемберленом, было преисполнено желания столкнуть двух титанов — фашистский и коммунистический — и таким образом покончить и с тем и с другим. Самым удобным для этого представлялось воцарение Рейха в Прибалтике. В те дни французская военная разведка получила сообщение (датировано 26 июля 1939 года): «*Во время предыдущего моего пребывания в Таллине, в феврале месяце, посол и военный атташе Франции обращали мое внимание на определенные тенденции в эстонской политике, которая понемногу поворачивалась в сторону Германии.*

Можно сказать, что в июне эта метаморфоза полностью завершилась. Бывшее традиционным дружественное отношение к Великобритании более не существует. ...Министр иностранных дел (Эстонии. — *В.П.*) *позволил себе высказать министру иностранных дел Польши такое мнение, что он предпочел бы три года немецкой оккупации двум неделям русской. Когда им* (т.е. эстонцам. — *В.П.*) *даешь понять, что Германия, безусловно, как это было во время последней войны, оккупирует базу в Tagelram на острове Сааремаа, они склонны не считать это нарушением их нейтралитета, более того, некоторые иностранные наблюдатели считают, что уже в настоящее время Германия обеспечила себе молчаливое согласие правительства на создание военно-морской базы на эстонской территории. В заключение следует сказать, что эстонцы не могут остаться нейтральными, они бросятся в объятия Германии...*»[9]

Аналогичного рода данные получали и английские спецслужбы. Так, 20 августа 1939 года британская военная разведка передавала: «*За последнюю неделю германские нацисты проявляли большую активность по приобретению земельных участков на побережье и на важных в стратегическом отношении островах Сааремаа и Хийумаа. В частности, ими был куплен удобный участок около Таллина для строительства «гаражей». Эти гаражи могут быть очень легко превращены в военный форт. Здесь широко распространена точка зрения, что все указанные действия являются приготовлениями к войне и направлены на превращение Эстонии в опорный плацдарм немцев*»[10].

В то время как все усилия Москвы добиться международных гарантий для Прибалтийских стран разбивались о непреодолимое желание правительства Чемберлена оставить этот регион открытым, Англия предоставила свои гарантии Польше и Румынии на случай германской агрессии. Подчинение этих крупных по европейским меркам государств, обладавших значительным военным потенциалом и ресурсами, означало бы беспрецедентное усиление фашистского Рейха. Захват же небольших, бедных, слаборазвитых Прибалтийских республик никакой угрозы для позиций Запада не представлял, но объективно сталкивал Германию с СССР.

Никакого прогресса Советскому Союзу не удалось добиться и на англо-франко-советских переговорах в Москве, проходивших в августе. Когда, по выражению А. Дж. П. Тейлора, Франция, остро ощущавшая фашистскую угрозу, уже желала союза с Россией наподобие договора 1893 года[11], Чемберлен, по свидетельству английского дипломата Кадогана, заявил, что скорее подаст в отставку, нежели подпишет договор о союзе с Советами[12].

Нацистская дипломатия в тот период не теряла времени даром. В июне 1939 года были заключены германо-эстонский и германо-латвийский пакты о ненападении. Самым важным для Германии при этом было то, что Латвия и Эстония обязались отказаться от англо-франко-советских гарантий. Это обязательство правительства двух республик зафиксировали в официальном коммюнике, опубликованном после подписания договоров. Таким образом, как отмечал Черчилль, Гитлер проник в сердцевину нерешительно формировавшейся против него коалиции[13].

В то время как переговоры военных миссий в Москве все больше и больше заходили в тупик, нацисты продолжали успешно осваивать прибалтийский плацдарм. В Эстонию, Латвию и Литву зачастили немецкие миссии и большие группы германских «туристов». Как отмечает в своей книге «Тайная дипломатия» В. Я. Сиполс, изучавший документы Министерства иностранных дел Латвии того периода, вплотную вставал вопрос о вводе в Прибалтику немецких войск.

В этих условиях 23 августа 1939 года был подписан советско-германский договор о ненападении.

Произошло то, о чем еще в 1938 году предупреждал М. М. Литвинов. Комментируя очередной визит Чемберлена в Оберзальцберг к Гитлеру, М. М. Литвинов, говорится в секретном документе французских спецслужб (в донесении из Женевы), сказал, что «*...если г-н Чемберлен надеется спасти мир ценой новой капитуляции и разделом Чехословакии (согласно Литвинову, включение Судетской области* (в состав Германии. — *В.П.) будет началом конца Чехословакии), он сильно ошибается. Эта новая жертва не остановит и не удовлетворит господина Гитлера. Он выставит новые требования, и война между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией и Италией, с другой, неизбежно разразится уже в недалеком будущем. Результатом новой капитуляции демократических держав безусловно явится новое падение их престижа и влияния в Европе; таким образом, война вспыхнет в условиях крайне неблагоприятных для Франции и Великобритании. Ввиду этой новой капитуляции и оставления на произвол судьбы Чехословакии, советское правительство, по всей видимости, будет вынуждено пересмотреть свою политику и задаться вопросом, не явится ли более благоразумным отказаться от политики коллективной безопасности, а может быть и от Лиги Наций, и положиться на собственные силы*»[14].

Вопреки утверждениям некоторых авторов, советское руководство отнюдь не бросилось сломя голову «в объятия нацистов». Имеется немало документов, свидетельствующих, что в Москве стремились к равноправному договору с западными державами. В частности, среди документов архива Военного министерства Франции имеется датированное 4 сентября 1939 года донесение военного атташе в Москве генерала Паласа, который констатировал: «*Считаю уместным подчеркнуть, что хотя советское правительство... и подписало в спешном порядке* (договор. — *В.П.) с Германией, вплоть до заседания, имевшего место 21 августа, когда переговоры были приостановлены, советская военная миссия вела себя по отношению к нам честно.*

Действительно, на заседании 17 августа совершенно открыто было дано понять, что маршал Ворошилов получил инструкции прервать переговоры до тех пор, пока «основной» вопрос, касающийся прохода русских частей через определенные участки польской территории и через Румынию, не будет разрешен положительно. По просьбе англичан и французов Ворошилов согласился провести еще одно заседание 21 августа. Таким образом, на заседании 17 августа было абсолютно четко продемонстрировано желание советских военных предоставить нам дополнительное время с тем, чтобы мы могли попытаться преодолеть сопротивление поляков. 21 августа отсутствие положительного решения поставленной задачи послужило причиной перерыва в переговорах, и на следующий день советская пресса объявила о приезде в Москву Риббентропа»[15].

Следует иметь в виду, что интенсивные немецкие зондажи в Берлине и в Москве по поводу соглашения с СССР велись начиная с 17 апреля.

Немецкий историк И. Фляйшхауэр утверждает, что, приступая к переговорам с немцами, Сталин придерживался приблизительно той же позиции, что и на военных переговорах с западными державами. Он хотел получить гарантии, что Германия не использует территории Финляндии, западноукраинские, западнобелорусские земли, Эстонию и Латвию в качестве плацдарма для агрессии. Кроме того, по ее мнению, тот факт, что Москва отказалась оккупировать обширную территорию в Восточной Польше в качестве компенсации за Литву, доказывает, что Сталин явно предпочитал стратегические выгоды, позволявшие организовать оборону страны, и отказался от территориальной экспансии на запад[16].

Документы из архива французского Военного министерства показывают, что военные круги Франции расценивали действия Москвы приблизительно подобным же образом.

Например, в конфиденциальном докладе «Прибалтийские государства и германо-советский договор» говорится: «*Нами всегда подчеркивалось, что перед лицом германской угрозы Россия находилась в крайне неблагоприятном положении. Таким образом, Прибалтийские государства должны служить прикрытием и обеспечить безопасность России. Только так можно объяснить московскую политику, приняв во внимание следующие факты: нота, направленная в апреле прибалтийским правительствам с требованием сохранения ими строгого нейтралитета; идея совместной с Лондоном и Парижем гарантии Прибалтийских государств, что отодвинуло бы на Неман стратегическую границу России; наконец, соглашение с Берлином...*»[17]

В оперативном обзоре разведданных за период с 9 сентября по 20 октября 1939 года содержится подобная точка зрения: «*В Прибалтийских государствах Германия, обведенная вокруг пальца своим московским партнером, без борьбы потерпела очень серьезное материальное и моральное поражение. Россия, выйдя из глубины Финского залива, где она была полностью блокирована, занимает по отношению к Рейху исключительно благоприятные оборонительные и наступательные позиции*»[18].

Советско-германский договор послужил тактическим ходом в сильно запутанной политической комбинации.

Следует особо подчеркнуть, что секретное приложение к советско-германскому договору отнюдь не предопределяло переход Литвы, Латвии и Эстонии под безраздельное владычество Москвы. Согласно данным, полученным французской военной разведкой 6 сентября 1939 года, «*германский посол в Риге довел до сведения латвийского правительства, что германо-русский пакт ни в чем не противоречит договору о ненападении, заключенному Латвией и Германией 7 июня*»[19]. В Кремле поначалу и не помышляли о полной оккупации Прибалтийских государств и их советизации. Если бы дело обстояло иначе, Москва не стала бы усиливать армии этих государств. 1 декабря 1939 года военный атташе Франции в Стокгольме сообщает в Париж: «*Россия начала поставки вооружений Прибалтийским государствам, в особенности Литве*»[20].

Причин, вынудивших советское руководство изменить позицию в вопросе о форме советского присутствия в Прибалтике, несколько. Прежде всего, это скрытое противодействие и откровенный саботаж прибалтийских властей, их тайное сотрудничество с нацистами. 26 ноября 1939 года военный атташе Франции в Риге телеграфировал в Париж: «*С самого начала литовско-русских переговоров... русские имели намерения занять важный в стратегическом отношении гарнизон в Таураге, напротив Тильзита, и укрепить фортификационными сооружениями германо-литовскую границу. По указанию из Берлина в этом им было отказано*»[21].

В оперативной сводке разведданных по Прибалтике за период с 13 по 28 февраля 1940 года, полученной «Вторым бюро», говорится: «*Из разговоров с латвийскими и эстонскими военными представителями можно сделать заключение, что в образе мышления руководителей этих армий обозначилось настроение, вызванное, по всей видимости, поражениями русских в Финляндии...*

Так вот, эстонская, латвийская и литовская армии, которые в настоящее время изыскивают возможность модернизировать свое вооружение, сбросят русские гарнизоны в море и объединятся против большевистского врага». В сделанной далее приписке обращалось внимание на то, что эстонцы и латыши постарались распределить русские части узким поясом вдоль побережья, а сами расположили свои собственные соединения в тылу советских гарнизонов[22].

8 марта 1940 года Служба безопасности Франции получила по своим каналам из Литвы следующее сообщение: «*По словам руководителя криминальной полиции Каунаса г-на Suvilla, ему был дан негласный приказ «закрыть глаза» на деятельность агентов германских спецслужб, в то же время приказано усилить репрессии в отношении польских беженцев в Вильно... По-видимому, существует связь между германским военным атташе и определенной частью служащих литовской полиции*». В донесении также указывалось, что немцы устроили новый центр шпионажа против СССР в Вильно[23].

Принимая решительные меры в Прибалтике, Москва несомненно шла на риск. Повторим, что, согласно имеющимся документам, ни одно из подписанных с Германией соглашений не давало ей свободы действий ни в Литве, ни в Латвии, ни в Эстонии. Однако положение складывалось настолько серьезное, а прибалтийские правительства столь откровенно играли на руку нацистам, что медлить было опасно.

Французские спецслужбы, начиная с осени 1939 года, неоднократно отмечали, что действия СССР на северо-востоке Европы были продиктованы исключительно опасениями нацистской агрессии.

23 мая 1940 года французская военная разведка передала сообщение: «*Советская дипломатия продолжает оказывать поддержку Швеции против давления немцев: г-н Гюнтер 17 мая отклонил германскую ноту, требовавшую пропуска через шведскую территорию дополнительного контингента германских войск, направлявшегося в Норвегию*». В сообщении отмечались четко обозначенные со стороны СССР тенденции «*воспользоваться тем, что Германия занята в других местах, и извлечь дополнительные преимущества, обезопасив себя от эвентуальной германской угрозы*»[24].

Результатом действий, предпринятых Советским Союзом в Прибалтике, было резкое обострение отношений с Германией, отнюдь не оставившей намерений превратить республики у моря в свой плацдарм.

В те дни французский военный атташе направил немало шифрованных телеграмм из Риги во «Второе бюро» генерального штаба, перебравшегося уже в Виши. Например, в шифровке от 10 июля 1940 года он сообщал о своей конфиденциальной беседе с немецким военным атташе в Каунасе, с которым был знаком еще до войны: «*Отношения между Германией и Россией крайне напряжены. Русско-германский договор, заключенный в конце августа 1939 года, позволял ввод в каждую из Прибалтийских стран по одной русской дивизии, без изменения в них политического режима. Нынешний массовый ввод войск и готовящиеся политические изменения представляют собой casus belli* (повод к войне. — *В.П.). Укрепление Советским Союзом границы с Германией вызвано быст-*

рой победой германской армии во Франции и страхом перед Германией»[25]. В телеграмме от 17 июля подчеркивается, что *«русские военные представители в Прибалтийских государствах убеждены в возможности, в самое ближайшее время, немецкого нападения»*[26]. В обзоре разведданных, отправленных из Риги во «Второе бюро», особо подчеркивалось: *«Цель этой операции (*т.е. мер, предпринимавшихся советскими властями в Прибалтийских государствах. — *В.П.) абсолютно ясна: речь идет о мерах безопасности, по отношению к Германии, ввиду побед последней на Западе. Русская оборона, в случае атаки, продержалась бы не более нескольких часов: возведенные в Вентспилсе, Лиепае и Палдиски укрепления не смогли бы воспрепятствовать достаточно серьезной попытке неприятеля высадить здесь свои войска.*

Пока невозможно с абсолютной точностью определить, насколько велико напряжение в отношениях между Германией и СССР. Представляется, что концентрация войск, поступающие сообщения об укреплении гарнизонов в Западной Украине и Западной Беларуси от Ломжи до Львова, включая Белосток и Брест, равно как и задержание всех немецких судов в портах Прибалтийских государств, свидетельствуют, что напряжение достаточно велико»[27].

22 июля на стол руководителя французской военной разведки лег документ, на наш взгляд довольно полно отражающий позицию Москвы в прибалтийском вопросе летом 1940 года. Речь идет о донесении одного из информаторов спецслужб по поводу его разговора с видным литовским адвокатом, близким к Министерству иностранных дел Литвы. Приведем выдержки из этого довольно пространного документа. По мнению гостя из Литвы, говорится здесь, Москва решилась на радикальные меры в Прибалтике ввиду: *«1) опасений и недоверия к Германии, подкрепленных все новыми и новыми победами последней.*

2) увеличения немецкого влияния в Прибалтийских государствах и упорного сопротивления правительств этих стран любым мерам военного характера, предпринимавшимся советским командованием, сопротивления, граничащего с саботажем... Дипломатические представители Рейха в Каунасе, Риге и Таллине, со своей стороны, вдохновляли пассивное, но несгибаемое сопротивление прибалтийских правительств, во время частных бесед давая понять последним, что, разделавшись с Францией и Великобританией, Рейх повернется против СССР...

Москва, прекрасно осведомленная об активности дипломатических и военных представителей Германии, предупреждала прибалтийские правительства, что они играют с огнем, ведя двойную игру. Ввиду того, что эти правительства оставались глухими к предостережениям, а молниеносные победы немцев увеличивали опасения Москвы и вызывали настоятельную необходимость подготовить прибалтийский регион к обороне, увеличив количество находящихся здесь войск, СССР решился на советизацию трех государств»[28].

Такова предыстория советизации Прибалтики. Автор данной работы ни в коей мере не пытается защитить те формы и методы, которыми сопровождалось включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза. Однако не согласен и с попытками представить дело таким образом, будто три Прибалтийских «демократических» государства были захвачены Москвой в тесном союзе с Гитлером. Факты свидетельствуют, что это было далеко не так, и об этом следует знать, хотя бы для того, чтобы иметь возможность вынести собственное суждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центр храиеиия историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф. 7. Оп. 3. Д. 271. Л. 50—51.
2. Там же. Ф. 1. Оп. 27. Д. 13732. Л. 103.
3. Там же. Л. 75.
4. Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 271. Л. 33, 36, 39.
5. Там же. Л. 42, 45, 51.
6. Там же. Л. 30.
7. Там же. Ф. 1. Оп. 27. Д. 13742. Л. 190.
8. Churchill W. S. The second world war. V 1. The Gathering storn. Boston, 1976. P. 485.
9. ЦХИДК. Ф. 211. Оп. 3. Д. 254. Л. 9—10.
10. Там же. Ф. 116. Оп. 5. Д. 10. Л. 7.
11. Taylor A. I. P. The british view. 1939. A Retrospect forty years after. Hamden, 1983. P. 50.
12. Diaries of sir Alexander Cadogan. 1938—1945. London, 1971. P. 182.
13. Churchill W. S. Op. cit. P. 380.
14. ЦХИДК. Ф. 198. Оп. 18. Д. 1. Л. 40.
15. Там же. Оп. 2. Д. 496. Л. 288—289.
16. См. Fleischhauer I. et. al. «Unternehmen Barbarossa» — neue Dokumente, Analysen. Stuttgart, 1991..
17. ЦХИДК. Ф. 198. Оп. 9-а. Д. 11659. Л. 313.
18. Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 933. Л. 66.
19. Там же. Ф. 198. Оп. 9. Д. 13644. Л. 19.
20. Там же. Оп. 2. Д. 568.
21. Там же. Л. 14.
22. Там же. Оп. 9-а. Д. 11659. Л. 10.
23. Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2062. Л. 25.
24. Там же. Ф. 198. Оп. 2. Д. 496. Л. 95.
25. Там же. Д. 187. Л. 4.
26. Там же. Оп. 9-а. Д. 11659. Л. 40.
27. Там же. Л. 47.
28. Там же. Оп. 2. Д. 496. Л. 17—18.

«И вспоминать страшно, это одна боль, горе, страдания, непосильный рабский труд и постоянная тоска по родине, родным...»
(ИЗ ПРИЛОЖЕННЫХ К АНКЕТЕ «ВОСПОМИНАНИЙ» НАТАЛЬИ МИХАЙЛОВНЫ БЕЛОЙ, 1924 г. р., КОТОРАЯ БЫЛА УГНАНА В ГЕРМАНИЮ И РАБОТАЛА ТАМ ДВА ГОДА).

ПАВЕЛ ПОЛЯН

«OST»Ы — ЖЕРТВЫ ДВУХ ДИКТАТУР

В АПРЕЛЕ 1941 ГОДА В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ БЫЛ СОЗДАН ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ШТАБ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ «ОЛЬДЕНБУРГ», ЗАНЯТЫЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ФОРМУЛИРОВАНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ РЕСУРСОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. НАСЕЛЕНИЕ СТРАНЫ К ЧИСЛУ БУДУЩИХ ВОЕННЫХ ТРОФЕЕВ ИЗНАЧАЛЬНО НЕ ПРИЧИСЛЯЛОСЬ, И О ГРЯДУЩЕЙ ПЕРЕКАЧКЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В РЕЙХ НИКТО И НЕ ЗАИКАЛСЯ. РАБОТАТЬ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ТЕ ЖЕ САМЫЕ НЕМЦЫ, КОТОРЫЕ ТАК ДОБЛЕСТНО ВОЮЮТ НА ВОСТОКЕ, И ЕДИНСТВЕННО НУЖНОЙ БЫЛА ПОБЕДА, КАК БЫ САМА СОБОЙ СНИМАЮЩАЯ ТЫСЯЧУ ПРОЧИХ ПРОБЛЕМ.

В Германию! Проводы. 1941. Западная Украина.

Начавшаяся 22 июня война поначалу оправдывала чуть ли не все ожидания берлинских стратегов. Линия фронта стремительно катилась на восток. К началу 1943 года под оккупацией оказалось 1926 тыс. кв. км. До войны на них проживало 88 миллионов человек, или 46 процентов населения СССР.

Жизнь на завоеванных территориях между тем шла своим чередом. Люди привыкали к новым порядкам и организациям, среди которых следует отметить «арбайтсамты» — службы труда. Еще не зная, где, когда и сколько рабочих рук понадобится, «арбайтсамты» неспешно разворачивали свои пункты.

Положение на внутреннем германском трудовом фронте летом 1941 года складывалось далеко не так радужно, как на военных. Управление военной экономики и вооружений докладывало о 800-тысячной «дыре» в трудовом балансе одной только военной экономики. Заполнить эти бреши должны были остарбайтеры, или остовцы, — гражданские лица, завербованные на оккупированной территории.

Уже 4 июля 1941 года на совещании в Управлении военной экономики и вооружений обсуждались резоны ослабления запрета на ввоз в рейх русской рабсилы. Тогда же Министерство труда и Ведомство по четырехлетнему плану определили «обязательно необходимый» объем рабсилы — 500 тысяч человек. В октябре, после того как стало ясно, что закончить кампанию до зимы не удастся, Гитлер издал два приказа: 15 октября — об условно возможном, и 31 октября — просто о широком использовании русских военнопленных на работах в Германии. Выполнение этой широкомасштабной задачи возложили на геринговское Ведомство по четырехлетнему плану. У Геринга был такой взгляд на применение русских рук: *«Квалифицированные рабочие-немцы должны заниматься производством вооружений; грести лопатой и долбить камень — не их задача, для этого есть русские... Немецкий рабочий — начальник над русскими».*

Очень важное обстоятельство: согласие на использование советских рабочих уже тогда распространялось не только на военнопленных (хотя их было сколько угодно), но и на гражданских лиц. Впервые этот вопрос рассматривался еще 24 сентября 1941 года. Тогда обсуждалось, стоит ли проводить такого рода мероприятия на всей оккупированной территории или только в «новых» областях, аннексированных СССР в 1939—1940 гг. Решено было, учитывая в целом лояльное по отношению к немцам настроение на Украине, привлечь горняков Криворожья, а также Прибалтики (по другим сведениям, Прикарпатья) к работам на горнодобыче в Германии.

Автором и горячим сторонником этой инициативы был Пауль Пляйгер, предлагавший не вербовать, а как бы откомандировывать людей с предоставлением питания, карманных денег и пособия для остающейся дома семьи. В самом начале ноября он получил разрешение на трудоприменение 10—12 тысяч украинских горняков в германской горнодобыче. Работать им предстояло в отдельных бригадах, жить — в особых лагерях, изолированно от остальных рабочих, а вместо платы за труд получать гроши на карманные расходы. Иными словами, их «права и обязанности», даже их питание ровным счетом ничем не отличались от «прав и обязанностей» военнопленных.

10 января 1942 года появилось два указа. Первый — Гитлера («Вооружения 1942»), официально зафиксировавший переход к концепции длительной войны на истощение. Второй — Геринга: рабочей группе по трудовым ресурсам (в своем Ведомстве по четырехлетнему плану) он передал неограниченные полномочия по наращиванию использования русской рабочей силы и целесообразному ее распределению. Вводя должность генерального уполномоченного по трудовым ресурсам (ГБА), Геринг хотел положить конец разнобою в управлении этим кругом вопросов.

24 февраля 1942 года вышло первое распоряжение, посвященное остарбайтерам как таковым: предписывалось доставить 380 тысяч рабочих рук для сельского хозяйства и 247 тысяч — для промышленности[1].

Между тем вербовка в России набирала силу. В январе в рейх был отправлен первый официальный транспорт с 1100 гражданскими рабочими. Точной даты этого события просмотренные нами документы не содержат. Скорее всего это произошло в середине месяца, а пунктом отправки был г. Сталино (Донецк). Определенно известно, что второй транспорт отправился в начале 20-х чисел января из Харькова в Бранденбург (1142 человека, из них 1078 металлистов). В начале февраля дошел черед и до сельскохозяйственных рабочих.

А поток все ширился. Начиная с марта еженедельная «производительность» служб труда росла и вскоре приблизилась к 10 тысячам человек. Общее число завербованных и отправленных в рейх гражданских лиц, по состоянию на 27 февраля 1942 года, достигло 39 292 человек.

Как видим, уже зимой 1942 года в рейхе оказалось ощутимое количество остарбайтеров. Соответствующие указания о том, как с ними обходиться, были изданы 6 февраля 1942 года. По согласованию с уполномоченными Ведомства по четырехлетнему плану контрольная цифра вербовки русских гражданских лиц для нужд рейха составляла в общей сложности 200 тысяч душ, из них на оперативную зону «Зюд» приходилось 145, на «Митте» — 25 и «Норд» — 30 тысяч человек.

Предусмотренная инструкциями «классическая», то есть добровольная, вербовка (формально ей подлежали люди в широком возрастном диапазоне — от 16 до 55 лет) в действительности практиковалась лишь в самое первое время, и то не повсеместно, а обещание выплаты пособий использовалось в первую очередь как прекрасный предлог для регистрации наличного населения. При отказе или уклонении от предписанной работы «отказников» лишали пособия, продовольственной карточки, направляли принудительно на особо тяжелые работы. Безработица, воцарившаяся на многих оккупированных территориях после того, как «рабочие места» были разрушены или эвакуированы

в глубь СССР, также способствовала тому, что отношение даже к «неклассической» вербовке было во многих случаях достаточно лояльным.

«Сценарный репертуар» трудовой мобилизации был отработан еще в Польше — сочетание пропагандистской лжи, социального давления и террора. От немецкой границы завербованных обещали везти в пассажирских вагонах, местные газеты не скупились на рассказы о немецких городах, иногда в «арбайтсамтах» даже крутили кино (об архитектурных достопримечательностях и иных прелестях немецких городов).

В действительности же вербовка и отправка в Германию в большинстве случаев происходила драматически, если не сказать трагически. Многие были оповещены всего за несколько часов, а то и вовсе застигнуты врасплох, во время организованных облав, например, в кино или на рынке.

Что ждало «завербованных» непосредственно на этапе?

Около трети этапированных не могли или не успевали ничего взять с собой, остальные брали какую-нибудь еду, а каждый четвертый — одежду. Документы прихватил с собой приблизительно каждый шестой (чаще всего это была справка с немецкой биржи труда). Некоторые указывают на то, что проходили медкомиссию, в которой были немецкий и русский врачи. Но на осмотре не отсеивали практически никого.

Затем в товарных, для скотины, вагонах — на запад. Все без исключения отмечают ужасающую скученность в вагонах, очень скудную и плохую пищу (чаще всего похлебку из брюквы; в одном случае в ведрах из-под масляной краски!), а порой и полное отсутствие казенной еды на протяжении нескольких дней, вплоть до недели.

21 марта 1942 года генеральным уполномоченным по трудовым ресурсам назначили гауляйтера Тюрингии Фрица Заукеля. Вступив в должность, он потребовал троекратного увеличения применения труда русских в рейхе. Тем самым контрольная цифра вербовки советской рабочей силы росчерком пера враз была поднята с 200 до 600 тысяч человек. Применительно к русским рабочим решили предельно «закрутить гайки». Их предлагалось содержать и использовать как «гражданских пленных» (низкая зарплата, содержание в бараках, колючая проволока, обязательное ношение нагрудного знака — прямоугольника, на котором белым по голубому написано «OST»).

К 1 июля 1942 года на оккупированных землях действовало уже 73 вербовочные комиссии, в каждой из которых служило в среднем 5 немецких офицеров. В июне была достигнута рекордная месячная «производительность»: 210 620 человек (а если считать с начала года, то 458 984 человека). Но уже в июле результаты вербовки — около 96 тысяч человек — хотя и держались на уровне апреля и мая, но существенно уступали июньским.

Тем не менее Заукель сменил требовательный тон на поздравительно-благодарный. Сложив числа завербованных на востоке и на западе, он получил величину в 1,6 млн. человек, превосходящую по взятым им на себя в марте, при вступлении в должность, обязательствам. Растрогавшись, он разослал 25 июля 1942 года всем своим подчиненным телеграмму с признанием их выдающихся заслуг и выражением благодарности. А 27 июля отрапортовал о достигнутых успехах Гитлеру.

На стоянке.

По состоянию на 1 августа 1942 года, в рейх было отправлено в общей сложности 1 120 тысяч человек. Оккупированная часть России отдала Германии свой первый людской миллион.

Указом от 30 сентября 1942 года Гитлер пожаловал Заукелю новые полномочия, включая право применять для выполнения своих задач любые принудительные меры, которые тот сочтет нужными, а также право отдавать приказы военным структурам[2].

Новая программа Заукеля предусматривала очередные полмиллиона душ с востока.

Уверовав в возможности Заукеля и его ведомства, политическое руководство рейха решило прибегнуть к решению силами остарбайтеров не только экономических, но и социально-политических задач. Желая уменьшить нагрузку на немецких женщин, над которыми нависла угроза трудовой мобилизации, в октябре 1942 года было объявлено о решении завезти в рейх восточных работниц для использования в домашнем хозяйстве. Поставляемые особи, согласно указу, должны быть в возрасте от 15 до 35 лет, крепкой конституции и похожими на немок. Отпуска им не полагалось, свободное время — 3 часа в неделю. 8 сентября 1942 года Заукель распорядился о «зондеракции» — вербовке 400 тысяч «помощниц по хозяйству».

Приближалась вторая зима восточной войны. Рейх не хотел повторения сценария прошлого года, когда в холода погибло несчетное количество рабочих рук. Поэтому еще в августе ГБА затребовал дополнительные средства — в размере 25 рейхсмарок (или 250 руб.) на человека. Указом министра снабжения и сельского хозяйства от 6 октября 1942 года были повышены нормы снабжения остарбайтеров и военнопленных (в том числе «руссенбротом» — хлебом из сахарной свеклы) и, кроме того, введены добавки за переработку и работу ночью.

В конце 1942 года ход вербовки замедлился. Прирост новых земель застопорился, а с завоеванных Заукель уже снял человеческую пенку. Снимал он ее варварски, так что симпатий не снискал, и все больше и больше людей искали спасения в партизанских становьях. Выполнение новых повышенных обязательств Заукель посчитал невозможным. В чем он чистосердечно и признался Гитлеру в письме от 10 марта 1943 года.

Геббельс отметил в связи с этим, что эта *«массивная тумба из Веймара плетется в хвосте своих арбайтсамтов»*.

Не скрывал своего неудовольствия и фюрер, но он был явно несправедлив к своему сатрапу. Тот делал все, что в его силах. Территории — а с ними люди — уплывали из цепких гауляйтерских рук. Но все, что только можно было с них соскрести, всех, кого только можно было схватить и вывезти, — всех хватали и вывозили. *«Без сентиментальностей!»* — как говаривал лично Заукель.

«Владельцу сего разрешается выход из помещения единственно ради работы».

(Текст печатки на рабочей карточке остарбайтера)

Куда же везли их, грязных и голодных?..

Чаще всего в один из гигантских распределительных (или промежуточных) лагерей, как правило, расположенных на территории генерал-губернаторства, то есть в Польшу, реже — в Австрию.

Новоприбывших подвергали дезинфекции и санобработке (во многих лагерях свирепствовал тиф, в некоторых был объявлен карантин): наголо стригли, прожаривали одежду и личные вещи, обрабатывали кожу каким-то раствором, а заодно снимали отпечатки пальцев.

Немецкие инстанции разделяли своих рабов по национальной принадлежности. Русские, французы, поляки, голландцы содержались в отдельных лагерях или, по крайней мере, в бараках. Однако чести быть помеченными особенными опознавательными знаками — нашивками — помимо евреев (желтый щит Давида) удостоили только поляков (буква «Р») и остовцев («OST»).

Летом 1944 года этот знак перестал быть единым. Украинцы получили трезубец, белорусы — пшеничный сноп и зубчатое колесо, русские же — крест святого Георгия, ставший позднее эмблемой и власовского движения.

В зависимости от того, куда попадали остарбайтеры — в промышленность (особенно угледобывающую и оборонную) или в сельское хозяйство, — условия их жизни существенно различались. Работающие в промышленности жили в охраняемых арбайтслагерях, за колючей проволокой. Попавшим же к бауэрам нередко доставалась даже собственная каморка в доме.

Как и поляки, восточные рабочие не подпадали под немецкое трудовое законодательство. Оплата их труда регулировалась геринговской директивой от 7 ноября 1941 года, исходящей из того, что они должны дешево стоить предпринимателю. В январе 1942 года был введен налог с восточных рабочих, после вычета которого им оставалось не более 50 рейхсмарок в месяц, но из этой суммы следовало еще заплатить за питание и проживание! Так что на личные расходы оставалось 3—5 рейхсмарок в неделю. Предусматривалось, что за одну и ту же работу остарбайтер, по сравнению с немецким рабочим, получал в диапазоне от 4,5 до 14 раз меньше.

Остарбайтерам, работающим на селе, также причиталась зарплата. Однако из числа работавших в сельском хозяйстве об этом не сообщает практически никто: все понимали свое положение так, что они работают за стол и крышу (некоторым хозяева давали рабочую одежду).

Чем ближе был конец войны, тем уважительнее, не без элемента подобострастной боязни, относились к остарбайтерам рядовые немцы. Те же чувствовали себя все вольготнее. В их ряды понемногу стали примешиваться военнопленные. А с появлением этих физически, как правило, более крепких и сдержанно-молчаливых людей запреты, на которых держался лагерный режим, один за другим стали слабеть и сходить на нет.

Все это, конечно, беспокоило власти, но поделать они уже практически ничего не могли.

Впрочем, еще в 1942 году, когда в Германию только-только потекли потоки восточных рабочих, предусмотрительные немцы позаботились о том, как бороться с возможным «восстанием рабов». Был разработан подробный план, рассчитанный на силы армии резерва безопасности Берлина и других крупных городов. План этот, по совету адмирала Канариса, получил кодовое название «Валькирия» — по имени прекрасных, но вселяющих ужас дев из скандинавской мифологии, круживших над полями сражений и выбиравших тех, кому суждено погибнуть.

Какими виделись в Берлине сценарии возможной судьбы миллионов фремдарбайтеров, и в частности остовцев?

Во многих лагерях остарбайтеры и военнопленные опасались, что перед подходом союзников-освободителей всех их расстреляют эсэсовцы. Опасения для этого были; были и прецеденты. Один из них описан в книге М. Келлера «С русскими бабами покончено». 26 марта 1945 года, за шесть дней до прихода американцев, в лагере Хирценхан была расстреляна 81 женщина («оставки» и польки), а также шесть мужчин[3].

И нельзя сказать, чтобы описанное злодеяние как-

то противоречило инструкциям из Берлина. В том же марте 1945 года в болезненном мозгу фюрера зародился очередной план. Министр вооружений и военной промышленности А.Шпеер назвал его на Нюрнбергском процессе доктриной «выжженной земли». 19 марта 1945 года Гитлер выпустил директиву об уничтожении всех военных, промышленных и транспортных объектов Германии во избежание их попадания к врагу. При этом буквально накануне, 18 марта, фюрер принимал у Шпеера доклад, в котором говорилось о неизбежном крахе немецкой экономики в ближайшие 4—8 недель, причем министр, догадывавшийся о планах вождя, прямо писал: *«...мы должны предпринять все, чтобы до конца сохранять, пусть даже самым примитивным образом, основу для существования нации... На этом этапе войны мы не имеем права производить разрушения, которые могут отразиться на жизни народа... Наш долг — сохранить для нации любую возможность возрождения в отдаленном будущем»*[4].

Своеобразным ответом Шпееру послужил декрет М. Бормана от 23 марта о сосредоточении всего населения, включая остарбайтеров и военнопленных, в центре рейха. К месту сбора, по словам описавшего декрет на Нюрнбергском процессе А. Шпеера, следовало передвигаться пешком, питание собравшихся не предусматривалось. Таким образом фюрер и партийная канцелярия предлагали горячо любимому германскому народу совершить самоубийство, да еще в унизительном обществе «унтерменшей».

«Родина ждет вас, сволочи!..»

(Лозунг, перефразированный репатриантами)

Сколько же людей было депортировано в Германию за военные годы?

По данным немецкой статистики, по состоянию на 30 июня 1944 года, в третьем рейхе насчитывалось 2 792 699 восточных рабочих[5]. Но эта цифра заведомо неполная, поскольку в нее, естественно, не входят ни умершие до этой даты, ни угнанные после нее, а также остарбайтеры, умершие или казненные в Германии или возвращенные на родину как трудонепригодные.

В обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по делу главных немецких военных преступников указывалось, что из Советского Союза германские оккупационные власти принудительно вывезли 4 978 735 человек гражданского населения[6]. Эти сведения в дальнейшем корректировались, но весьма несущественно.

Большая часть советских людей — не менее трех пятых! — оказалась в западных частях Германии, оккупированных Англией и США. Вопрос о возвращении в СССР для многих из находившихся во вражеской неволе был очень тяжелым и мучительным. Лишь около 15 процентов «западников» твердо решили вернуться на Родину. Примерно столько же было твердых невозвращенцев, 70 процентов колебались.

4 октября 1944 года Совнарком СССР принял решение о возвращении на Родину советских граждан. Во главе специально созданного ведомства — Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации — стал генерал-полковник Ф. И. Голиков. Ему как бы предназначалась роль советского Фрица Заукеля, или, точнее, некоего анти-Заукеля. Посулами и угрозами, правдами и неправдами он должен был вернуть своему коммунистическому, изрядно обезлюдевшему за войну «рейху» миллионы канувших за границей рабочих рук. В интервью, которое Голиков дал корреспонденту ТАСС в начале ноября 1944 года, он изложил позицию руководства страны по этому вопросу с чаемым благообразием: *«...люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т. п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости... Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»*[7].

Аушвиц. Украинка за токарным станком.

К этому времени репатриация — в том виде, как ее понимали в Москве, — уже шла. Учитывая торжественность и новизну событий, встречать блудных детей поручили самым доверенным и надежным — НКВД и «Смершу».

Практически все первые партии попадали в так называемый «спецконтингент», то есть прямехонько в Гулаг. На 1 января 1945 года, по сведениям В. Н. Земскова, из общего населения спецлагерей НКВД (96 417 человек) почти третья часть — 31 585 — приходилась на репатриантов, среди которых в свою очередь преобладали военнопленные (28 518 человек, считая 743 офицера).

По мере проникновения Красной Армии в глубь Европы поток репатриантов нарастал. Чекисты выбивались из сил. Требовалось ускорить и упростить проверку, для чего директивой НКВД (февраль 1945) была разрешена упрощенная — в 5-дневный срок — проверка женщин с детьми и стариков, с немедленной отправкой их к месту жительства. Установленные сроки, конечно же, не выдерживались, и люди находились на сборно-пересыльных пунктах в среднем по 1—2 месяца.

О поистине большевистском размахе свидетельствует совместная директива начальника тыла Красной Армии и уже знакомого уполномоченного СНК по делам репатриации от 18 января 1945 года, регулирующая порядок приема, снабжения и транспортировки репатриантов. Согласно этой директиве, репатриантов полагалось «сортировать» таким образом: 1) военнопленные (рядовой и сержантский состав) — в армейские сборно-пересыльные пункты; после проверки — в запасные части Наркомата обороны; 2) военнопленные офицеры — в спецлагеря НКВД; 3) военнопленные и гражданские, служившие в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицейские и прочие подозрительные — в спецлагеря НКВД; 4) гражданское население (то есть остарбайтеры) — во фронтовые сборно-пересыльные и пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД; после проверки мужчин призывного возраста — в армию (в запас), остальных — к месту постоянного жительства (с запретом поселения в Москве, Ленинграде и Киеве); 5) жители приграничных областей — в проверочно-фильтрационные пункты НКВД; 6) дети-сироты — в детские дома и приюты Наркомпросов и Наркомздравов союзных республик.

Для приема и проверки советских граждан, освобожденных Красной Армией, при фронтовых военсоветах в феврале 1945 года были созданы отделы по делам репатриации, а непосредственно в частях организовано 46 сборно-пересыльных пунктов (для граждан СССР), а также сеть приемно-передаточных пунктов (для граждан иностранных государств); кроме того, органы по приему и хозяйственно-бытовому устройству репатриантов были сформированы во всех союзных республиках европейской части СССР.

Уже 10 мая, на второй день после капитуляции Германии, был отдан приказ о создании еще 100 (!) лагерей вместимостью 10 тысяч человек каждый: нетрудно вычислить, что, вместе взятые, они были рассчитаны на миллион человек одновременно!

В действие вся эта махина была приведена только 23 мая, спустя день после переговоров в Галле между заместителем уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-лейтенантом К. Д. Голубевым и представителем Верховного Главнокомандования союзных экспедиционных войск генералом Р.В.Баркером, завершившихся подписанием *«Плана передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников»*.

Итак, 23 мая 1945 года первые партии репатриированных пересекли демаркационную линию. Уже к 30 мая от союзников было принято 519 102 человека. Подумать только — полмиллиона за одну неделю! Нет, такие темпы Заукелю и не снились!

Второй миллион «разменяли», видимо, к Дню Конституции (5 декабря) — на 10 декабря 1945 года было принято 2 033 164 человека[8].

Методы и приемы репатриации подчас разительно напоминали методы немецкой вербовки. Такие же комиссии, грозные объявления на столбах, форменная охота на человеческий материал. Вот такую, например, листовку — приказ Союзного военного командования «О мерах дальнейшей репатриации советских граждан» — можно было прочесть едва ли не на каждом столбе или заборе послевоенной «английской» Германии: *«1. Каждый советский гражданин из числа гражданских или бывших в/пленных, которые еще не находятся в установленных в официальном порядке с/пунктах для советских граждан, в кратчайший срок, не позднее 20 августа 1945 года, должен уведомить о себе ближайшему сборному пункту для советских граждан* (так в тексте! — *П. П.) или ближайшей английской воинской части. 2. После 10 августа 1945 года прекращается пребывание советских граждан на каких-либо производствах или у каких-либо работодателей, запрещается обеспечение питанием и проживание вне сборных пунктов во всех местах. 3. Это указание относится ко всем советским гражданам, которые были интернированы или вывезены Германией со времени с 22 июня 1941 года. 4. Лица, не выполняющие этого распоряжения, подлежат аресту и обвинению. <...>»*

Интересы СССР и союзников странным образом переплелись и совпали. СССР хотел заполучить, а западные страны — как можно скорее избавиться от миллионов людей, которых им приходилось на свой кошт кормить, поить, обувать, одевать, даже охранять или, точнее, от которых им нередко приходилось охранять местное население, ибо дисциплины в лагерях для «дипи» (от DP — dispersed persons, перемещенные лица) не было никакой.

В лагере же всех встречали одинаково призывно-угрожающие плакаты: *«Родина ждет!»*; тут же автоматчики и предваряющая первую регистрацию основополагающая сортировка: военнопленные — налево, прочие — направо, женщины и девушки — на месте.

Дорога домой тоже примечательна своей до оскомины знакомостью: 3—4 недели в телячьих вагонах, по 40 человек в каждом, без права контактов с вольным населением (неограниченно — с вошью), а рацион — 500 г хлеба, 10—15 г сахара, 0,15 г масла, порция рыбы и воды.

Какова была судьба репатриантов по их возвращении на Родину?

По результатам государственной «проверки» и фильтрации репатриантов (по состоянию на 1 марта 1946 года), из общего числа в 4 199 488 человек было отпущено по домам 57,8%; призвано в армию — 19,1%; зачислено в рабочие батальоны НКО — 14,5%; передано в распоряжение НКВД — 6,5%; находилось на сборно-пересыльных пунктах или использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей — 2,1%[9].

Остарбайтеры на строительстве дорог.

В течение 1944—1948 годов правительство СССР приняло 67 постановлений, обеспечивающих права репатриантов, из них 14 — об их льготах и материальном обеспечении. Предприятия и министерства были обязаны предоставлять им работу по специальности, а занятым в лесной и угольной промышленности, черной металлургии разрешалось выдавать денежные ссуды на индивидуальное строительство и хозяйственное обзаведение.

В реальной же жизни права репатриантов практически ничего не значили. 4 августа 1945 года Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление *«Об организации политико-просветительной работы с репатриированными советскими гражданами»*, в котором указывалось: *«Отдельные партийные и советские работники стали на путь огульного недоверия к репатриированным советским гражданам. Надо помнить, что возвратившиеся советские граждане вновь обрели все права советских граждан и должны быть привлечены к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни»*.

Анализ анкет показал, что особенно тяжелая судьба, недоверие, подозрительность, жесткая проверка ожидали, как это ни удивительно, узников концентрационных лагерей, участников антифашистского Сопротивления. Более $^{2}/_{5}$ анкетированных указали на различные осложнения в последующей жизни, связанные с таким «несмываемым пятном» в биографии советского человека, как работа в Германии во время войны.

Массовая репатриация советских и иностранных граждан фактически закончилась к марту 1946 года, тем не менее само Управление по репатриации просуществовало еще 7 лет и, согласно постановлению СМ СССР № 5305-2071/с от 29.12.1952 г., к 1 марта 1953 года подлежало упразднению.

И хотя с задачей своей оно успешно справилось, все-таки десятки и сотни тысяч бывших советских граждан избежали репатриации и составили так называемую «вторую эмиграцию». По сведениям Управления по репатриации, их число, по состоянию на 1 марта 1952 года, составляло 451 561 человек. Из них в западных зонах Германии и Австрии находилось 103,7 тысячи человек, Англии — 100,0, Австралии — 50,3, Швеции — 27,6, Франции — 19,7, Бельгии — 14,7, Аргентине и Финляндии — около 7,0, Бразилии, Венесуэле, Голландии, Норвегии, Дании и Турции — от 1 до 4 тысяч человек, Парагвае, Палестине, Новой Зеландии, Швейцарии и Марокко — от 350 до 860 человек[10].

Попытки же создать в 1955 году Комитет «За возвращение на Родину» со штаб-квартирой в Берлине, чтобы заполучить и этих людей в СССР, особого успеха уже не имели.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Dallin A. J. Deutsche Herrschaft in Russland 1941 — 1945. Eine Studie ьber Besatzungpolitik. Dusseldorf: Droste Verlag. 1958. S. 442.
2. Ibid. S. 446.
3. Keller M. «Das mit den Rusengenheit ist erlegist»: Ruestungsproduction, Zwangsarbeit, Massenmort und Bewaeltigung der Vergangenheit in Hirzenhaim zwischen 1943 und 1991. Friedberg, 1991.
4. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. М., 1991. Т. 2. С. 496.
5. Dallin A. J. Op. cit. S. 452.
6. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. Т. 1. С. 125.
7. Правда. 1944. 11 ноября.
8. Земсков В. К вопросу о репатриации советских граждан 1944—1951 гг.//История СССР. 1990. № 4. С. 26—41.
9. Там же. С. 36.
10. Там же. С. 37—38.

«16 ноября, вторник. Сегодня особенно чувствую слабость. Кандалы мне показались настолько тяжелы, что я их тянул не поднимая ног. Если еще хороших пару ударов, то я уже не выживу. Вспоминаю Пушкина: «На большой мне знать дороге умереть Господь сулил». Когда я посмотрел в зеркало, то я так был непохож сам на себя, что удивительно стало. Белый как снег, голова клином, глаза дикие где-то далеко запрятаны, нос чудовищный сухой, зубы желтые, волос нет, лицо заросшее. На вид лет 45—50 мужчина, который замучен неволей. Вот как вырабатывают человека за каких-нибудь $2^1/_2$ месяца. Эх! мамочка родная, посмотрела бы ты на меня сейчас».

Из дневника В. Баранова

«Дикое, ужасное значение работы в чужом цехе, на чужой фабрике, под началом немцев, которые с утра до ночи и с ночи до утра делают здесь мины, снаряды, гусеницы для танков, в первый же день особенно ясно открывается в литейном. Особенно подавляющим открывается лагернику значение каторжного труда — труда, не только не имеющего смысла для него лично, но и направленного прямо против него. Правда, то, что он делает сам, имеет ничтожнейшее значение. Он всего лишь возит на тачке землю из одной кучи в другую: из кучи на дворе в кучу, возвышающуюся в цехе...»

В. Семин

«В немецком военном хозяйстве заняты многие миллионы работников и работниц из почти что всех европейских стран... Совместные национал-социалистские усилия Партии, Немецкого Трудового Фронта, Государства и Хозяйства привели к трудоиспользованию такой чистоты и корректности, такой заботливости и справедливости, какого не знала мировая история войн. Корректное и примерное обхождение приводят к трудовым успехам даже тех рабочих и работниц, например из бывших советских областей, которых десятилетиями воспитывали в ненависти к национал-социалистской Германии. Собственными глазами увидели они теперь и ощутили подлинную Германию, познакомились с ее социальными и здравоохранительными учреждениями...»

Фриц Заукель

«Вчера днем к нам прибежала Анна-Лиза Ростерт. Она была очень сердита. У них в свинарнике повесилась русская девка. Наши работницы — польки говорили, что фрау Ростерт все била, ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах... Мы успокаивали фрау Ростерт, можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу...»

Немецкий пропагандистский плакат.

«Нас разбирали, как скотину... Мамочка, как хочется мне захворать! Потому что иначе я никогда домой не вернусь. Каторга здесь навеки... Сейчас я еще не очень больная. Нам позволено писать два письма в месяц, может, вы хоть одно получите».

«...Нас гонят по улице небольшого рурского городка. Только что мы носили мебель в какое-то здание, и полицейские, сопровождающие нас, даже довольны нами. По тротуару идут две нарядные молодые женщины с нарядными детьми. Дети кидают в нас камни, и я жду, когда женщины или полицейские остановят их. Но ни полицейские, ни женщины не говорят детям ни слова».

В. Семин

НАТАЛЬЯ ПИРУМОВА,
доктор исторических наук

А ФУНДАМЕНТ ТАК И НЕ ЗАЛОЖИЛИ

СТРУКТУРА ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, ДЕЙСТВОВАВШАЯ В РОССИИ, БЫЛА ДАЛЕКО НЕ СОВЕРШЕННОЙ. НАВЕРХУ ЗЕМСТВУ НЕ ХВАТАЛО ВЕРХОВНОГО ОРГАНА — «ЗЕМСКОГО СОБОРА», ВНИЗУ — «МЕЛКОЙ ЗЕМСКОЙ ЕДИНИЦЫ».

В основе проектов создания первичных земских органов лежала идея о том, что вопрос о пользах и нуждах народа должен был бы начинаться с самого народа или возможной близости к нему.

Известный пропагандист земских идей К. К. Арсеньев считал, что «волость, как территория, настолько велика, что располагает достаточными средствами для создания и ведения скромного общего дела — и вместе с тем настолько мала, что все предпринимаемое ею может быть основано на самом точном знании местных условий». Главную беду волости Арсеньев не без оснований видел в том, что она «не получила нормального развития и ее вовсе не коснулось прогрессивное движение... Застыв и омертвев, она стала последней спицей в бюрократической колеснице, вместо того чтобы быть начальной ячейкой живого организма»[1].

В конце XIX — начале XX века в России широко распространилось мнение, что «самоуправление есть заведование делами не государственного управления, а собственными делами самоуправляющихся единиц». Появились попытки создания хозяйственной теории самоуправления, независимого от государства. Эту точку зрения отстаивал, например, И. М. Страховский, автор статьи «Крестьянское сословное самоуправление» в сборнике «Мелкая земская единица» (1903).

Основной ячейкой новой формы земского устройства должно было стать крестьянское общество вместе с представителями всех сословий волости. Новая территориальная единица смогла бы дать широкий простор выборному началу и принципиально изменить роль каждого крестьянина в волостном собрании. Для обеспечения независимости нового органа от уездного земства его предлагалось наделить правом самообложения.

Однако фундамент местного самоуправления, проекты создания которого так долго и тщательно готовились многими виднейшими земскими деятелями, не был заложен.

С самого начала идеи эти не встретили поддержки в правящих сферах. Появились же они в 50-х годах XIX века, в период подготовки Великих реформ. Тверской губернский комитет в это время тщетно пытался доказать необходимость объединения в будущем самоуправлении освобожденного крестьянства с другими сословиями каждой волости. Позднее, в 1881 и 1885 годах, ходатайства земств о всесословной волости были снова отвергнуты властью. На несколько лет вопрос этот, казалось, затих, но в начале 90-х годов появился снова. На этот раз с ходатайством выступило Рязанское земство (1891), а чуть позже — V Всероссийский съезд сельских хозяев, Вольное экономическое общество и несколько губернских земств.

Б. Б. Веселовский считал, что развитие земствами экономической деятельности требовало непосредственной связи земских учреждений с широкими слоями населения. «Сама жизнь,— писал он,— диктует образование мелких общественных единиц для упорядочения различных отраслей земского хозяйства»[2]. Экономическая целесообразность гармонично сочеталась с тем, что для значительной части земских деятелей мелкая земская единица представлялась институтом самодеятельности местного населения, школой гражданственности.

Различие мнений вокруг мелкой земской единицы вылилось в широкую полемику на страницах журналов, продолжавшуюся несколько десятилетий. Наиболее конкретно в конце 70-х и в 80-х годах эту проблему разрабатывал «Вестник Европы», «Внутренние обозрения» которого многие годы вел К. К. Арсеньев, наиболее четко сформулировавший положения либеральной земской программы.

Мелкая земская единица представлялась на страницах «Вестника Европы» необходимым фундаментом российского земства. Ее органическое слияние со всем сельским обществом и гармоническое сочетание с уездным и губернским земством было для журнала бесспорной посылкой всех его построений. Всесословность и равенство представительства в волостной земской общине мыслилось осуществить следующим образом: «Центром тяжести в мелкой земской единице должно быть именно волостное собрание, поставленное под контроль уездного земского собрания, но в известных пределах пользующееся полной самостоятельностью... Введение образовательного ценза, не как необходимого условия для пользования избирательным правом, а как одного из источников этого права; установление

Продолжаем цикл публикаций по истории российского земства (см. «Родина». 1992. № 8—9, 11—12; 1993. № 5—6).

для личных землевладельцев, не имеющих образовательного ценза, невысокого имущественного ценза; ...избрание крестьянскими обществами такого числа уполномоченных, которое превышало бы число участвующих в волостном собрании личных землевладельцев... Вот главные черты избирательной системы, которые могли бы быть положены в основание организации волостных собраний»[3].

В 90-х годах идея мелкой земской единицы традиционно увязывалась со вновь возникшим институтом земских начальников. В печати активно дебатировалась проблема совместимости этих двух учреждений. «Московские ведомости» развернули наступление против всесословной волости как разновидности «конституционных бредней». По мнению реакционной газеты, земские начальники, «объединяя лучшие элементы деревни», полностью решали вопрос сельского управления.

«Более чем странно предполагать,— возражал «Вестник Европы»,— что 5—10 должностных лиц на уезд, влияние которых сплошь и рядом пропорционально их власти, могут заменить собою несколько десятков или сотен развитых и более или менее зажиточных людей, живущих на месте, пользующихся доверием населения, разделяющих его потребности и относящихся к нему не как начальство, а как первый между равными»[4].

Сочетание мелкой земской единицы с властью земского начальника представлялось К. К. Арсеньеву вообще лишенным смысла: «Пока институт земских начальников сохраняет свой настоящий характер, замена крестьянской волости всесословною не представляется желательною, потому что новое учреждение было бы неизбежно подчинено земским начальникам, подчиненность совершенно извратила бы его значение»[5]. И действительно, соотношение прав земского начальника с земством удивительно напоминает знакомую картинку из нашего недавнего прошлого — достаточно вспомнить о зависимости бывших Советов от партийной власти, когда декларированное «самоуправление народа» прямо заменялось жестким управлением.

И в конце прошлого века консервативные силы стремились лишить местные органы всякой самостоятельности. «...Напрасно было бы думать, что самоуправление в этой области может быть заменено управлением,— утверждал «Вестник Европы»,— что попечителем о населении может явиться должностное лицо, назначенное извне... Волостной сход — учреждение мертворожденное, а волостное правление — не что иное, как присутственное место...— это было довольно ясно и пятнадцать лет назад».

Проходивший в Москве в феврале 1901 года съезд деятелей агрономической помощи местному хозяйству обратился ко всем земствам с предложением поставить и обсудить вопрос о мелкой земской единице. Однако на местах мнения разделились. На сессиях земских собраний 1901 года за мелкую земскую единицу единогласно высказались лишь Воронежское и Новгородское земства (Курское и Ярославское, обсудив вопрос, передали его на решение своим управам). Председатель Новгородской губернской земской управы Н. Н. Сомов высказал предположение, что, «когда будет организована низшая земская единица, земство станет народным достоянием и перекраивать его нельзя будет, как нельзя восстановить крепостное право».

Как и в 60-е годы XIX века, полемика вокруг мелкой земской единицы превратилась в споры о целесообразности земства вообще. В том же 1901 году «Московские ведомости» писали: «Существующее самоуправление введено у нас помимо, а может быть, и вопреки, воле народа; оно нам навязано русскими людьми, воспитанными вне России, на теориях, чуждых русскому народу... И предки наши не умели самоуправляться; они пошли бить челом варягам прийти и навести порядок. Мы — в лучшем положении, мы имеем законное, притом мудрое правительство; нам остается сказать ему: приди же и княжить над нами».

Преувеличивая опасность мнимой самостоятельности земства и отстаивая незыблемость монархического принципа, не допускающего иных учреждений, наделенных властью, газета утверждала: «Уклонившись от своих прямых обязанностей и увлекаемые смешением понятий о задачах правительственной власти и роли местных общественных совещаний, земства создали своего рода государство в государстве, являясь живым средостением между народом и государственной властью..., возникло... самодовлеющее общественное ведомство, снабженное однако... правами законодательной власти, в явное противоречие существующему в России государственному строю»[6].

Определить победителя в конфликте самодержавия и земства очень легко. В таких условиях мелкая земская единица не была и не могла быть допущена властью. Лишь Февральская революция 1917 года приоткрыла дорогу этому демократическому институту. Однако за считанные месяцы первичные структуры самоуправления даже не успели как следует оформиться, не то что проявить себя. Вскоре большевики решительно ликвидировали все и всяческие учреждения, способствовавшие свободному волеизъявлению граждан.

И теперь, спустя три четверти века, проблема подлинного, работающего на благо России местного самоуправления — от уровня области до мелкой земской единицы — снова предельно остро поставлена перед страной. К величайшему сожалению, вместо конкретных перспективных действий вопрос чаще всего забалтывается. А в это время региональное руководство откровенно склоняется к привычным методам **жесткого управления**, решительно отвергая все попытки ограничения собственной власти действительным **самоуправлением народа**.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мелкая земская единица. Сб. статей. СПб., 1903. С. VI.
2. Веселовский Б. История земства. Т. 3. СПб., 1911. С. 691—692.
3. Вестник Европы. 1881. Кн. 8. С. 825.
4. Вестник Европы. 1897. Кн. 4. С. 812.
5. Вестник Европы. 1897. Кн. 11. С. 381.
6. Московские ведомости. 1901. № 40.

НАДЕЖДА ЕПИФАНОВА

«МЕНЯ ТЯНЕТ В СОЛДАТСКУЮ СРЕДУ...»

Этот рассказ об эпизодах первой мировой войны взят из дневника моего дяди Тихона Александровича Епифанова.
Судьба его трагична. Он родился 12 октября (по старому стилю) 1892 года в Царстве Польском, в 1914 году закончил гимназию в г. Замостье, а затем 2-е Киевское военное училище (позднее и военные курсы). В 1915 году направлен в действующую армию. Сначала командовал ротой, а затем — командой разведчиков 4-го Кавказского стрелкового полка. Награжден орденами святого Станислава и святой Анны 3-й степени с мечами и бантами. 29 марта 1917 года произведен в штабс-капитаны, а в июне того же года зачислен в списки 215-й пехотной запасной дивизии[1].
После Октябрьского переворота служил в Красной Армии. Зверски замучен махновцами в возрасте около 27 лет. Со слов солдата, опознавшего его, на теле Тихона была вырезана звезда, а в голову забиты гвозди.
Из трех его военных альбомов сохранилось два. В них — фронтовые заметки, относящиеся в основном к 1916—1917 годам, большое количество фотографий и рисунков, копии солдатских писем, образцы русских прокламаций к немецким солдатам, тексты различных песен, авторские стихи, анекдоты...

Вот некоторые из этих записей.

1916 год, 8—9 февраля... Прекрасный, ясный, морозный день. Шла сильная артиллерийская перестрелка, в 5 ч. вечера немцы пустили снаряд с удушливыми газами. Жертв не было...

Узнал, что вчерашний снаряд наделал столько переполоху, что спустя еще 2 часа после его разрыва в штабе полка до того перепугались, что все от мала до велика нарядились в маски. Между тем как после разрыва снаряда через 5 минут не было от газов никаких следов.

13 февраля. Многие снаряды немецкой артиллерии даже при падении и ударе о мерзлую землю не рвутся. Каково же было мое изумление, когда от артиллеристов узнал, что это наши снаряды, взятые немцами в крепости Ковно!

В 11 ч. вечера узнал о назначении меня в команду разведчиков.

14 февраля был вызван в штаб дивизии для ознакомления с расположением немецких окопов, снятых летчиком с аэроплана. Общее мнение, что наши позиции укреплены лучше немецких...

15 февраля с 7 ч. утра отправился набирать из рот людей для команды разведчиков вместе с подпрапорщиком Метелкиным. Когда мы приближались к местечку Гаргруд, мимо моей щеки просвистела пуля и до того близко, что подпрапорщик, шедший впереди меня, обернулся и спрашивает:

— Ваше благородие, вас не ранили? Показалось, будто в вас пуля ударила.

— Нет, — говорю, — не ранили.

Не успел подпрапорщик повернуться и дальше идти, как вдруг что-то хрустнуло, и подпрапорщик Метелкин повалился, как сноп, на белый снег. Оказывается, пуля попала ему в лоб. Боясь, чтобы немцы не открыли артиллерийской стрельбы, я, одной рукой поддерживая голову подпрапорщика, поволок его в тыл к землянке...

16 февраля. На небольшой разведке подстрелили одного немца. Это $^1/_{100}$ — за подпрапорщика.

22—25 февраля. Все время спокойно. Так и хочется поскорее в бой, пережить что-нибудь тяжелое и опасное... Будучи в боях и вечных перестрелках, когда смерть все время за плечами стоит, втягиваешься так в это вечное ожидание смерти или чего-нибудь похожего на нее, что поневоле чувствуется большая потребность возврата к такому же состоянию напряженности...

...Вспоминаю, что за время службы было много всевозможных пертурбаций... К вечеру стали появляться немцы. Начали свистеть пули и рваться снаряды. Под натиском немцев вся рота охранения ушла, не предупредив меня, и я оказался с ротой отрезан немцами со всех сторон и прижат к непроходимому болоту. Горел сарай с хлебом. Немцы видели меня, как на ладони, но по мне не стреляли, видимо, хотели захватить в плен живым. Я сказал солдатам: «Ребята, я сам лягу и вас всех положу, а в плен не дам ни одного». Перекрестился и, скомандовав «марш за мной», пошел в болото. Сразу же мы угрязли по колени. Солдаты молча и послушно пошли вслед за мной. Наконец пришли к окопам. Здесь я узнал, что меня все считали погибшим вместе с ротой. В штабе полка тоже все были поражены и обрадованы моим неожиданным появлением.

После этого началось наше крупное отступление до Двины. Отступая, пришлось идти в день более 60-ти верст в сильный зной. Жажда так одолевала, что приходилось пить воду из застоявшейся лужи.

...Задача предстояла серьезная — полк выслан навстречу противнику, превосходящему по силам в несколько раз.

Всех смущало отсутствие у нас батарей... Мрачным и молчаливым было наше движение. Шли, принимая все меры предосторожности, чтобы случайно не наскочить на противника... Вперед была выслана охранная рота... Кругом мертвая зловещая тишина. Вдруг в охраняющей роте пронесся шепот: немецкая кавалерия наступает... Командир видит: действительно, из леса выезжает несколько кавалерийских групп... затрещали пулеметы и винтовки так, что нельзя было разобрать ни одного слова. Что-то начало падать, вроде лошади и кавалеристы. Время от времени в грохоте пулеметов было слышно странное мычание... Когда прекратилась стрельба, солдаты облегченно вздохнули, довольные удачным боем... Каково же было всеобщее изумление, когда наступивший день открыл результаты ночной стрельбы, и все увидели на поляне массу разбросанных в беспорядке убитых коров!.. Оказалось, крупное стадо возвращалось под утро с пастбища, наткнулось на наше сторожевое охранение и было перебито в большом количестве. Да! Бывают в жизни огорчения...

14—15 апреля... передав по телефону, что окопы разбиты, я услышал, что сейчас начнется атака. Сердце сжалось. Неужели эти сотни людей... через 15 минут пойдут вперед и лягут и больше уже никогда не встанут. Так и случилось — погибло 987 человек. Многие замерзли, будучи легко ранены. После боя нашел я одного ефрейтора под сосной. Сидит он с перевязанной ногой и животом и держит в руках кусок хлеба — бедняга замерз!

18 апреля. В 14 ч. раздался первый в 16-м году удар грома, за ним второй, и над нашим лесом прошла небольшая гроза. Какая поэтическая картина!.. Дивный воздух наполнен запахом сосны и освежен каплями дождя... стоишь в лесу и дышишь и не можешь надышаться... Поневоле думается: зачем война, когда на свете так чудно хорошо и жить так хочется...

...В 18 ч. пошли занимать заставу в Гаргрудском лесу... Немцы открыли по лесу стрельбу из пулемета... пустили по нашим окопам еще несколько тяжелых снарядов, но, как всегда, безрезультатно. Красиво, однако, рвутся эти снаряды: большое, густое, зеленое облако с густыми тенями в переливах. Оно медленно несется по воздуху, постепенно опускаясь ниже, желтеет и, наконец, рассеивается. Другие при разрыве дают черный дым, но такой разрыв не красив и имеет какой-то зловещий вид.

26 апреля. Сменился на 3 дня с дежурства у Гаргруда... В штабе полка узнал, что против нашего участка немцы посадили в окопы наших пленных, одев их в свою форму и вооружив как следует. А чтобы они не бежали или не напали на них самих, то между пленными и сзади них немцы поставили пулеметы, оградив их со всех сторон колючей проволокой... Укрепившись таким образом, немцы увели свои войска к Двинску, где думают наступать.

28—29 апреля... Солдаты рассказывают были и небылицы из своей боевой жизни, и я в свою очередь, что могу, рассказываю им. Они говорят, что меня интересно слушать, и, когда видят, что я иду в один из шалашей, сходятся послушать да и порассказать что-то новенькое... Я прислушиваюсь и стараюсь изучить душу каждого. Не раз удивляюсь, сколько у простого солдата здорового и светлого разума, который открывает глубину солдатской души и заставляет думать, что этот простой солдат, взятый от сохи, гораздо умнее многих интеллигентных... И не болван солдат, как в офицерстве принято о них думать... а умный человек, с которым можно поговорить, поделиться и даже кое в чем посоветоваться. Сознание всего этого тянет меня в солдатскую среду... Но бывает иногда, что мое присутствие не всегда приятно солдатам, в особенности, когда я делаю кому-нибудь замечание. Тогда выступает на сцену доброволец Александр Чуркин. Он приносит хворост и разводит перед моим носом костер. Я не переношу дыма, глаза начинают сильно слезиться. Чуркин быстро узнал эту мою слабость и когда надо «выкуривает» меня из землянки. А если его спросить, зачем костер, он браво отвечает:

АНЕКДОТЫ из жизни

Взводный командир обучает нижних чинов своего взвода, как разбирать винтовку. Дошли до разбора спускового механизма. Вот взводный командир указывает пальцем на рисунок и читает по руководству:

— «Соединительные болтики выталкиваются вышеупомянутой шпилькой». Ну, Копылов, какой шпилькой выталкиваются?

— Железной.

— Врешь. Сергеев, какой?

— Стальной.

— Врешь. Гончаренко, какой?

— Медной?..

— Тоже врешь. Совсем ничего не соображаешь. Ну, какой же? В ы ш е у п о м я н у т о й.

современные

— Скажите, пожалуйста, как вы сделались летчиком?

— Это у меня с детства, а может быть, и врожденное. Еще будучи маленьким, я вылетел из окна, потом вылетел из училища, через некоторое время я вылетел из конторы... Вот я и решил, что, вероятно, рожден для авиации, и теперь летаю каждый день.

Два студента вернулись домой поздно ночью навеселе и кое-как добрались до постелей. Через некоторое время один из них проснулся и стал зажигать спички, одну за другой. Товарищ его проснулся и спрашивает, что он делает.

— Я хочу посмотреть, потушена ли лампа.

За городом один нищий говорит другому:

— Слушай, ты в эту дачу не ходи, они, видимо, сами бедные — там две дамы играют на одном рояле.

Женщина возит в тележке мужчину и просит милостыню. Проходящая купчиха подает ей милостыню и говорит:

— Вам, вероятно, тяжело целый день его возить?

— Нет, ничего, мы с ним чередуемся.

«Чай греть, Ваше благородие». Придраться не к чему и приходится уходить. Такая сообразительность его мне нравится. Сам он бежал на войну от родителей из Олонецкой губернии.

29 апреля. Мои разведчики нашли в лесу германскую бомбу. Стенки ее разделены продольно и поперечно на 65 кусков, и на такое же количество осколков она и разлетается при разрыве. Разрядил сам, потому что солдаты боялись даже держать ее в руках. Все равно, либо пан, либо пропал!

30 апреля — 1 мая. Желая принести немцам хоть какой-нибудь вред, я ночью развел в лесу костры, и немцы открыли по ним стрельбу снарядами.

5 мая. Полк наш стоит... в местности богатой когда-то и густо населенной. Сейчас это умирающие остатки имений и садов. Теперь здесь одна смерть и пустота. Ни одного мирного жителя, вокруг даже собаки и то нигде не встретишь. Только одни войска, войска и войска. Но их совсем не видно, они зарылись в землю. Год, может быть раньше, раздавалось в саду пение очаровательной девицы в беседке, окруженной ландышами. Теперь там слышны шум ветра и зловещее завывание немецких снарядов...

10 мая. Вечером немцы заметили наших наблюдателей и, подкравшись к ним, одного убили, ранив 4 раза, а другого, Садикова, захватили с собой. Убитый Петр Юферов. Череп его был разбит прикладом винтовки, а около найдено 8 стреляных гильз. Очевидно, он отстреливался до последней возможности. Своим подвигом Юферов заслужил крест святого Георгия 4-й степени. Дорого заплатили германцы за смерть одного русского солдата, а нам стрелок Юферов оставил пример, как должен сражаться настоящий воин. Еще при жизни Юферов говорил, что живым в плен не сдастся... От себя я говорю ему: «Мир праху твоему, дорогой мой герой. Мы отомстим врагу за смерть твою...»

26 июля. Занимаюсь физическим развитием, стараюсь вовлечь в это занятие своих солдат... Результаты оказались хорошие. У моих людей здоровый вид... Я ввел ежедневную гимнастику. Есть несколько приспособлений для развития тела. Стараюсь вызвать у солдат состязательность. Меня радует, что эти занятия им не тяжелы и нравятся. При очередном осмотре моих солдат было сказано: «Какой здоровый народ в команде разведчиков». И действительно, в моей команде никаких серьезных заболеваний нет, в то время как в других частях люди болеют часто.

... Интересно, что каждый русский солдат с громадным удовольствием поет песню, содержащую в себе много «перцу», заковыристых выражений, не исключая даже и «трехэтажного» слова. Так что, к великому огорчению, большинство записанных в тетради песен они редко поют, и всегда эти песни у солдат получаются неважно. Приходится надрывать голосовые связки. Однако отрадно, что с офицером они поют с удовольствием. Этим приходится пользоваться иногда.

1917 год. 7 апреля. Сегодня проводили выборы одного из малороссов от дивизии для командирования его на съезд малороссов в г. Двинск. Цель съезда — выработка основ военной и гражданской жизни автономной Малороссии, какой она надеется стать в скором будущем. То же самое происходит и с поляками, относительно автономии Польши. Тяжело даже думать о том, что могучая Россия начинает распадаться на части, и ее сыны, до сего времени геройски стоявшие против врага, перестали думать о ее благе... Врагу же остается, по-моему, не дремать и пользоваться моментом.

Одну из своих тетрадей Тихон Александрович заканчивает так: «Если я уцелею, то помните, дорогие посетители (читатели) моей тетради, что составлялась она с большим трудом и много нужно было терпения, чтобы вести запись поденно, зарисовывать все, что видите... теперь мой труд окончен. Дай Бог, чтобы мне посчастливилось прочесть его лет через десять!»

Не пришлось.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. Оп. 1. Д. 124955. Послужной список штабс-капитана 4-го Кавказского стрелкового полка Епифанова Тихона Александровича. 16 мая 1917 года.

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ!

В № 8—9 (1993) уважаемого мной журнала «Родина» иа с. 119 помещена не совсем точная информация об эсминце «Новик», корабле замечательиом, но не «самом быстроходном в мире» и не превосходившем по вооружению «примерно вдвое» «самые крупные эсминцы той эпохн». «Новик» был самым мощным кораблем своего класса, но в России, и то до спуска на воду лидера «Изяслав» (конец 1916 года). Но в мнре, даже на момент спуска, он уже не был ни самым мощным, ни самым быстроходным в своем классе. Знаменитый английский «Swift», спущеиный иа воду в 1906 году, в различных вариантах оборудования развнвал скорость 38-39 узлов, имел вооружеиие, аналогичное вооружению «Новика» и более мощиые торпеды. В 1915 году англичаие и немцы уже имели на вооружеиии лидеры, превосходившие «Новик» по скорости и вооружению («Moon», «Patriot», «Moynses», V-116, S-113). Наконец, в 1916 году появляются торпедные катера, скорость которых превышала 50 узлов. Сошлюсь в доказательство хотя бы на книгу Eggar J. Marsh «British destroyers». L., 1965.

С уважением, *С. Кухарук.*

<u>От редакции</u>. Пользуясь случаем, обращаем внимание и на то, что в том же номере, на с.118, в перечне кораблей, погибших в годы первой мировой, госпитальное судно под №14 должно именоваться «Portugal».

Обозревателю журнала «Родина» Л. Аннинскому

Уважаемый Лев Александрович! В жизни не попадал я в такую ситуацию: чтобы в диалоге, воспроизведенном Вами (см. «Родина», «Музыка Бреля», № 11, 1993) я назвал Альфреда Шнитке Адольфом?! Альфред Шнитке — самый дорогой для меня человек, мой учитель. Что за досаднал нелепость? Или Вы не расслышали?

Виктор Брель.

Уважаемый Виктор Тимофеевич! И расслышал я Вас, и сам хорошо знаю замечательного композитора, а просто непостижимый сдвиг сознания привел меня к этой дикой описке. Прошу прощения и у Вас, и у читателей. Наверное, с Альфредом Шнитке сконтаминировался у меня в ту минуту другой известнейший художник, Адольф Шапиро. Общее сюрреалистическое состояние мира плохо действует на неустойчивую душу. К сожалению, у меня получился дурной «стаффаж». Еще раз простите!

Л. Аннинский.

«ГОЛОС» ИНВАЛИДОВ

В многоголосии отечественных изданий прорезался «Голос» инвалидов. Произошло это три года назад, однако на днях вышел всего лишь третий номер журнала. Основная причина такого медленного восхождения новых изданий на небосклон российской прессы, понятное дело, экономическая. Потребовались время и огромные усилия для того, чтобы заработать необходимые средства, поскольку государственных дотаций журнал не получает.

Тем не менее «Голос» живет, а насколько убедительно он «звучит» — судить вам, дорогие читатели. Главная цель редакции — предоставить инвалидам возможность сблизиться (пусть заочно), высказывая свою боль, радость, взгляд на проблемы бытия, которые, увы, становятся все острее, особенно для людей, чьи возможности и так ограничены недугами.

Читатели найдут в нашем журнале стихи и прозу, статьи на медицинские темы, смогут через службу знакомства обрести друзей или спутника жизни.

Думается, что не разочаруем мы и любителей спорта. Одним словом, тематика журнала, несмотря на его специфичность, разнообразна, как сама жизнь. Чтобы сохранить это многоголосие, «Голосу» необходим широкий круг авторов, и поэтому мы приглашаем к сотрудничеству всех инвалидов. Будем рады любой весточке и постараемся, чтобы даже самый слабый голос не потерялся в «сумятице буден».

А для тех, кто сделает выбор в пользу «Голоса», сообщаем, что с 1994 года на журнал можно будет подписаться в любом отделении связи. Очередные номера издания за 1993 год вы получите, если вышлете заявку по адресу:

620063, г. Екатеринбург, а/я 731.

Стоимость первого номера 50 рублей, а о цене следующих сообщим дополнительно.

Редакция журнала «Голос»

ВЫПИСЫВАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ!

Стоимость подписки на журнал «Родина» на второе полугодие 1994 г. минимальная: 1 месяц — 500 рублей, 6 месяцев — 3 000 рублей (без стоимости доставки).

Москвичи могут оформить подписку на «Родину» (а также на приложение к ней — журнал «Источник») в магазине «Старообрядческая книжная лавка» (м. «Белорусская», Бутырский вал, д. 8/3) и получать там выходящие номера — это будет значительно дешевле, чем по почте. В магазине можно купить и номера журналов прошлых лет.

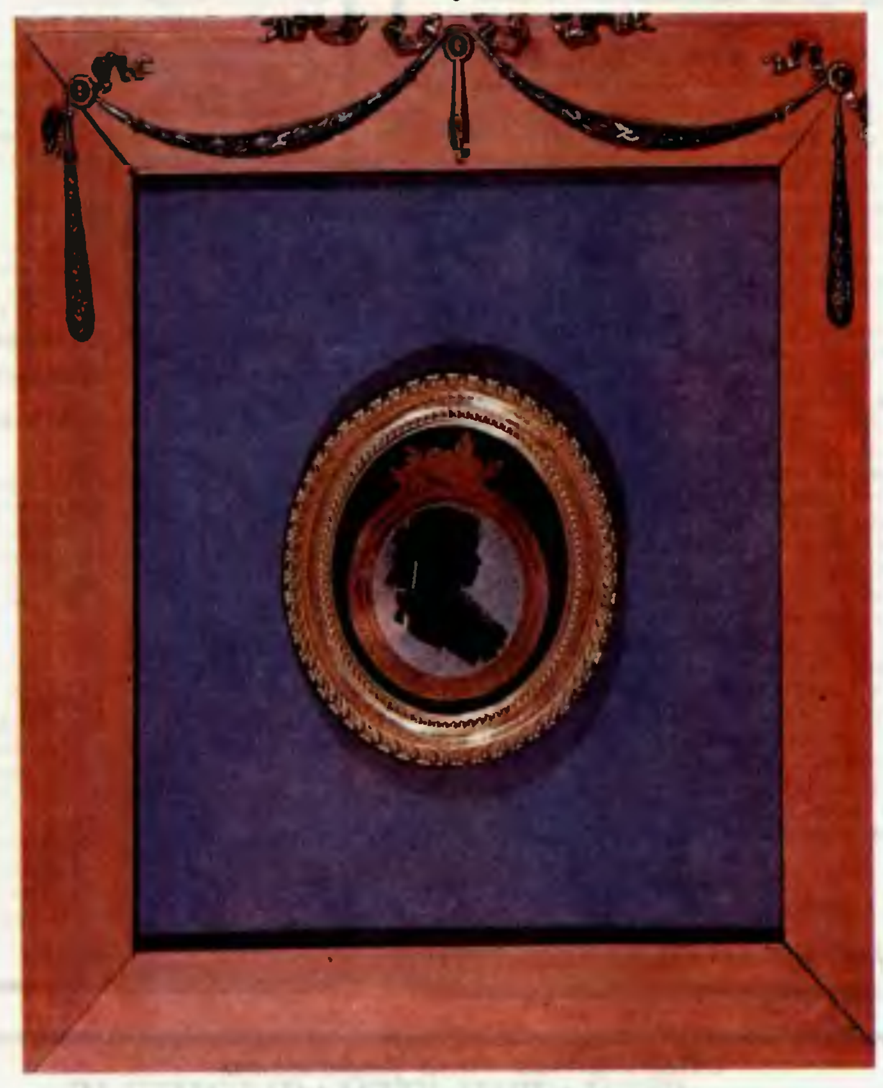
Магическая сила раритета

Древнерусский шлем с красной звездой

Готовы ли мы к неоконсерватизму?

АЛЕКСАНДР СИДОРОВ

КОМПОЗИЦИИ ИЗ ЧЕРНЫХ ПЯТЕН

Сидо Ф. Г. Портрет неизвестной (Нелидовой). 1780.

Искусство изображения чернофигурных контурных сцен и отдельных лиц дошло до нас на античных сосудах, производимых в Аттике в VI веке до н. э. Античные художники виртуозно владели живым и свободным рисунком, выразительным контуром и штрихом, создавая сложные многофигурные композиции.

Затем, вплоть до середины XVIII века, это искусство почти замерло и пережило свой Ренессанс уже во Франции, где и получило название «силуэта».

Это название происходит от имени государственного министра Франции Этьена де Силуэтта (1709—1767), чрезмерная бережливость которого при дворе Людовика XV вошла в пословицы. Его именем парижане стали называть «все мишурно-ничтожное и дешевое». К тому же, как утверждает предание, министр на досуге занимался вырезыванием фигурок из цветной бумаги. Эти маленькие «подражающие тени» фигурки и портреты получили название силуэта.

Европейские художники того времени были увлечены к тому же восточным искусством, в том числе китайским, в котором силуэтные изображения играли существенную роль.

Вскоре отдельные силуэтные портреты перестали удовлетворять заказчиков. Появились групповые портреты, сложные сюжетные композиции. В них художники стремились достичь большей изощренности в приемах и разнообразия техники.

Классический силуэт продолжал совершенствоваться на своих основных материалах — цветной бумаге (вырезывание ножницами и резаком), а также на белой бумаге и пергаменте (черная тушь).

В России увлечение силуэтом относится к 1770-м годам. Честь знакомства русских с европейским силуэтом принадлежит французу Ф. Г. Сидо. Наследие его весьма обширно. Сохранилось несколько сюит, состоящих из десятков силуэтных портретов представителей высшего петербургского общества, выполненных Сидо. Портреты его работы достаточно выразительны,

Кругликова Е. С. Портрет детей семьи Айзенштадт. 1921.

Нарбут Г. И. Иллюстрация к басне И. А. Крылова «Ворона и курица». 1912.

но сухи и однообразны. Нельзя, однако, не отдать должное разнообразию силуэтной техники, которой Сидо владел в совершенстве. Альбом силуэтов Сидо, принадлежавший графу П. Г. Разумовскому, был издан в 1899 году факсимильно.

Замечательным мастером сложных многофигурных композиций проявил себя немецкий художник Иоганн Фридрих Антинг. Интересно, что этот скромный рисовальщик, будучи адъютантом А. В. Суворова, является автором трехтомного жизнеописания полководца, которое украшено профильным портретом.

В начале XIX столетия новый блеск жанровому силуэту придал Федор Петрович Толстой. Силуэтные сценки Толстого можно сравнить с миниатюрным театром теней. Для придания объемности и особой выразительности силуэты Толстого не приклеены плотно к листу фона, а закреплены лишь в нескольких точках. Но вместе с тем этот жанр не занимал в творчестве Толстого главного места, и остается только удивляться тому количеству вырезанных из черной бумаги миниатюр, оставшихся после художника: их сотни. Поражает и разнообразие тем: это сценки сельской жизни, изображение парадов и военных учений и т. д. Для людей, воспитанных на сентиментальной литературе конца XVIII — начала XIX века, силуэтные изображения порой ассоциировались с тенью, отброшенной человеком, что было совершенно правильным, даже с точки зрения технологии исполнения силуэта. Вероятно, именно этим объясняется масса мемориальных силуэтов, выполненных в память об умерших близких.

После 30—40-х годов интерес к искусству силуэта стал угасать. И только в конце 70-х годов появились силуэты Елизаветы Бем. В основу были положены натуральные зарисовки. Наследие Бем чрезвычайно разнообразно и велико, но крайне неравноценно по художественному уровню. Наряду с интересными и выразительными работами ее силуэты порой перегружены второстепенными деталями. Несмотря на это, известно высказы-

Кругликова Е. С. Осип Мандельштам.

Голлербах Э. Ф. Портрет И. Ф. Анненского. 1930.

Ильин Н. В. Портрет М. П. Соколовникова. 1930.

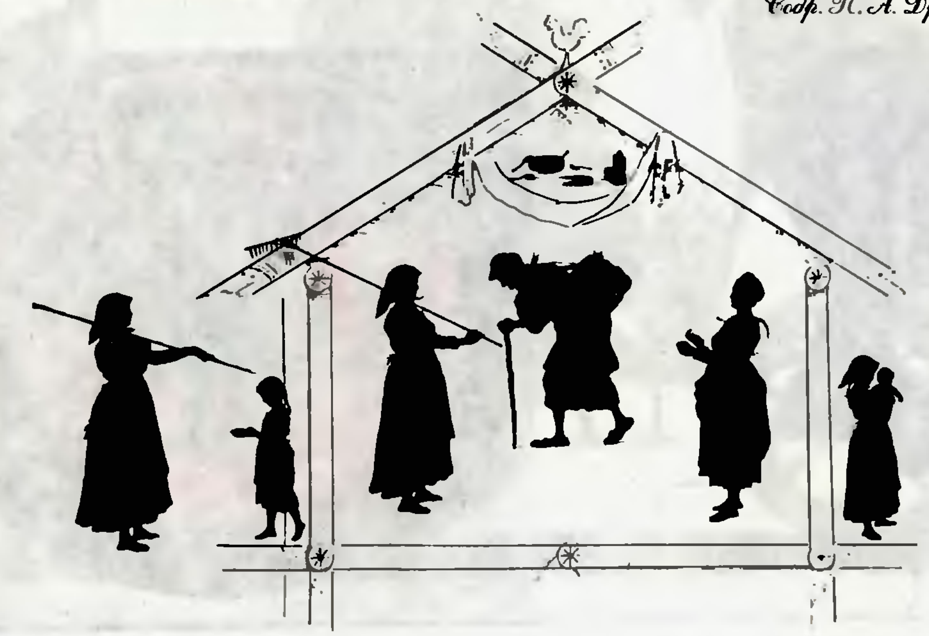
Тарелка из сервиза в этрусском вкусе. «Гений». 1840.

Кругликова Е. С. Портрет Эразма Роттердамского.

Тарелка из сервиза в этрусском вкусе. «Медея». 1840. Собр. П. А. Дружинина.

Нарбут Г. И. Иллюстрация к басне И. А. Крылова «Щука и кот». 1912.

вание И. Репина о силуэтах Бем: «Ее черненькие я люблю больше многих беленьких».

Возрождение силуэта мы вправе отнести к началу XX века. Весной 1906 года в Брюнне была развернута историческая выставка миниатюры и силуэтов. Именно она оказала большое влияние на художников круга «Мир искусства» К. А. Сомова, А. Н. Бенуа, Б. М. Кустодиева, Е. С. Кругликову и особенно Г. И. Нарбута.

В своем творчестве художники «Мира искусства» сосредоточили внимание на эпохе XVIII — начала XIX века. В ней они находили утонченную красоту и изысканность, изящество форм и колорита. Строгость и четкость контуров старинных силуэтов, лаконизм и ясность художественного языка полностью отвечали их представлению о прекрасном. В технике силуэта исполнялись иллюстрации к произведениям русских и иностранных классиков. Используя благородные классические традиции старинных русских изданий, они старались создать особый тип книги, с подчеркнутым стилевым единством.

Кругликова Е. С. И. Е. Репин на выставке «Мир искусства». 1916.

Силуэты Нарбута неизменно декоративны, при этом отличаются строгостью и четкостью узора, точно найденным контрастом черных и белых пятен. Вершиной графического мастерства художника признаны иллюстрации к книге «Отечественная война 1812 года в баснях Крылова».

Другим крупнейшим мастером силуэта была Е. С. Кругликова. Книга «Париж накануне войны» явилась первой значительной работой художницы в области силуэтного искусства, и на протяжении дальнейшей жизни художница осталась верна этому искусству. Ею было выполнено более тысячи силуэтов.

Искусство силуэта неизменно привлекало как художников-профессионалов, так и любителей. Современников прельщал в силуэте лаконизм средств и завершенность созданного образа. Нам дорого то, что силуэты наполнены неуловимым духом эпохи, который как тонкий аромат сквозит в этих скромных композициях из черных пятен.

ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

О ПРИРОДЕ ИНТЕРЕСА К ДРЕВНОСТЯМ

Неужели всегда человечество будет ценить как сокровище то, что вчера было дешевой побрякушкой?
ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ.

Вопрос, в шутку заданный замечательным юмористом столетие назад (а до него затронутый многими философами), по сути совершенно серьезен. Приступая к знакомству с миром отечественных древностей — бытовых, художественных, церковных, — очень нелишне им задаться.

Собственно говоря, на каком основании мы с таким почтительным интересом относимся к старым артефактам (предметам, зданиям и т.п.)?

В большинстве своем изготовленные из дешевых материалов (камень, глина, дерево, ткани), эти вещи не предназначались современниками ни для любования, ни для изучения, поскольку исполняли вполне конкретные бытовые функции.

Быть может, страсть к старине («ретрухе»), все более овладевающая нами к концу XX века (а зародилась она достаточно давно, в Европе была известна уже в античности; «Все, что подделал не ты, думаешь, древняя вещь?» — спрашивал еще Марциал современника-«антиквария»), — морок, ложное увлечение, субъективно свойственное «позднеимперскому социуму»? И погоне за «раритетом», престижной дорогой вещью, редким «элитным» знанием суждено смениться новым периодом забвения интереса к отечественному прошлому?

Насколько объективно обосновано эстетическое восприятие всей массы бытовых, часто примитивных, старинных предметов? Какихнибудь сто лет назад даже специалисты проводили четкую грань между «художественными» древностями и всеми остальными, которыми позволительно было и пренебречь (например, археолог мог описать древний сосуд в погребении краткой, но выразительной фразой: «Один горшок дурной работы»).

Действительно ли информативен мир древних (и просто старых) предметов, действительно ли «духовно питательны» все эти черепки, обломки, руины? И если да — то почему? Не иллюзия ли, не массовый ли самообман перед нами?

На глазах совершаются довольно странные превращения. Огромные массы материальных предметов (и, конечно, нематериальных понятий), недавно искренне отвергавшиеся обществом как антихудожественные, внезапно обретают вторую жизнь. Становятся сперва «милыми уродцами», а затем переходят в разряд как минимум исторических, мемориальных ценностей.

Напомню, как тридцать лет назад выбрасывалось из жилищ бытовое «старье» и как впоследствии его потащили (и все еще тащат) со свалок обратно в квартиры. Как выстроился на кухнях полный набор принадлежностей (причем совершенно нефункциональных, вплоть до керогазов, примусов и прочей «дряни») времен наших бабушек. «Кузнецов», четверть века назад вообще не считавшийся за «фарфор», сегодня предмет голубых грез собирателя, серьезно изучается искусствоведами, а его название сделалось собирательным по отношению к старинным художественным изделиям из фарфора.

То же — в отношении архитектуры, живописи, литературы. «Час славы», наступивший для ранее отвергавшихся модерна и эклектики, еще длится, но не меньшее, если не большее восхищение и умиление вызывает советский ампир и — по прямым аналогиям — национально-романтические искания XIX века.

Неужели так будет продолжаться и далее: «чашки, которые наша Мэри бьет не моргнув глазом», попадут в музей, а типовой фарфоровой собачке (или, в советском варианте, балерине из чугуна или пластмассы) мой коллега археолог лет через 500 посвятит восторженную статью, приблизительно датировав ее благодаря специально разработанной им типологии импортных пивных банок?

Как возникает эта «эстетизирующая дистанция», придающая невзрачным фрагментам некий ореол? Почему его отсвет ложится на каждодневные вещи, и склеенные белые фаянсы с маркой «Ресторантрест» в конце концов попадают на стены гостиных? Что, собственно, представляет собою этот волшебный ореол, почему он столь «неразборчив» и «неизбежен»? В какой степени он является раскрытием реально заключенных в предмете — но до поры не замечаемых — качеств, каков механизм их раскрытия?

Если ответить кратко, главным условием образования «ореола древности» является гибель, уход со сцены того целостного историко-художественного (социального, бытового) контекста, в котором предмет возник и пребывал (функционально использовался).

В момент создания артефакта в нем полностью отражается вся гамма «художественного быта» эпохи, и не только она. Фиксируются (почти всегда незаметно для изготовителя) системы существующих технологий, производственных отношений, социальной иерархии, даже политики. Отпечатываются в предметном мире и присущие времени этические критерии, психологический настрой, некоторые личностные черты. Средневековое кресало, спичечный коробок и зажигалка, сделанная из патронной гильзы, способны достаточно полно обрисовать синхронную их существованию историческую эпоху.

Признаки времени, многочисленные связи с контекстом как бы спрессованы в каждом артефакте и плотно сжаты массой окружающих его вещей. Поэтому они не видны современникам, которые не замечают и не ищут «отражения эпохи» в каждодневных, заполняющих мир предметах обихода. Современников как бы ослепляют подлинно эстетические или претендующие быть таковыми изделия, поражающие новизной или «украшенностью», выпадающие из привычного окружения (привозные, причудливые).

Устойчивость «вещевого контекста» для разных периодов различна. В достаточно динамичные эпохи (античность, позднее средневековье, XVIII—XX вв.) можно наблюдать, как цельность бытовой и культурно-художественной картины исчезает за одно-два поколения, то есть прямо на глазах живущих. Не только специалист по истории материальной культуры — археолог, этнограф, но и любой горожанин легко заметит, как гибнут, распадаются старые интерьеры, как уходят группы людей, привычно, не задумываясь пользовавшихся предметами, которым место в музеях (обычно эти вещи приобретены ими в далекой юности или получены по наследству).

Еще заметнее выпадение из оборота сначала наиболее эфемерных предметов из ткани, бумаги, кожи, дерева, а затем и более прочных: стеклянных, фарфоровых, металлических.

Но распад, гибель культурного контекста становится своего рода благом для отдельных сохранившихся экземпляров артефактов, составлявших его материальную основу. У них появляется возможность «проявить себя», выявить заложенную в них часть информации, до поры пребывавшую в скрытом, связанном состоянии.

Оказавшись во внезапно наступившей пустоте, «на свободе», изолированные от прежнего громоздкого, стеснявшего их окружения, «простые» бытовые предметы начинают высвобождать свой «информационный» (в том числе и эстетический) заряд. Они заполняют образовавшуюся пустоту слабым, но видимым, ощутимым и потому глубоко привлекательным свечением.

Вместо слаженного и обычно слишком громкого для современников «хора», исполняемого мил-

лионами предметов (от вилок и шнурков до храмов и компьютеров), наступает тишина, в которой все яснее и четче прорезаются голоса уцелевших предметов. Конечно, их «партии» звучат тише, «дискретнее», но в целом они исполняют ту же утраченную мелодию и звучат адекватно, в унисон умолкшему хору, в них можно уловить утраченную, не воспроизводимую в новом сложившемся контексте гармонию.

(Замечу, что по этой причине невозможны «абсолютные» подделки. Можно в какой-то степени обмануть своих современников, даже наиболее опытных, и воспроизвести все необходимые признаки древнего предмета. Но невозможно при этом избежать отпечатывания признаков своей эпохи. Равно незаметные копиисту и эксперту-современнику, они становятся очевидными даже простому зрителю через 100—150 лет.)

Иными словами, информационная нагрузка на сохранившиеся предметы оказывается гораздо большей, чем это осознавали их творцы и первые владельцы. Древности же всегда оказываются в состоянии нести такую нагрузку — ведь они составляют плоть ушедшей жизни. Можно сказать, что утраченные предметы не только «освободили пространство» для оставшихся — они как бы передали, влили в них часть эстетического заряда и из небытия продолжают поддерживать уцелевших собратьев.

Впрочем, предметы из гибнущего контекста почти никогда не переходят в новое качество непосредственно, «по прямой». Ведь они сама «культура» (кавычки потому, что здесь слово употребляю в качестве уже археологического, профессионального термина), которая умирает, уходит в прошлое часто не потому, что перебились все произведенные ею сосуды, «испортились» все материальные элементы — носители конкретных значений. Она погибает прежде всего «морально», перестает быть ценной в глазах новых поколений. Такой смерти подвержены как расколотые, так и физически уцелевшие предметы, но их гибель временная, через больший или меньший промежуток времени они возвращаются к человечеству в новом качестве.

Это возвращение может оказаться столь быстрым, что память о назначении вещей, их функциях, методах изготовления, даже конкретных творцах не успеет исчезнуть (во всяком случае, это будет касаться подавляющей массы предметов), и лишь немногие для своего «воскрешения» будут нуждаться в специальном процессе изучения или истолкования. Но огромная масса оставленных прошедшими цивилизациями артефактов забыта столь основательно, их исторический контекст утрачен столь полно, что «оживление» предмета, растолкование несомой им информации требует очень значительных усилий и специальных знаний. Без этого древности остаются только диковинами.

Конечно, в известной степени это касается и древних письменных документов, особенно написанных на давно умерших языках, но все же единство происхождения человечества и сходство пройденных разными группами народов путей позволяют смыслу древней речи доходить до нашего сознания в известной мере самостоятельно.

Для памятников же материальных в огромном большинстве случаев необходима специальная расшифровка, изучение и затем толкование.

Разумеется, провести подобное исследование могут только немногочисленные профессионалы. Возможность же познакомить с ним публику крайне ограничена — обычно воспроизводится лишь результат исследования, слишком краткий и сухой для восприятия неподготовленным читателем. Оставить область истории материальной культуры за рамками источников, сохраняя лишь истории о полевых находках, кладах, тайнах и т.п., — значит крайне обеднить популярное источниковедение.

Единственный выход — это постараться раскрыть перед читателем всю «кухню» работы исследователя памятника материальной культуры, провести его еще раз по уже пройденному ученым пути и остановиться на самых различных предметах — от крупных, всемирно известных подчас памятников архитектуры, живописи, прикладного искусства до невзрачного черепка или ржавой железной поделки. При этом необходимо будет сравнивать различные точки зрения, полемизировать, проходить заведомо тупиковыми маршрутами и снова возвращаться к началу исследования.

150 лет назад И. Снегирев и А. Мартынов, известные московские собиратели древностей, начали издание выпусков под названием «Русские достопамятности». Каждый посвящался определенному памятнику — чаще архитектурному, но иногда и историческому (монастырю, селу, предмету). Включались и статьи о личностях, таким образом также попадавших в рубрику «достопамятностей». Такой источниковедческий подход, не характерный для современной науки, как бы уравнивал материальные памятники, древности и одушевленных носителей культуры, исторические персонажи (не говоря уже о письменных источниках).

Возможно, настало время последовать этому примеру и оживить, одушевить наши древности — на том уровне, какой доступен современной науке, и настолько, насколько хватит таланта исследователя у авторов и читателей.

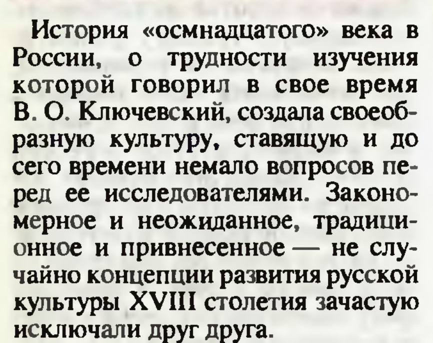
СВЕТЛАНА БАРАНОВА

ИЗРАЗЦОВОЕ ДЕЙСТВО

История «осмнадцатого» века в России, о трудности изучения которой говорил в свое время В. О. Ключевский, создала своеобразную культуру, ставящую и до сего времени немало вопросов перед ее исследователями. Закономерное и неожиданное, традиционное и привнесенное — не случайно концепции развития русской культуры XVIII столетия зачастую исключали друг друга.

Возможно ли в сложном понятии «русская культура XVIII века» найти место небольшой керамической плитке — изразцу, столь нехитрому приспособлению для облицовки печей? Гибкое, быстро перестраивающееся производство, непрекращающийся спрос на изделия, покровительство сильных мира сего — что еще обеспечило ему органичное существование в этом столетии?

Для изготовления гладких печных изразцов, которые все чаще называют кафлями (от немецкого — kachel), уже не требовалась резная деревянная форма, как это было в прошлом веке. Их ровная поверхность покрывалась белой эмалью, затем на нее наносилась роспись, и изразец обжигался. При вторичном обжиге (а первый раз изразец обжигался до нанесения красок) происходило расплавление эмали и одновременное вплавление росписи. И хотя в арсенале мастеров были краски разных цветов, большинство изразцов первой половины XVIII века расписывалось двумя-тремя красками, и лишь во второй половине столетия возвращается яркое многоцветие, столь любимое в прошлом.

Предыстория появления новых изразцов связана с поездкой молодого царя Петра в 1697—1698 годах в Европу, где он среди прочего познакомился с продукцией керамических мастерских знаменитого Дельфта, выпускавших также и облицовочные плитки, которые расходились по всей Европе. Впечатление было столь сильным, что в 1709 году к массе указов прибавился еще один, по которому «...два человека швецкого полону Ян Флегнер и Кристан» посылались в Новый Иерусалим для налаживания производства новых изразцов. Очевидно, первые изделия не получили царского одобрения, поскольку последовал указ от 5 августа 1710 года, гласивший: «...ныне сделать немедленно шведским манером печных изразцов гладких белых, а по ним травы синею краскою... из добрые земли, а не с такие, что образец казали, чтоб были в деле чисты, 10 печей»[1]. Пленные шведы работали вместе с вольными мастерами не только под Москвой, но и в Петербурге, где также трудились «у кафельного дела». Одновременно и русские гончары ехали обучаться в Европу, перенимая иной манер. Новое в давно любимых и привычных изразцах — гладкая поверхность лицевой пластины, сдержанная, особенно на первых порах, цветовая гамма, а главное, разнообразнейшая тематика сюжетов в технике росписи — не отпугивало. Еще во второй половине XVIII века — при переходе от средневековья к новому времени — в русскую культуру стали входить элементы европейской художественной культуры, модернизируя эстетические представления части общества. Импульс «петровских» пристрастий стимулировал уже существующее производство созданием новых мастерских. И

если официальный Петербург оказался более исполнительным, быстро украсив столичные интерьеры и привезенными голландскими плитками, и местными, трудно отличимыми от них изделиями, то для Москвы, а тем более для провинции «галанский», «гамбургский», «шведский манер» оказались, скорее, способами создания «своего языка».

Заметим, что изразцы в это время уже не используют в наружном декоре зданий, покрывая ими только поверхность печей. Они в полном смысле приблизились к человеку, сократив, однако, не только физическое расстояние обзора, рассчитанное на внимательно-любопытное рассматривание. Главным персонажем сюжетов, часто с надписями-комментариями, стал человек, его естество, внешние и внутренние свойства личности. «К середине XVIII века проблема «естества» (естественной телесной красоты человека, естественных потребностей ума и тела, естественный нрав и т.п.) станет еще более актуальной, но не будет требовать особых доказательств и защиты. А для середины XVII века это мысль кощунственная, в начале же XVIII — непривычная и небесспорная»[2]. Так, идеальное сочетание человеческих качеств у М. В. Ломоносова выглядело следующим образом: «1. главные душевные свойства, 2. похвальные страсти, например любовь, милосердие, 3. добродетели, 4. похвальные телесные свойства, например красота, сила, 5. приобретенные дарования, то есть науки, богатство, слава и пр.»[3].

Каким бы широким ни был процесс становления личностного начала, утверждение ценностей человеческой личности, проявившееся еще в XVII столетии, именно в следующем веке сформировало кодекс нового времени, вводя новые ценности или меняя иерархию прежних.

К числу особо ценимых похвальных страстей Ломоносов относил любовь. Любовь распространялась на все окружающее: детей, родных, друзей, природу. Изразец с изображением женщины с ребенком на руках сопровождает надпись: «Родное мое со мною», женщины с собакой — «Любезная моя со мною», мужчины, держащего в руке птицу,— «При себе держу, на нее гляжу», пьющего из чаши человека — «Сия чаша пити за дружбу». Есть изразцы с немыслимой в прошлом тематикой «чювствий» мужчины и женщины в разных проявлениях: радость, страдание, меланхолия, озорство и охальство; изразцы с многочисленными дамами и кавалерами, томно склоняющими друг к другу головы («Любовь нас разжигает»), или с изображением полуобнаженных мужчин и женщин и откровенной надписью: «Оно нам угодно сие». Как у В. К. Тредиаковского:

Люблю, драгая
Тя, сам весь тая.
Ах, я не знаю,
Так умираю.
Что за причина
Тебе едина
Любовь уносит?
А сердце просит:
Люби, драгая,
Мя поминая[4].

Справедливости ради отметим, что заказчик, принимая изделия, следил, чтобы на них «не было писанных непристойных штук»[5].

Отдавая науке предпочтение перед другими ценностями, М. В. Ломоносов утверждал новые представления не только как великий ученый, но и как человек своего времени. Богатство, как бы ни было важно в этой иерархии, все-таки следует за наукой, не заменяя ума, образования и воспитания. И если сподвижник Петра Первого Феофан Прокопович считал, что воспитание важнее, чем «порода», Ломоносов знатное происхождение — «породу» отвергал полностью. «Богат, да глуп» — эта надпись на изразце с изображением мужчины, сидящего задом наперед на козле, подтверждает ценность богатства, но в сочетании с умом. Наука, богатство и слава рассматриваются как «приобретенные дарования», заставляющие менять представление об «энергичности» человека, отправляющегося в путешествия. Изразец с парусником и надписью: «Путь наш далек», как бы приглашает увидеть страны, в которых живут «заморские народы», похожие на тех, что на изразцах «Прусский кавалер», «Китайский купец», «Апонская госпожа». Новое «живое принятие мира», возможные и реальные изменения в земной жизни во многом меняют представления человека о собственном месте в нем.

Есть в изразцах этого времени и нечто, на наш взгляд, необычайно ценное — настроение, человеческое состояние, «душевная переменчивость»[6], представлявшая героев изразцовых сюжетов в разных психологических состояниях: «Пою печально», «От гласа погибаю», «Дух мой сладок», «Печали моей нет конца», «Противно мне сие» и другие.

Бесхитростная манера рисунка придает особую теплоту изображению человека, отражая искренний интерес к его состоянию. Ряд исследователей, отмечая свободную, упрощенную технику росписи, столь отличную от европейской, находят моменты заимствования в сюжетах и деталях росписи, например в весьма известной в России книге «Символы и эмблемата», изданной в 1705 году в Амстердаме и переизданной позднее в Петербурге. Другие обращают внимание на связь изразца с лубком через остроту содержания сюжетов и манеру исполнения рисунка.

В росписи изразца в XVIII столетии, как правило, участвовали двое, а иногда и трое мастеров: один рисовал рамку, другой — основной рисунок, третий делал надпись. Вряд ли кто-нибудь из них претендовал на авторство. В коллекции изразцов музея-заповедника «Коломенское» нет ни одного подписного изразца этого времени, хотя изредка они встречались. Так, в одной из крупнейших в стране коллекций изразцов XVIII века, хранящейся в Государственном Историческом музее, в числе почти пяти тысяч экспонатов лишь один подписной изразец. Подписной изразец XVIII века имеется также в коллекции музея города Александрова.

Изразцы входили в состав печного набора, довольно сложного и разнообразного, состоящего из стенных изразцов, о которых шла речь, различных поясов, балясин, полуколонок, арочных ниш, фигурных вставок и т.д. Эти «барочные»[7] печи были, как правило, прямоугольные в плане или угловые, развернутые под углом в 45 градусов к стенам.

И все-таки очарование старинных печей не в формах, делавших их небольшими архитектурными сооружениями, а в магии каждого изразца со своей историей — сюжетом, который, не повторяясь на одной печи, до сих пор дает возможность столь близко ощутить XVIII столетие. Каковы бы ни были особенности развития изразцового искусства в то или иное время, восприимчивость человеком красоты его оставалась почти неизменной. Полагаем, что это было связано не только с видимой, внешней красотой, но и в определенной степени с тем смыслом, который был в ней заложен.

Знакомясь с общей картиной изразцового искусства, отмечаешь, что значительную часть ее составляют изразцы с изображением цветов, листьев, букетов, деревьев — сюжетов, действия которых происходят среди природы, всего того, что даже у современного и малознакомого со средневековой символикой зрителя вызывает образ сада. Закономерность подобных изображений на изразцах на протяжении нескольких столетий не удивительна, ведь эти образы несли символику, возникшую в более древних формах человеческого творчества: сад — символ любви, добродетелей, духовности, нравственного совершенства, сад — символ рая. Эта символика вносилась в самые разные виды искусства, и изразцы не оказались исключением.

Заметим, что расцвет изразцового искусства во второй половине XVII века — появление многоцветной керамики, не повторившееся более широчайшее использование изразцов в декоре зданий — оказался связан со временем, когда образ сада на Руси стал необычайно популярен не только в религиозной, но и в светской символике. Представителями восточнославянской культуры, в которой образ сада был представлен особенно многопланово, оказались и мастера-изразечники, переселявшиеся с середины XVII века из Белоруссии, и Симеон Полоцкий — философ, поэт, драматург и педагог, родом из Полоцка, связавший тогда же свою просветительскую деятельность с Русью. В одном из своих лучших сочинений «Вертоград многоцветный» он показывает «вертоград» — сад, дающий духовные плоды. В древнерусском языке «вертоград» означал сад, огород, возделываемую землю, обнесенную оградой. Синонимом было слово «виноград» — виноградник, фруктовый сад. Красота сада призывала: «добре делати в винограде душ наших», оберегать сад-душу «яко от зверей от нравов зверских и скотских», «от хладного ветра, гнусности, ленности и уныния, от терния похотей, от червей тщеславия»[8]. Стены церквей, колоколен, соборов, покрытые красочным изразцовым садом, пышные наряды печей — своеобразная иллюстрация к виршам, придававшим особый смысл этой красоте.

В расписных сюжетных изразцах XVIII столетия пейзаж, хотя и в достаточно условной форме, почти обязателен, как и рамка, чаще всего в виде растительного орнамента, порой весьма пышного. Действие происходит как бы в замкнутом саду. Условность изображения очевидна, ведь эта тема уже не столь актуальна, хотя и продолжает сохранять значение нравственной поучительности и в этом, и в следующем столетии.

Образ сада приобрел особый смысл в поэтике символизма в начале XX века. Пластика глины идеально выразила традиционные символы с помощью нового художественного языка — от «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого к «Зеленому вертограду» Константина Бальмонта, в котором поэт подчеркнул эту преемственность.

И вполне понятно, что художники разных видов искусств в разные времена не могли не обратиться к этому образу, в котором, по словам Симеона Полоцкого:

Человек цвет есть, его же красота
есть всяческа душевна доброта[9].

На снимках слева направо:

расписной печной изразец второй трети XVIII в.;

расписной печной изразец второй четверти XVIII в.;

фаянсовая облицовочная плитка. Голландия. 1710—1720.

От редакции. **Этим материалом завершается рассказ о коллекции изразцов, хранящейся в фондах государственного музея-заповедника «Коломенское».**

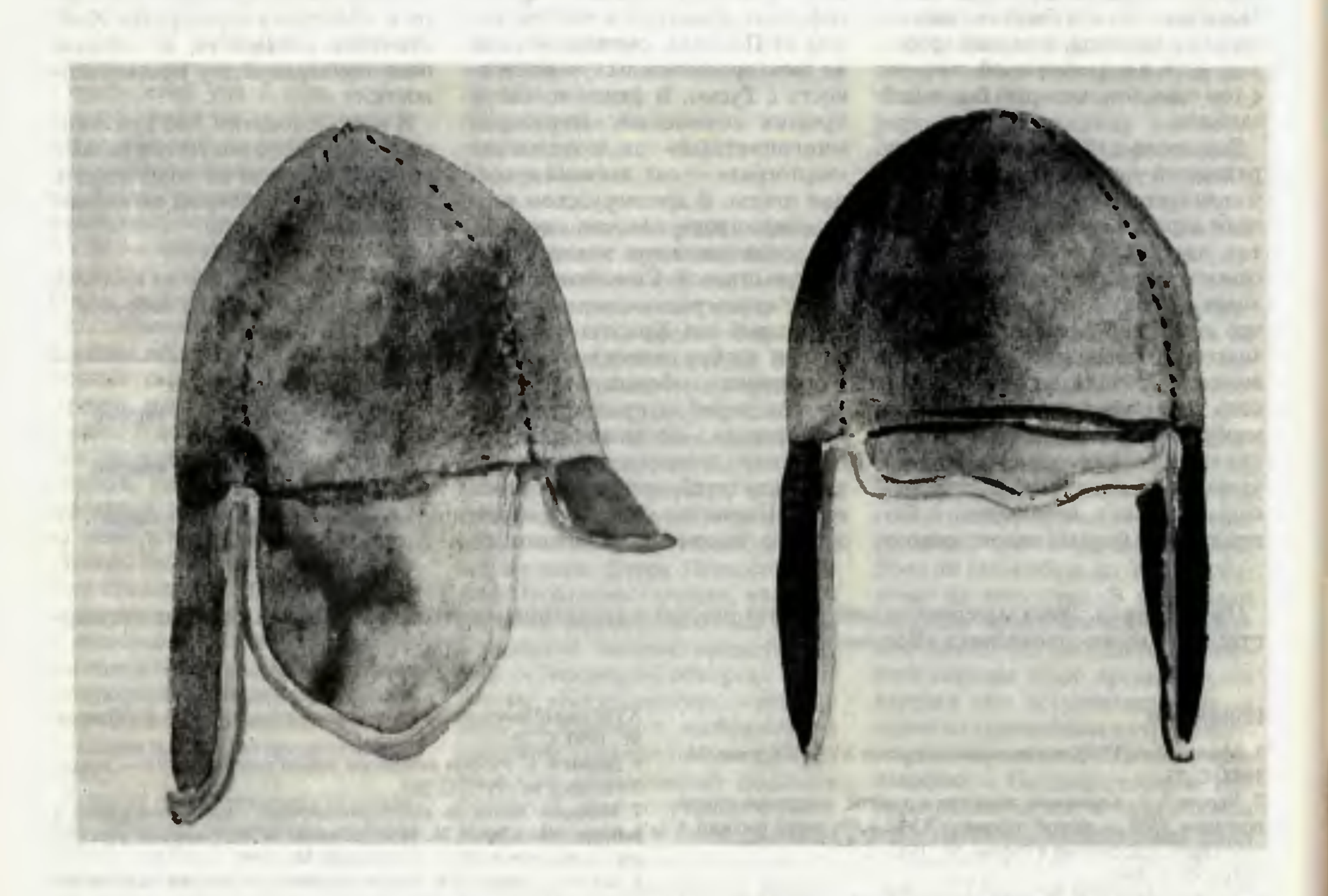
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV—XIX веков. М., 1983. С. 23.
2. Черная Л. А. Концепция личиости в русской литературе второй половнны XVII — первой половнны XVIII в.//Развитне барокко и зарождение классицизма в Росснн. М., 1983. С. 221.
3. Там же. С. 230.
4. Тредиаковский В. К. Песенка любовна //Русская литература XVIII века. М., 1979. С. 88—89.
5. Сергиенко И. И. Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века.//Памятники русской народной культуры XVII—XVIII веков. М., 1990. С. 29.
6. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. М., 1977. С. 207.
7. Название дается по классификациоиной схеме, приведенной в работе: Немцова Н. И. Исследование н реставрацня русских изразцовых печей XVII—XVIII веков. М., 1989.
8. Цит. по: Сазонова Л. И. Идейно-эстетическое значенне «мысленного сада» в русском барокко.//Развитие барокко и зарожденне классицизма в Росснн XVII — начала XVIII в. М., 1989. С. 76.
9. Там же. С. 77.

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

РОЖДЕНИЕ БУДЕНОВКИ

ВО МНОГИХ ПУБЛИКАЦИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ УТВЕРЖДАЕТСЯ, ЧТО БУДЕНОВКА И ШИНЕЛЬ С «РАЗГОВОРАМИ» БЫЛИ СОЗДАНЫ В ЦАРСКОЕ ВРЕМЯ И ЗАДУМАНЫ ДЛЯ БУДУЩЕГО ПАРАДА ПОБЕДЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ, А БОЛЬШЕВИКИ, МОЛ, ЭТУ ФОРМУ ПРОСТО-НАПРОСТО ЗАИМСТВОВАЛИ. В АРХИВАХ СОХРАНИЛИСЬ ДОКУМЕНТЫ, ПО КОТОРЫМ МОЖНО ПРОСЛЕДИТЬ, КОГДА И КАК СОЗДАВАЛИСЬ БУДЕНОВКИ.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ

№ 326 Москва, 7 мая 1918 г.

При сем объявляется положение о конкурсе по установлению формы обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

ПРЕДМЕТ КОНКУРСА

Предметом конкурса является проектирование обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии, заключающего в себе — одеяние, обувь, снаряжение (для пехотинца и кавалериста) и головной убор.

ТРЕБОВАНИЯ, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ УЧИТЫВАТЬСЯ ПРОЕКТАМИ

Формы обмундирования, вполне отличаясь от старых, должны быть спортивно-строгими, но изящными в своей демократической простоте и отвечающими по стилю духу народного творчества.

Возможная дешевизна обмундирования должна служить общим стремлением при выборе материала для проектируемых форм. Материал обмундирования должен быть избран из наиболее практичных сортов, приспособленных к продолжительному хранению и массовой выработке при современной технике русской промышленности.

Обмундирование должно быть приспособлено к временам года, доставлять носящему его наилучшие гигиенические условия, предохранять от простуды и не затруднять кровообращения и дыхания.

Формы обмундирования не должны заключать в себе каких-либо особо ярких по цвету и резких демаскирующих линий.

Защитный цвет формы избирается путем отдельного, не входящего в конкурс, оптически-лабораторного исследования.

ПРАВИЛА ПРОИЗВОДСТВА КОНКУРСА

Проекты должны представляться по форме достаточно четкими

и ясными, с необходимыми чертежами, указаниями и, желательно, с рисунками в красках, табелями ростов и выкройками, могущими обеспечить конструктивную исполнимость представленных проектов.

Последние должны подаваться или пересылаться почтой в запечатанных конвертах или обложках, с указанием избранного автором девиза. Листок с фамилией автора и с указанием его девиза должен быть запечатан в особый конверт, который вскрывается жюри после окончательного постановления о представленных проектах.

Последний день подачи, присылки или, вообще, поступлений проектов назначается на 10 июня 1918 года.

Проекты выставляются для осмотра в помещении Конкурса на Маскировочных курсах военных сооружений Р.-К.К.Армии (Москва, Поварская угол Молчановки, здание 5-й гимназии).

За каждый из первых двадцати проектов обмундирования или отдельных частей его (одеяния, обуви, снаряжения или головного убора), признанных комиссией заслу-

живающими внимания, Народным комиссариатом по военным делам уплачивается представителю проекта четыреста рублей в случае одобрения проекта всего обмундирования, а за одобренную отдельную часть проекта по сто рублей.

Первые три лучшие проекта приобретаются Комиссариатом в собственность Российской Федеративной Советской Республики за дополнительное вознаграждение в две тысячи рублей за полный проект обмундирования, а за проект отдельных частей обмундирования по пятьсот рублей.

Читая это положение о конкурсе теперь, нельзя не удивляться его спокойному и деловому тону. Просто поразительно, как можно было в ту пору заниматься такими, казалось бы, пустяками, как «спортивно-строгий и изящный стиль» будущей формы, затевать канитель с девизами конкурсантов, созданием жюри, привлечением экспертов и т.п.

К сожалению, установить имена всех участников конкурса не удалось — многие девизы так и остались нерасшифрованными, хотя точно известно, что в нем принимали участие такие известные художники, как Васнецов и Кустодиев. Известно и другое — работ было выставлено много, очень много. Эскизы большинства образцов формы сохранились. Благодарить за это надо З. З. Виноградова — фотографа Комиссии.

Всмотритесь в эти фотографии. Почти каждый проект навеян гарью пороха, свистом сабель, бешеным галопом конницы и неповторимой русской удалью.

Очень оригинальные эскизы предложил Борис Кустодиев. На одном рукой художника написано: «*летняя, лагерная или походная*» — укороченные брюки, гольфы, несколько американизированная шляпа. Или такой вариант: мундир, белая рубашка, галстук, мягкая шляпа или картуз. Здесь же образец осенне-зимней формы: те же короткие брюки, гольфы, укороченная шинель и каскетка.

Другие предлагали форму романтического характера, напоминающую одежду наполеоновских солдат: здесь и кивер, и аксельбанты, и высокие узкие сапоги, и даже султан на шлеме... Еще один образец, он гораздо практичнее: шляпа, правда, напоминает тирольскую, и ее трудно представить на голове красноармейца, а вот застежки на гимнастерке, так называемые «разговоры», впоследствии прижились.

Сохранились и другие модели, совсем близкие к той форме, которая была узаконена в Красной Армии. Но вот что любопытно: почти все художники, предлагая самые смелые решения одежды, обували красноармейцев в лапти, хоть и кожаные... Сапоги республике пока что были не по карману.

В конце концов «на вооружение» взяли проект, составленный из нескольких.

С головным же убором дело обстояло сложнее. Кроме каскеток и шляп были предложены образцы, в основе которых лежала форма русского богатырского шлема. Именно в таких шлемах изображены богатыри на известной картине В. Васнецова. Но были в русском воинстве и другие шлемы, так называемые куячные — их делали из тонкого войлока. Именно поэтому они были по карману простому ратнику.

Окончательный вариант головного убора красноармейца, как и форму одежды, скомпоновали из нескольких. В его основе — силуэт куячного шлема и шлема богатырского, выкованного из металла, с кольчугой, прикрывающей глаза, и назатыльником.

Конкурс продолжался до самой зимы — так много было прислано образцов. Наконец, 13 декабря 1918 года публикуется

ПОСТАНОВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ

«По докладу председателя комиссии по выработке форм обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии от 17 сего декабря за № 113 с приложением доклада Специального отдела Комиссии за № 42:

а) Утвердить представленный Специальным отделом тип головного убора...

б) Поручить Комиссии составление приказа с приложением подробных описаний, чертежей, рисунков и лекал.

в) Заказать распоряжением Комиссии через Главное военно-хозяйственное управление первую партию в 4000 штук головных уборов для передачи в части войск по выбору и распоряжению Реввоенсовета.

ОПИСАНИЕ ГОЛОВНОГО УБОРА ДЛЯ Р.-К. КРАСНОЙ АРМИИ

Головной убор состоит из колпака по форме головы, суживающегося к верху и имеющего вид шлема, и отгибающихся назатыльника и козырька. Колпак состоит из шести одинакового размера кусков мундирного сукна защитного цвета формы равнобедренного сферического треугольника, сшиваемых один с другим по боковым сторонам так, что вершины треугольника сходятся наверху в центре колпака, причем вершина колпака делается притупленной. В вершину колпака во внутрь вшивается круглая пластинка, обтянутая сукном, диаметром около 2 сантиметров.

Спереди к колпаку головного убора симметрично по отношению к козырьку пришивается пятиконечная звезда из цветного сукна, обращенная острым концом вверх. В центре звезды укрепляется значок-кокарда установленного образца с эмалью вишневого цвета».

С этого началось триумфальное шествие богатырки (так первое время называли новый головной убор) по фронтам гражданской войны.

Первыми ее надели молодые красноармейцы Иваново-Вознесенска. В конце 1918 года в этом городе объявили набор в отряд М. В. Фрунзе. Полк был очень быстро сформирован, одет в новую форму и отправлен на Восточный фронт в состав 25-й дивизии, которой командовал В. И. Чапаев. Но ивановововознесенцы упорно называли богатырку по имени своего командира — фрунзевкой.

И все-таки богатырка, а потом фрунзевка стала буденовкой. Когда и как это произошло? Почему красноармейцы так полюбили этот головной убор? Доходило до того, что матросы меняли бескозырку на буденовку! «Виноват» в этом, конечно же, сам легендарный командарм. К концу двадцатого года имя С. М. Буденного стало известно не только каждому красноармейцу, но и каждому белогвардейцу. Одно появление конников в буденовках вызывало у белых панику и растерянность. Ведь на клинках буденновцев были победы под Царицыном, Воронежем и Костромой, под ударами этих клинков полегла конница Мамонтова и Шкуро, офицерские отряды Добровольческой и Донской армий.

В архиве музея хранится фотография командного и политического состава Первой Конной армии после разгрома Деникина. Фотография сделана весной 1920 года в Майкопе. Здесь такие известные военачальники, как Тимошенко, Ворошилов, Буденный, Городовиков. Еще был жив и командир особого кавдивизиона Олеко Дундич. И вот что интересно: только два человека в буденовках — начальник 11-й кавдивизии К. И. Степной-Спижарный и военный комиссар этой же дивизии В.С. Харитонов.

Уж если все командиры и политработники (за исключением двоих, вернувшихся недавно с курсов из Москвы) не в буденовках, следовательно, в полках и эскадронах их вообще не было. Дело, видимо, в том, что конники все время в седле, а их обозы на колесах, значит, негде, да и некогда было развернуть мастерскую, которая могла бы обшить всю армию. А централизованное снабжение тогда еще только-только зарождалось.

Но на фотографии после польского похода 1920 года С. М. Буденный и его соратники уже в буденовках! Как раз в это время появляются стихи, песни и даже частушки, в которых буденовка становится непременным атрибутом красноармейца.

Журнал начинает новую серию публикаций «Консерватизм в России: прошлое, настоящее, будущее». Первый подступ к этой обширной теме мы сейчас предлагаем вниманию наших читателей. С автором ряда работ по данной проблематике кандидатом исторических наук Татьяной ФИЛИППОВОЙ беседует редактор отдела публицистики «Родины» Петр СПИВАК.

СВОБОДА И МЕРА

П.С. Предмет нашего с вами разговора, Татьяна Александровна, можно было бы смело назвать знамением времени. Еще несколько лет назад, в 1986 году, четырехтомный академический «Словарь русского языка» определял консерватизм достаточно незамысловато — как «приверженность ко всему старому, отжившему». Слово «консерватор» на протяжении многих десятилетий почиталось едва ли не бранным. И вот все стремительно переменилось: сегодня у нас с консерваторами дело обстоит так же, как с центристами — то есть, кроме консерваторов, никого уже, кажется, и не осталось. Если я и утрирую, то самую малость.

Первым в СССР, кто отважился публично объявить себя консерватором, был, помнится, Николай Шмелев — в одном из интервью как раз вскоре после своей громогласной статьи «Авансы и долги» он с вызывающим спокойствием мотивировал это тем, что не предлагает ничего нового, неслыханного, а только хорошо известное просвещенному человечеству. Потом были многие другие, ни в чем со Шмелевым не согласные. Например, Станислав Куняев. С его точки зрения, консерватизм — это сохранение духовных и нравственных традиций, защита Байкала и северных рек, спасение исторических памятников. И у многих тут же возник вопрос: если это так, то кто тогда не консерватор? Вот вам уже два полюса. И в те же годы стали у нас очень популярны, в том числе среди интеллектуалов, такие западные политики неоконсервативного толка, как Рональд Рейган и особенно Маргарет Тэтчер...

Но если все эти и многие другие люди, ни в чем не схожие меж собою, могут быть подведены под общий знаменатель консерватизма, то не фиктивно ли это понятие? Или, во всяком случае, консерватизм имеет значение и смысл не сам по себе, а по отношению к чему-то, и все дело в том, к чему именно. Это во-первых. Во-вторых: мы ведь все-таки толкуем о консерватизме на российской почве. Возможен ли у нас консерватизм творчески плодотворный, имеет ли он перспективы? Вот передо мной статья Николая Бердяева «Судьба русского консерватизма», увидевшая свет в декабре 1904 года. В России, пишет Бердяев, консервативные начала господствуют в жизни, подавляя носителя и творца всякой культуры — личность. Этот властвующий консерватизм не способен утверждать культуру и потому, по сути, нигилистичен. Приговор Бердяева — однозначный: консерватизм, начинавшийся в России со славянофильства, «умер в литературе, он не существует как идейное направление... Русский консерватизм невозможен потому, что ему нечего охранять».

Т.Ф. Тот консерватизм, идейную смерть которого констатирует Бердяев, возник в 80-е годы прошлого века. Именно тогда в России появилась активная, наступательная правая журналистика. Она-то и позволяет нам говорить о зарождении консервативной идеологии. Идеология же включает в себя такой непременный атрибут, как нацеленность на манипулирование общественным мнением, сознанием масс. Новая правая пресса как раз и выработала соответствующий агрессивный профессионализм, имеющий ориентиром сильное воздействие на читателя. Это уже черта цивилизации XX века, и притом не единственная в России в то время. Я бы сказала, что XX век начался у нас в 80-е годы XIX-го, — как ни метафорически это звучит. В этот период происходит важнейший процесс — политика оформляется как особая область жизни, где сосредоточена политическая деятельность в собственном смысле слова. Одновременно политизируется и неполитическая сфера: земские гласные — это уже будущие перводумцы, первые русские парламентарии. Все это разворачивается в условиях ускоренной модернизации русского общества, модернизации чудовищно жестокой. Если английский капитализм вырастал за счет индийской деревни, где в середине XIX века люди вымирали миллионами, то русский капитализм разорял деревню свою, русскую. Поэтому такой острой была необходимость политически самортизировать модернизацию, сделать ее контролируемой.

Это и есть поле деятельности для консервативной идеи. Надо было найти способ, как вести обновление наименее кровавым образом; при этом консерватизм оказывается связан не с интересами какого-то определенного класса или сословия, а защищает интересы всех, кто в данный момент более всего подвержен воздействию исторических процессов, кто непосредственно испытывает на себе и выстрадывает историю.

П.С. «Чем столетье интересней для историка, тем для современника печальней»...

Т.Ф. Вот именно. Поэтому над реализацией консервативной идеи так или иначе работали все слои общества и столь разнообразны были те консерваторы, которых режим призвал к проведению своей политики. Консерватизм вообще очень прагматичен, он исходит не из постулатов, а из практики. Он может использовать и либеральную фразеологию, как это делали, скажем, братья Милютины и другие реформаторы в эпоху Александра II. И тут начинаются затруднения с понятиями либерализма и консерватизма: в силовом поле российского государственного Левиафана эти понятия искажаются. Тех, кто разрабатывал и проводил в жизнь политику реформ 60-х годов прошлого века, в России считали либералами, но с точки зрения мировой политической культуры они были типичными бюрократами-государственниками. Реформы проводились усилиями государства, руками государства. Но такой чисто бюрократический, чисто институциональный подход имеет свои пределы, он поневоле ограничен. Нельзя все дела, вплоть до самого последнего, решать келейно, нельзя в бюрократических рамках осуществить полноценные реформы.

Собственно, такое положение в известном смысле противоречит и самой консервативной идее. Ведь к 60-м годам уже существовали реальные способы влияния общественности на власть. Мнение общества доводилось до сведения властей и в светских салонах, и через прессу (вплоть до герценовских изданий), и в различных временных комитетах.

П.С. *И по всяческим Столам*
Список бесконечный,
В Комитете по делам
Перестройки вечной...

Я что хочу сказать: хотя и существовали все эти каналы, дающие выход тому европейцу, который находится вне правительства, все же их роль была подчиненной по отношению к государству, они лишь обслуживали все ту же бюрократическую мнимую жизнь, — вот почему мне вспомнился «Теркин на том свете» Твардовского...

Т.Ф. Не стоит недооценивать эти непрямые инструменты воздействия общества на власть. Если хотите, здесь тоже сфера действия консервативной идеи. Была и есть в России и такая традиция: общественное мнение (не сам ли Александр Трифонович был его характернейшим для своего времени выразителем) и несколько мистическая боязнь прослыть заповедником деспотизма заставляют власть ответить на вызов времени. Беда в том, что ответ этот, при всей разумности конечных либеральных целей, бывает жестким и бесцеремонным по форме. Все время сталкиваются живое, органическое начало и неживое, функционально-бюрократическое. И процесс этот всегда драматичен — до боли. И потому возразить вам хочется словами другого поэта:

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

(Н. Гумилев. Молитва.)

П.С. Это так. Но мне кажется, что фундаментальное для отечественных консерваторов уподобление общества живому организму — штука весьма коварная. Организм — это все-таки неделимое целое, и сравнение социума с ним может завести прямиком в тоталитарные дебри. К тому же метафоры часто используются в функции аргумента или отправной точки рассуждения, что, по-моему, тоже неверно. Вот Солженицын говорит, что мы спускаемся с горы тоталитаризма в долину и поэтому должны двигаться медленно, чтобы не расшибиться. Ну а если принять другую метафору — скажем, преодоление пропасти? Тогда как? Уже получается другой образ действий? Еще пример. В одном из недавних номеров нашего журнала читаю: «спасение страны возможно только на пути отстройки нового здания на прочном, выдержавшем уже тысячу лет, «дедовском» фундаменте». Оставим даже в стороне вопрос о том, выдержал он или не выдержал. Никакого «фундамента», никакого «базиса» или там «надстройки» в обществе просто нет, в нем и «главное», и «второстепенное» постоянно меняются местами и пересматриваются. И реально вопрос стоит так: или общество обладает необходимой способностью к самоизменению — и тогда оно развивается более или менее плавно, эволюционно; либо оно такой способностью не обладает — и тогда изменения все равно будут происходить, но уже революционным, катастрофическим путем. Что мы, увы, и имеем.

Т.Ф. Конечно. И в этом смысле очень негативную роль в нашей истории сыграло отсутствие признанной властью оппозиции. То, что пытался сделать Столыпин, было уже безнадежно поздно. Но сама по себе программа была хорошая, с перспективным расчетом сделать земледельческие сословия опорой национального единства. За два десятилетия до этого другой консервативный политик — британский премьер Бенджамин Дизраэли — также сделал в проведении модернизации упор на единство сельских классов, всего сельского населения. Вообще в европейской политической культуре того времени практиковались одни и те же приемы преодоления кризисов. Но Россия здесь безнадежно запаздывала — консерватизм у нас не успел стать просвещенным.

П.С. Знаете, по-моему, когда какое-то понятие требует дополнения эпитетом «просвещенный», то что-то с этим понятием не так. Выходит, само по себе оно еще не обладает просвещенностью и нуждается в смягчении ею. Вроде рецепта самогона, который гонит один персонаж у Войновича: кило дерьма, кило сахара. Это если «просвещенный» — причастие, то есть мы хотим передать момент привнесения нового качества. А надо, чтобы «просвещенный» было прилагательным, то есть обозначало имманентное свойство консерватизма. Такой консерватизм — это разновидность просвещения. Консервативное просвещение, скажем так.

Т.Ф. Я как раз и имела в виду, что имманентным

свойством консерватизма просвещенность стать в России не успела. Не успел состояться на рубеже веков консервативный синтез — соединение консервативно-стабилизирующего начала с консервативно-реформаторским. А после 1917 года произошло просто выпадение из европейской цивилизации, и о консерватизме заговорили только теперь.

П.С. А как вы думаете, кто у нас сейчас консерватор в европейском смысле этого слова?

Т.Ф. На рубеже 1991—1992 годов немецкий философ Гюнтер Рормозер в беседе с одним из наших политологов сказал, что настоящими консерваторами он видит в сегодняшней России Ельцина и его команду. Консерваторами не в плане сохранения статус-кво, а в плане содержательном. Коммунизм — это строй, находящийся по ту сторону добра и зла, строй, к которому вообще неприменимы западные понятия «консерватизм», «либерализм» и так далее; его описание требует совершенно другого языка. Поэтому возврат к нормальному социальному устройству есть акт и консервативный по своему содержанию, и возвращающий смысл самому консерватизму как явлению. И если считать российской традицией сильное государственное реформаторство, то ельцинское руководство действует именно консервативными методами — со всеми их достоинствами и слабыми сторонами, о которых мы уже говорили.

П.С. Само собой, консерватизм опирается на традиции. Но как быть с теми переменами, которые происходят сейчас в самом способе нашего осмысления истории? Уходят понятия общей (коллективной) исторической судьбы, предначертанного пути, самого смысла истории, все настоятельнее вступает в свои права плюралистическая картина мира. Какие изменения могут претерпеть в этой связи представления о традиции, о консерватизме?

Т.Ф. Трудно сразу сказать... Вероятно, консерватизм будет решать свою извечную задачу сбережения лучшего как-то совсем иначе, на другом уровне. Само творческое начало консерватизма усилится и образует, видимо, какой-то новый тип консервативности.

Важно при этом, чтобы консерватизм не превратился ни в утопию, ни в моду. Срыв в моду ведет к расточению содержания, разрушает прагматическое начало. Утопизм грозит обществу своеобразным «схлопыванием». Он, строго говоря, чужд самому общественному назначению консерватизма.

Можно сказать так: существуют три типа политико-культурного реагирования. Функция социализма в обществе — прогностическая, идеальная. Социализм устремлен к далекому будущему. Либерализм решает проблемы завтрашнего дня, указывает вектор наших завтрашних действий. Консерватизм же имеет дело с днем сегодняшним и выполняет в обществе функцию, так сказать, «защиты от дурака» — с тем, чтобы нам в наших поисках не утратить чего-нибудь важного и ценного. Консерватизм — это не что иное, как мера. И сама свобода, по слову Георгия Федотова, есть мера для поисков еще не обретенного.

П.С. Кстати, о соотношении традиции и свободы. Помните, у Фазиля Искандера в рассказе «Широколобый» мудрый буйвол, когда его везут в грузовике на бойню, замечает, что нарушен оказался очень важный закон жизни: то, на чем стоят ноги, должно быть неподвижным. То есть весь смысл опоры на твердую неподвижную почву, на традицию — в том, чтобы быть свободным, а не влекомым куда-то чужою волей. Консервативное начало оказывается ценностно подчиненным либеральному по сути своей требованию — чтобы человек мог «по своей глупой воле пожить», как говорил герой Достоевского.

То, что мы сейчас зафиксировали, — это консервативный аспект либерализма. Либеральные ценности оказываются в то же самое время консервативными, и консерватизмом в лучшем смысле слова является, таким образом, действительно глубоко продуманный, обоснованный и выношенный либерализм.

Т.Ф. Я бы воздержалась от слов «подчиненный» и «аспект». Так не разобраться ни с соотношением понятий либерализма и консерватизма, ни с характером их взаимного воздействия в политике. Ведь речь идет о двух разных т и п а х реагирования на реальность, имеющих общую цель — сберечь эту самую реальность от социальных и иных потрясений. При единстве нравственных ориентаций различия проявятся в характере их в ы р а ж е н и я. О том, сколь эти различия окажутся серьезны, судите сами: то, что для либерала — «закон», для консерватора — «заповедь»; там, где либерал обнаружит «преступление», консерватор увидит «грех». Пример, конечно, условный, но лексически точный.

П.С. Я имею в виду, что консерватизм может быть аспектом либерализма в каком-то конкретном случае; в целом же это явления, лежащие в разных плоскостях: либерализм — это все-таки мировоззрение, о консерватизме же этого сказать нельзя, он может быть присущ разным мировоззрениям.

Т.Ф. Да. И на практике как раз самое ценное — это то, что консерватизм творческий как образ мысли хранителей не является идеологией, некоей уцененной философией «охранительства». Он может быть атрибутом самых различных воззрений, способом политического поведения, основанным на двух главных принципах — приверженности к тому, что выдержало проверку временем, и вере в бессознательную мудрость предков.

П.С. Но можно ли эту самую мудрость принимать на веру, если мы говорим, что творческий консерватизм должен отбирать в прошлом лучшее и перспективное. Так, может быть, нынешний консервативный синтез, в котором соединятся свобода и мера, демократия и порядок, должен взыскательно переосмыслить традицию?

Т.Ф. Может быть, если только раньше традиция не переосмыслит нас самих. Помните, у Честертона: «Откуда взяли, что демократия не в ладу с традицией? Ведь ясно, что традиция — единственная демократия, прошедшая сквозь века.<...> Традиция расширяет права; она дает право голоса самому угнетенному классу — нашим предкам».

ЕКАТЕРИНА ХОХЛОВА

КРАЖА ЗРЕНИЯ

1 сентября 1919 года в Москве открылась Первая государственная школа кинематографии. А через несколько месяцев в ней появился молодой человек в коротком полушубке и сдвинутой набекрень папахе. Звали его Лев Владимирович Кулешов.

Несмотря на молодость (в январе 1920-го ему исполнился 21 год), Кулешов имел значительный опыт работы в кино. В 1916 году, продолжая учебу в училище живописи, ваяния и зодчества, он был принят в качестве художника-декоратора в одну из крупнейших российских кинофирм «А. Ханжонков и К°», где за два года участвовал в создании двенадцати картин таких известных постановщиков, как Е. Бауэр, Б. Чайковский, А. Громов и других. Несколько раз снимался как актер. В начале 1918 года опубликовал ряд теоретических статей, в которых заявлял, что кино — это искусство, имеющее свою специфику, а его основное выразительное средство — монтаж.

Эти статьи и снятый им вскоре первый самостоятельный фильм «Проект инженера Прайта», где впервые в русском кино использовались выразительные возможности монтажа, создали Кулешову в кинематографической среде репутацию его единственного энтузиаста и «знатока». Именно поэтому в начале 1919 года режиссер В. Р. Гардин предложил ему работу в Московском кинокомитете — сначала в качестве заведующего секцией перемонтажа, а затем и отделением хроники.

При этом Кулешов продолжал мечтать о художественной кинематографии, о новом актере, который должен воздействовать на зрителя «не только игрой лица, но и игрой всего тела: выразительностью линий»[1].

Поиски возможности воспитания такого актера привели Кулешова в киношколу, где поначалу существовал всего один класс — «натурщиков», как тогда называли кинематографических актеров в отличие от театральных. На уроках пластики он сразу обратил внимание на высокую, очень ритмичную женщину в оранжевом хитоне, которую за худобу прозвали в школе Бомбейской Чумой. Это была Александра Сергеевна Хохлова.

Педагогическая деятельность Кулешова началась с подготовки к переэкзаменовке группы провалившихся на экзаменах студентов. Поставленные им этюды, построенные на быстром действии, были настолько не похожи на принятую в школе театральную манеру игры, что принесли удачу и двоечникам, получившим отличные оценки, и самому Кулешову — он был приглашен на постоянную преподавательскую работу.

Вскоре Кулешов узнал, что двое студентов киношколы спародировали один из поставленных им отрывков. «То, что я увидел, было

поистине великолепно. С едкой иронией, весело и остроумно, необычайно ритмично и четко по движениям студенты воспроизвели мою постановку. Это сделали Александра Сергеевна Хохлова и ее партнер Александр Рейх»[2].

Сыгранный ими этюд явился одним из «гвоздей программы» первого показательного вечера Госкиношколы, который состоялся 1 мая 1920 года. А для Кулешова и Хохловой этот день стал первым днем их союза — творческого и семейного, который продолжался пятьдесят лет. Судьба этих людей сложилась трагично.

Книга их воспоминаний под названием «50 лет в кино» начинается с обращения к кинематографической молодежи, где есть такие слова: «Мы видели счастливых людей, и это сделала наша работа. Значит, не зря прожиты наши жизни».

И хотя ни одно исследование по теории кинематографии не обходится без упоминания имени Кулешова, созданной им мастерской, его открытий в области монтажа (самое известное из них вошло в мировое киноведение под названием «эффект Кулешова»), а его книги «Искусство кино», «Практика кинорежиссуры», «Основы кинорежиссуры» до сих пор служат учебным пособием для студентов кинематографических вузов во многих странах мира, неосуществленных замыслов в творческом наследии художника числится во много раз больше, чем поставленных фильмов.

Гораздо сложнее оказалась творческая судьба Александры Сергеевны Хохловой. В 1926 году В. Шкловский писал об этой актрисе: «Есть в мире несколько десятков киноактеров. Для них пишутся сценарии, потому что самое их движение, их способ передачи ощущения — это есть искусство. К числу этих людей и принадлежит Хохлова»[3].

Еще определеннее тогда же высказал свое мнение о ней С. Эйзенштейн: «Хохлова — это, конечно, единственное в своем роде, быть может, стоящее серьезного упоминания актерское дарование на сегодня.

Это — ставка на мастерство. И к тому же — резко свое. Это — не «советский Вейдт» или «советская Пикфорд».

Америка, Европа этого не знают, этого не имеют. <...>

Хохлова может сделать жанр.

Хохлова именно тот материал, «под» который можно делать свои картины.

Это то «нерядовое» (экстраординарное), за что умный хозяин платит большие деньги и на чем зарабатывает в десятки раз больше.

За границей учредили бы Акц. О-во «Хохлова-фильм». А у нас это сдается в пыль реквизиторских»[4].

Между тем за пятьдесят лет работы в кино Хохлова снялась всего в девяти фильмах. Еще три сняла сама как режиссер. И на протяжении всех этих лет преподавала вместе с Кулешовым в институте кинематографии, так и не сыграв всех тех ролей, которые могла бы сыграть.

Фильмы Кулешова неоднократно закрывали и запрещали, обвиняя их в «идеологической невыдержанности» и «формализме». Ему не разрешали снимать Хохлову — сначала мотивируя это тем, что ее внешность не понравится советскому зрителю, потом тем, что режиссер не имеет права снимать свою жену. Кулешов спорил, писал начальству отчаянные письма, пытаясь объяснить, почему так важно для него, как режиссера, участие в той или иной картине именно этой актрисы.

Одна из самых драматических историй в жизни Кулешова и Хохловой связана с фильмом «Кража зрения», который был снят в 1934 году, но так и не вышел на экраны. В основу сценария лег одноименный рассказ писателя Л. Кассиля о судьбе неграмотной крестьянки, сбежавшей в город от преследований кулака и прозревающей по мере овладения грамотой. Руководство фабрики «Межрабпомфильм», где с 1928 года работал Кулешов, утвердило сценарий с категорическим условием — не снимать Хохлову. Узнав об этом, Лев Владимирович обратился с письмом к одному из руководителей фабрики, Я. С. Зайцеву*:

«Яков Спиридонович,

Лет 8—9 тому назад Алейников требовал, чтобы я не снимал Хохлову в ролях героинь, потому что она недостаточно красива. Я вынужден был уехать и прекратить работу, потому что вопросом моей художественной совести было работать в искусстве честно.

Воспользовавшись моей безработицей, Алейников в момент моего безнадежного состояния вынудил меня снова поступить в «Межрабпом-Русь» и работать так, как он прикажет.

Мне нечего было есть, и я согласился.

Хохлову я не снимал.

По предложению Алейникова, санкционированному партийным руководством, я снял «Веселую канарейку», «Два-Бульди-два» и «40 сердец». За эти картины меня бесконечно и бесчеловечно прорабатывали и довели до исступленного состояния.

Максимум моральной подавленности у меня был при съемках картины «Горизонт», когда я был на грани самоубийства.

Но подавленное мое состояние не мешало мне всегда работать ударно и дисциплинированно, что доказывает мое честное отношение к революции, к партии, к Советской власти.

После 23-го апреля в моей жизни наступил перелом. Тов. Динамов говорил со мной, обещал помощь, говорил о несправедливом отношении к Хохловой и обещал спокойную и хорошую работу.

На этом основании я снял ударно, в два месяца (вместо года), на советской пленке картину «Великий утешитель».

Хохлова в нем играла, и, судя по отзывам прессы, хорошо.

В то же время я снял ее почти насильно, потому что директор студии требовал, чтобы я снимал другую актрису.

После «Утешителя», когда для меня не было приготовлено ни одного сценария и когда мне порекомендовали сценариста т. Платошкина, обещавшего написать сценарий через год, я не считал возможным для себя, как для ударника, сидеть без работы. Я

* Письмо дается с сокращениями.—*Ред.*

ФОТОЭТЮДЫ Л.В.Кулешова

Лев Кулешов. 1901.

Лев Кулешов. 1916.

Л.В. Кулешов. 1966.

нашел рассказ Кассиля «Кража зрения» с замечательной ролью для Хохловой, ролью бесспорной, потому что она там не должна была быть ни красивой, ни молодой, ни толстой.

Художественное качество работы Хохловой отмечалось и у нас, в СССР, и в Европе, и в Америке, этого, мне кажется, достаточно для того, чтобы я имел право ее снимать.

Но, сдав дирекции сценарий и согласовав его и актрису, я не предвидел, какие начнутся для меня испытания.

Рассказ Кассиля получил первую премию на конкурсе предсъездовских рассказов и идеологически хотя бы на основании этого должен был быть безупречным.

Но по телефону т. Динамов мне заявил (правда, как личное мнение), что сценарий является поклепом на Советскую власть.

Далее начинается непонятное. Сценарий утверждается комиссией тов. Стецкого и утверждается как хороший.

Как может настолько расходиться мнение комиссии и зав. сектором искусства культпропа ЦК ВКП(б)?

Я ничего не понимаю.

Далее оказывается, что в этом случае я не могу снимать Хохлову. А где же обещания т. Динамова, данные им после 23-го апреля?

А зачем же меня и Хохлову обманывали?

Разве такая эмоциональная актриса может испортить специально сделанную для нее роль немолодой и некрасивой женщины?

Разве у нас в СССР необходимо снимать мармеладных, но бездарных красавиц?

Разве эмоциональное лицо, осмысленное и выразительное, не показательно для советской женщины?

А т. Хохлова, наверное, его имеет, потому что она образцовая работница и ударница, и в силу этого не может быть с лица кретинкой и идиоткой.

А творческие качества Хохловой отмечены прессой всего мира, может быть, в этом надо сомневаться?

Я ничего не понимаю.

Я вижу, что мне и Хохловой нельзя вместе работать.

А я считаю, что художник должен работать так, как он хочет, но так, чтобы его работа шла на пользу социалистическому строительству. Почему же мне и Хохловой затыкают рот? И что от нас хотят?

Некоторые уверяют, что если бы Хохлова не была моей женой, то все было бы иначе.

Но и это неправда.

Мои товарищеские отношения с Хохловой возникли на почве киноработы и киноидей.

И я, и Хохлова можем заработать себе кусок хлеба, но на что он нам, когда мы не в состоянии по приказу свыше работать в нашем ремесле для социализма?

Неужели нельзя надеяться после 23-го апреля на творческую свободу художникам, пытающимся энтузиастически идти в ногу со всеми строителями социализма?

Неужели нельзя нигде найти ни помощи, ни понимания, ни человеческого сердечного отношения?

Вне нашего общего дела, нашего ремесла и для меня, и для Хохловой нет жизни.

Поймите же Вы это.

Поймите, как большевик и как руководитель фабрики, работая в которой я с Хохловой были всегда примерами настоящего отношения к делу. Премируйте нас, помимо часов и денег, вниманием и пониманием. Постарайтесь понять, где находятся грани оскорблений и издевательства и не принимайте их за признаки разумного руководства.

А еще вспомните рассказ про цыгана, который приучал лошадь не есть — лошадь сдохла.

Человек тоже может устать, даже тогда, когда это ему совсем не хочется. У Джека Лондона есть место в каком-то рассказе о чрезвычайно тяжелом переходе через лед: «Собаки были другие — ведь надо отдохнуть и собакам, а люди были те же».

Эта цитата была «путеводной звездой» — идеей моей и Хохловой жизни в революционной советской кинематографии. Но, кажется, мы не нужны больше. И наши идеи тоже — я толст, а Хохлова худа.

За собаками приходит наша очередь уставать. Ну что ж, мы устали... Спасибо!»[5]

Руководству «Межрабпомфильма» доводы Кулешова не показались достаточно убедительными, и был отдан приказ найти другую актрису.

Последняя, совсем небольшая роль Хохловой была в фильме Л. Кулешова «Сибиряки» в 1940 году.

«Почему же мне и Хохловой затыкают рот? И что от нас хотят?»

Хотели, вероятно, только одного: чтобы два талантливых человека перестали быть личностями.

Кулешову эта ломка давалась труднее, чем Хохловой. У него бывали эмоциональные срывы, порой он шел на компромиссы, иногда совершал поступки и говорил слова, в которых потом горько раскаивался. Но никогда не боялся признаться в своих ошибках. Александра Сергеевна все удары переносила стоически.

Ни одной жалобы, ни одного упрека никогда не слышали окружавшие ее люди. И вместе с тем она прекрасно знала, чего она стоит.

Настоящая звезда, она была необыкновенной во всем: в манере двигаться, говорить, смеяться, рассуждать о жизни. Ее непохожесть проявлялась и во внешнем облике: копна ярко-рыжих волос, мини-юбки и брюки, которые не носил или еще никто или уже никто из женщин ее возраста... Такой она была всегда — с детства и до глубокой старости, чем вызывала у некоторых непонимание и раздражение, но у тех, кто чувствовал и ценил красоту и талант,— всегда восторг. Недаром Александру Сергеевну писали в разные годы такие художники, как В. Серов, Ф. Малявин, М. Ларионов, А. Лентулов.

Безусловно, в формировании личности Александры Сергеевны огромную роль сыграли семья и среда. Ее отец Сергей Сергеевич Боткин был старшим сыном знамени-

ФОТОЭТЮДЫ Л.В.Кулешова

А.С.Хохлова и С.Хохлов.

А.С.Хохлова и В.И.Пудовкин.

того врача Сергея Петровича Боткина. Мать Александра Павловна — дочерью знаменитого собирателя Павла Михайловича Третьякова.

Разве могла Шура Боткина не заметить и пройти «мимо искусства», когда с раннего детства в своем петербургском доме девочка видела картины и рисунки русских художников, которые коллекционировал отец, слышала музыку в исполнении дяди — пианиста Александра Зилоти, двоюродного брата Сергея Рахманинова, смотрела, как рисует другой дядя — Лев Бакст, встречала близких друзей родителей — С. Дягилева, А. Бенуа, Ф. Шаляпина, В. Серова и многих-многих других.

В Москве родными домами для нее были Третьяковская галерея, Художественный театр — Боткины очень дружили с К. С. Станиславским и М. П. Лилиной, со многими «художественниками». Недаром в конце концов Александра Сергеевна вышла замуж за актера МХТ Константина Павловича Хохлова и переехала в Москву.

Встреча с Кулешовым перевернула жизнь Хохловой, хотя Лев Владимирович сформировался не в такой среде, как Александра Сергеевна: выходец из обедневшей дворянской семьи, он родился и рос в тихом провинциальном Тамбове, рано остался без отца и познавал мир по иллюстрированному журналу «Нива» и романам, которые издавались как приложение к нему. Поездка в Москву, в гости к старшему брату, учившемуся в инженерном училище, музеи и особенно театры потрясли мальчика, и он решил стать театральным художником. После переезда в Москву Кулешов в поисках работы оказался на кинофабрике.

К тому времени, когда Лев Владимирович пришел в киношколу, он имел четкую программу преобразования кинематографии. Он считал кино тем искусством, которое наиболее органично связано с современностью и должно отражать психологические проблемы времени. Но создать кинематографическую эпоху, как писал Кулешов в одной из своих статей, можно только через познание формы. «Через совершенство мастерства — путь к разрешению больших сценарных планов»[6]. А овладеть мастерством можно, лишь получив специальное систематическое образование.

С присущей ему энергией и увлеченностью Кулешов взялся за развитие своей программы. В его мастерской, или «экспериментальной лаборатории», как еще называл ее Лев Владимирович, учились А. Хохлова, В. Пудовкин, Б. Барнет, В. Фогель, Л. Оболенский, С. Комаров, П. Галаджев, Г. Кравченко. Будущие знаменитости советского кино обучались всему: законам композиции и монтажу, установке света и гриму, боксу и акробатике. Достать кинопленку было практически невозможно, но Кулешов раздобыл 90 метров и снял со своими учениками шесть монтажных экспериментов. Кроме того, Кулешов придумал, как на специально оборудованной сцене показать короткие этюды так, чтобы они смотрелись, как на экране. В 1922 году «фильмы без пленки» имели не меньший успех, чем спектакли В. Мейерхольда, Е. Вахтангова или А. Таирова. Корреспондент газеты «Берлинер Тагеблатт» П. Шеффер так описал свои впечатления от увиденного: **«Все впечатляет, все согласовано, и всем руководит режиссерская воля, здесь та же светлая цель, та же вера в высокое искусство, как и в Художественном театре, но в своем стиле, показанные новыми методами. В крошечном зале, на плохих стульях сидели лучшие представители художественного мира Москвы. С большой внимательностью и с неутомимым пониманием они следили за происходящим действием. Это была семья тесная, одной художественной веры. И все это происходило в наскоро приспособленном помещении на третьем этаже какого-то прежде доходного дома.**

В духовной России встречаются такие явления. В тисках нужды многое погибло, но лучшее, оттесненное к первоисточникам, закалилось и окрепло.

Играли очень хорошие актеры. Постановка поразительных режиссеров. «Наш режиссер — наша душа».

Но вне всяких пределов игра госпожи Хохловой. Очень интересный тип: невероятно узкая, худая и элегантная, лицо — нечто среднее между Кокленом и нашим представлением о маркизе фон О. Клейста.

Актриса с совершенной мимикой. В белых шелковых, много раз штопанных чулках, с прежних времен сохранившимся гардеробом, она создала законченный образ одушевленной тени. Полная естественностью в зависимости от музыки, которую можно было бы назвать зависимостью музыки от нее, и с чисто гениальной простотой. Великолепная игра глаз, неописуемая молниеносность взгляда.

И все это, когда я после наплыва откровений отдал себе отчет, совершалось по строгим законам, которые тот кружок открыл и преследует. При этом полная непринужденность. Беспрерывное вдохновение. Наряду со многими достойными подражания — неподражаема. Я счастлив был встретить такое явление в Москве.

Счастливая своей бедностью Москва! В ней не воздвигается дворцов времени Потемкина и Старого Лондона. Вместо этого Москва принесет в Европу высокую кинематографию, которая создается этими людьми в киношколе»[7].

Осенью 1923 года мастерская Кулешова получила наконец возможность снять полнометражный игровой фильм — комедию под названием «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков». Это была первая советская трюковая картина (все трюки актеры исполняли сами, без дублеров) со множеством погонь, драк, забавных приключений, в которые попадает наивный американец, впервые приехавший в Россию и сразу оказавшийся в лапах шайки хитроумных бандитов. Хохлова играла роль Графини, которая должна завлечь мистера Веста в логово шайки и выманить у него все имеющиеся в наличии доллары.

Рисунок Л.В.Кулешова к спектаклю «Судьба», 1921.

Рисунок Л.В.Кулешова к фильму «Великий утешитель».

Л.В.Кулешов и А.С.Хохлова.

За «Вестом» последовали детектив «Луч смерти», драмы «По закону» (по рассказу Джека Лондона «Неожиданное») и «Ваша знакомая». Во всех картинах Хохлова исполняла главные роли. Но в 1928 году появилось распоряжение свыше — Хохлову не снимать.

Конечно, наивно думать, что запрет на нее как на актрису связан был с внешностью Александры Сергеевны. Прежде всего, сказалось ее происхождение: по всем параметрам Хохлова не могла не оказаться «лишенкой» — так называли лиц, лишенных избирательных прав: бывших титулованных, фабрикантов, священнослужителей и прочих, и прочих. Почти все оставшиеся в России знакомые и родные Александры Сергеевны оказались «лишенцами», в том числе даже К. С. Станиславский. А разве «лишенка» могла быть звездой советского экрана? Припомнили ей и дядю Евгения Сергеевича Боткина, расстрелянного в 1918 году в Екатеринбурге вместе с Императорской семьей, и уехавших родственников.

Другая причина ее изгнания с экрана заключалась в эстетике кулешовских картин, которые ставили слишком много вопросов — о добре и зле, об ответственности человека за происходящее, о праве выбора. В последнем фильме Л. Кулешова, снятом с участием А. Хохловой («Великий утешитель», 1933 год), ее героиня произносит такие слова: «Меня выгнали и никогда больше не возьмут на работу, потому что я некрасивая и худая». А резюмирует фильм вывод главного героя: «Никогда, никогда я не смогу написать то, что я знаю, то, что надо написать. Но, может быть, когда-нибудь придет другой, придут другие...»

И все же Лев Владимирович Кулешов и Александра Сергеевна Хохлова были действительно счастливыми людьми, поскольку их талант проявлялся во всем: в умении радоваться жизни, любить и ценить людей. И в этом, наверное, главная разгадка их противоречивых, разноликих и в самом деле фантастических судеб.

А. С. Хохлова в фильме «Ваша знакомая».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кулешов Л. Искусство светотворчества (основ ы мыслей). // «Киногазета». 1918. № 12.
2. Кулешов Л., Хохлова А. 50 лет в кино.// М., 1975. С. 45.
3. Шкловский В. А. Хохлова. М., 1926.
4. Эйзенштейн С. Как ни странно — о Хохловой. М., 1926.
5. Оригинал письма хранится в РГАЛИ (Ф. 2679. Оп. 1. Ед. хр. 499. Л. 16—18).

Алейников Моисей Никифорович (1885—1964) — один из организаторов художественного коллектива «Русь», реорганизованного в акционерное общество «Межрабпом-Русь», затем — «Межрабпомфильм».

«Веселая канарейка» (1929), «Два-Бульди-два» (1929, вып. 1930), «Сорок сердец» (1930) — фильмы, поставленные Л. Кулешовым на «Межрабпомфильме».

«Горизонт» был снят в 1931—1932 гг. на «Межрабпомфильме» и выпущен в 1933 г.

23 апреля 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций».

Динамов Сергей Сергеевич — (1901—1939) — литературовед, в 30-е годы зав. сектором искусств отдела культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б)

Стецкий Алексей Иванович (1896—1938)— партийный деятель. В 1930—1938 гг. зав. агитпропотделом ЦК ВКП(б), с 1933 г. возглавлял Кинокомиссию Оргбюро ЦК ВКП(б)

6. Кулешов Л. Прямой путь (дискуссионно). //«Киногазета». 1924. № 48.
7. Шеффер П. Театральные впечатления в Советской России.// «Берлинер Тагеблатт». 1922. № 117.

Дом

ФОТО АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

Неугасимый свет иконы

Никуда не денешься, влюбишься и женишься...

В ладу с собой и миром: десятилетия на необитаемом острове

ВИКТОРИЯ ГОРШКОВА

СВЕТОНОСНАЯ ПАЛИТРА

По мнению исследователя М. В. Алпатова, иконы своими красками «приоткрывают завесу над тем блаженством, которое... связывалось с представлением о рае»[1]. Действительно, богатство красочной палитры иконописца отразилось даже в названиях цветов. В иконописных подлинниках встречаем «маковый», «соломенный», «сахарный», «огненный», «жаркий», «рудо-желтый» цвета — все чарующее разнообразие окружающей природы. Рай в народной духовной поэзии представлялся в виде прекрасного сада:

На древах сидят птицы райския,
Поют песни царския.
И гласы, де, гласят архангельски;
Прекрасный рай ваш красуется,
И птица вся радуется[2].

В послании новгородского архиепископа Василия к тверскому владыке Феодору 1347 г. рассказывается, что новгородцы видели земной рай: «и свет бысть в месте том самосиянен, яко не мощи человеку исповедати... светлуяся паче солнца»[3]. Этот свет горнего мира передает в иконе золото. «Золото полуденного солнца, — писал Е. Н. Трубецкой, — из цветов цвет и из чудес чудо. Все прочие краски находятся по отношению к нему в некотором подчинении и как бы образуют вокруг него «чин»[4]. Золотой фон — вот первое, что появляется, когда икоиописец создает икону. Мастер как будто воспроизводит образ сотворения мира: как божественный свет вызывает к жизни видимые формы, так и «света» иконы рождают ее изображение. Золотой фон иконы — на редкость емкий символ. Золотое блистание зримо являло далекий от земного мира, но реальный мир духовных сущностей. «Солнце правды», «праведное солнце Христос» — устойчивые и постоянные эпитеты Божества. Светоносность золота, его драгоценность и неподверженность тлению — все как нельзя более точно соответствовало представлениям о небесном мире. Золото нимбов — образ пребывания в мире вечного света, прославления святого. Золотой ассист[5] — «силовые линии» божественных энергий (П. Флоренский). Ассистом разделаны крылья ангелов в «Троице», книга в руках Спасителя, одежды младенца Христа, когда подчеркивается мысль о Предвечном младенце. Ризы Христа в Воскресении-Сошествии во ад, Преображении, Вознесении также пронизаны тонкими золотыми лучами. В иконах Успения Богоматери при помощи ассиста иконописец противопоставляет запредельное и здешнее. Дева Мария изображается на одре в темной ризе, а в верхней части композиции Богоматерь представлена вознесенной на небеса, прославленной, в одеждах, лучащихся золотом[6]. Иногда золото заменял в иконе желтый — «златовидный» цвет.

Феофан Грек.
«Богоматерь Донская».
Вторая половина XIV века.

Противоположностью свету является тьма. Тьма — не только завершение любого явления, конец и смерть. Оппозиция свет — тьма еще в византийской эстетике означала знание — незнание, добро — зло, прекрасное — безобразное. Тьма безвидна, бесплодна, поэтому черный цвет символизировал ад. В популярном на Руси с XII века апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» рассказывается, что Богоматерь, желая узнать, каким мучениям подвергаются грешники, спустилась в преисподнюю, в «тму велику». Ангелам, «стерегущим муку», было поручено: «да не видят света грешники». В образах Страшного Суда ад изображается в виде черной ямы или зубастой пасти, куда черти неумолимо влекут грешников. Часто на темном фоне ада представлены и мучения, которые так ярко описаны народной духовной поэзией:

Мразы им будут лютые...
Котлы им будут медные...
Змеи груди их высосаемы
И сердце вытягаемо.
Смола им кипучая...
Язык в темя вытягнут,
И за языки повешены
На удах железных...
То им мука вечная,
Житие бесконечное[7].

Черным цветом изображали пещеру под Голгофой в композициях Распятия. В пещере представляли череп и кости Адама, который, по преданию, был погребен под Голгофой. Кровь распятого Христа, омыв останки Адама, искупила грех ослушания Божества; жизнь побеждала смерть.

Выразительным противопоставлением жизни и смерти было изображение белой спеленутой фигуры на фоне черной пещеры. Такая иконографическая формула воплощена в композициях «Воскрешение Лазаря» и «Рождество Христово».

В отличие от черного, чья символика была однозначной, красный цвет обладал разнообразием смыслов. Да и сами оттенки красного поражают своим богатством: алый, багровый, червчатый, кармазинный, смородиновый, брусничный. Красный — цвет пламенности, огня, животворного тепла, жизни. Как будто оправдывает свое наименование (пламенный) огненный серафим — представитель высших чинов небесных сил — в иконе «Успение Богоматери» (оборот «Богоматери Донской») XIV в. Образ не случайно приписывается Феофану Греку. Выдающийся колорист представил Христа с душой Богоматери, осененного ярким пламенем божественного огня, который словно вспыхивает от ярко-красного огонька свечи, горящей у ложа усопшей Богоматери.

А как точно и образно осмыслен красный фон в знаменитой новгородской иконе «Илья Пророк» XV в.! Этот святой считался покровителем огня: по житию, младенец Илья был «повит огнем» сразу после рождения, а в конце своей земной жизни он был вознесен на небо в огненной колеснице. По молитве Ильи Пророка, божественный огонь спустился с небес и принял его жертву. В русском фольклоре святой считался громовержцем, метателем молний и хозяином гроз. Использование красного цвета в иконе, наряду с истовым характером образа, являющегося поистине «в грозе и буре», рождает одно из самых выразительных созданий древнерусского искусства.

Красный фон другой известной новгородской иконы XV в. — «Чудо Георгия о змие» — это образ победы, жизнеутверждающего начала. Одновременно в иконе Георгия, который был прославлен не только как змееборец, но и как христианский мученик, красный цвет приобретает значение жертвенности, пролития мученической крови. Не случайно в службе Георгия поется: «порфирою от крови одеян светло».

Необычно и образно, но тоже как символ невинной жертвы, красный цвет использован в клейме ярославской иконы XVI в. «Николай чудотворец в житии». Сцена представляет чудо спасения Николой трех мужей от казни. Композиция изображена на фоне красных горок — словно сама земля, предчувствуя, что вот-вот совершится страшное злодеяние, наливается кровью.

Одна из самых интересных и еще до сих пор не осмысленных особенностей композиции «София Премудрость Божия» — красные лик, крылья и руки Софии. Е. Н. Трубецкой считал, что это образ «Божьей зари, зачинающейся среди мрака небытия: это восход вечного солнца над тварью»[8].

Белый цвет иконы был равноправен красному и часто противостоял ему. Он символизировал божественный свет. Не случайно в иконах «Преображения» Христос изображается в белых одеяниях, в соответствии с евангельским текстом: «Просветися лице Его, яко солнце, ризы же его быша белы, яко свет» (Мф. 17, 2). В композициях Преображения Христу, наряду с Моисеем, предстоит Илья Пророк. При этом «его грозовой пурпур блекнет в соседстве с Фаворским светом»[9]. В смысловой иерархии свет побеждает и поглощает огонь.

Отрешенность от мирского, близость к божеству символизировали белые ангельские одежды. Символом невиновности выступают белые облачения несправедливо казнимых мужей во фреске Дионисия в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря (1502—1503). Значение чистоты и святости несут белые одежды праведников в раю в композициях «Страшного Суда», белые пелены, повивающие тело новорожденного Христа в образах «Рождества Христова», белые одеяния души Богоматери в иконах «Успение».

Самые разные оттенки зеленого в иконах несли земное начало. Это образ юности, цветения. Замечательно, что этот типично земной цвет, наряду с белым, доминировал в изображениях райского сада с его причудливыми травами и деревьями. Как образ молодости и полноты сил звучит зеленый цвет в одеждах правого ангела рублевской «Троицы». Этот персонаж символизировал Бога Духа Святого, и его зеленые одежды как нельзя более точно передают свойства все обновляющего и возрождающего к новой жизни «утешителя».

Часто зеленый был цветом позема; широко применяли его и в одеждах святых.

Синий и голубой еще в византийской эстетике осмыслены как знак непостижимых божественных тайн. Этот цвет, обладая сильным духовным очарованием, ассоциировался с вечной истиной. Не случайно в уже упоминавшемся письме новгородского владыки Василия о рае говорилось, что путешественники-новгородцы, достигшие земного рая, видели там на горе «написан Деисус лазорем чюдным и велми издивлен паче меры, яко не человечьскыма руками творен, но Божию благодатию»[10]. «Цветики лазоревые» расцветают, по русским народным духовным стихам, над могилою Богоматери.

Знаменитый дионисиевский синий фон фресок Ферапонтова монастыря побуждает к созерцанию и размышлению. В синем хитоне обычно изображали поясного Спасителя. Ну а лазорь облачений среднего ангела рублевской «Троицы»... «Драгоценный самоцвет», «кусок небесной лазури», «свет надзвездного пространства» — вот только некоторые сравнения исследователей. Синий — это традиционный знак воплотившегося Сына Божия. Выделяя среднего ангела «пренебесной лазурью» одежд, Андрей Рублев прославил неиссякаемую божественную любовь.

А в пурпурный хитон средний ангел «Троицы» облачен не случайно. Еще в Византии пурпур был

императорским цветом. Только император носил пурпурную обувь, писал пурпурными чернилами, восседал на пурпурном троне. Символика пурпура как цвета власти была настолько общеизвестна, что мятежники, претендовавшие на императорский трон, надевали на себя пурпурную обувь, а этот красноречивый жест приравнивался к государственной измене. В Евангелии римские воины, надев на Христа багряницу, провозглашали его царем иудейским, насмехаясь над ним. Таким образом, пурпурный хитон среднего ангела «Троицы» — знак помазанничества и мученичества Христа.

В пурпуре соединяются природно несоединимые части спектра: синяя и красная. Будучи символами небесного и земного, они, объединяясь, как бы снимают свою противоположность. Вероятно, именно поэтому в пурпурном мафории изображали Богоматерь — земную деву, принявшую в себя божественный свет.

«Аз есмь свет миру», — говорит о себе Христос в Евангелии (Иоан., 8, 12). Светоносные краски икон приобщали живописные образы к небесному сиянию. Заимствовав цветовую палитру с ее символикой в Византии, русская живопись превзошла этот образец чистотой и силой цвета. М. В. Алпатов назвал краски душой древнерусской живописи. И если душа народа проявляется в его искусстве, то о людях Древней Руси можно сказать словами Е. Н. Щепкина[11]: они «чаяли без корысти, созерцали сочувственно: людей — скорбно, природу — ясно, небо — радостно»[12].

«Спасение трех мужей от казни». Клеймо иконы «Николай чудотворец в житии». XVI век.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алпатов М. В. Краскн древнерусской иконописн. М., 1974. С. 8.
2. Цит. по: Федотов Г. П. Стихи духовные.// Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 108.
3. Цит. по: Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947. С. 12.
4. Князь Евгений Трубецкой. Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 48.
5. От греческого «ас» — луч.
6. Об этом: Князь Евгений Трубецкой. Три очерка... С. 50.
7. Цит. по: Федотов Г. П. Стихи духовные... С. 109.
8. Князь Евгений Трубецкой. Три очерка... С. 52.
9. Там же. С. 45.
10. Цит. по: Лазарев В. Н. Указ. соч. С. 12.
11. Е. Н. Щепкин (1860—1920) — лингвист, знаток рукописей, палеограф.
12. Цит. по: Троица Андрея Рублева. Антология. Сост. Г. И. Вздорнов. М., 1981. С. 60.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры.//Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 43—52.
2. Бычков В. В. Византийская эстетика. М., 1977.

Вскоре после того, как отделом истории культуры была получена очередная статья В. Горшковой о древнерусском искусстве, в редакцию поступили документы об обстоятельствах негласного конфликта Государственной Третьяковской галереи с Правительством РФ, получившим указание от Президента Российской Федерации о передаче икон Пресвятой Троицы и Владимирской Божией Матери из фондов Третьяковской галереи — Московской Патриархии.

Считаем целесообразным обнародовать некоторые из этих материалов, которые представляются нам не менее важными, чем аналитические статьи по истории и эстетике русской иконы.

Хроника конфликта

1) 3 октября 1992 г. икона Богоматери Владимирской была выдана из Государственной Третьяковской галереи на богослужение в Патриарший Богоявленский (Елоховский) собор по распоряжению заместителя министра культуры России К. А. Щербакова, пошедшего навстречу просьбе Патриарха Алексия II. Икона в течение 7 часов отсутствовала в музее, после чего была возвращена с изменениями состояния сохранности. Это было зафиксировано протоколом реставрационного осмотра от 5 октября 1993 г. (протокол прилагается).

2) 14 октября в связи с изменением сохранности иконы Богоматери Владимирской был собран расширенный реставрационный совет, в состав которого вошли ведущие специалисты страны в области древнерусского искусства и реставрации. Совет подтвердил произошедшие изменения состояния сохранности иконы (протокол прилагается).

3) 18 октября был собран расширенный Ученый совет Государственной Третьяковской галереи, в состав которого вошли крупнейшие специалисты-искусствоведы, реставраторы, представители художественной и музейной общественности, руководители многих музеев страны. Участники заседания заслушали информацию Министерства культуры РФ о намерении Совета Министров РФ передать Русской Православной церкви две иконы из собрания Государственной Третьяковской галереи: «Богоматерь Владимирская» начала XII века и «Троица» начала XV века письма Андрея Рублева. После обсуждения проблемы участники заседания подписали письма-обращения к Президенту России Б. Н. Ельцину и Председателю Совета Министров правительства России В. С. Черномырдину (140 подписей, текст прилагается). На 10 ноября 1993 г. эти обращения остались без ответа и никаких официальных разъяснений по сути данной проблемы Государственная Третьяковская галерея не получила.

4) 4 ноября 1993 г. Президент России Б. Н. Ельцин во время церемонии освящения Казанского собора публично заявил о передаче Московской Патриархии икон «Богоматерь Владимирская» и «Троица».

5) 6 ноября в интервью корреспонденту газеты «Известия» Патриарх Алексий II и заведующий канцелярией Московской Патриархии В. Диваков сообщили, что намереваются поместить иконы в Успенский собор Московского Кремля и что уже дано поручение изготовить для них в кратчайшие сроки «специальные герметичные киоты» («Известия», 1993, 6 нояб.).

6) 6 ноября газета «Куранты» со ссылкой на Министерство культуры РФ сообщила, что для каждой из икон потребуется изготовить «специальный прозрачный футляр-капсулу с автоматическим поддержанием внутри нее необходимого микроклимата» и что при этом Рублевская «Троица» будет, по-видимому, «помещена в здании церкви Николы в Толмачах», а «Богоматерь Владимирская» будет находиться «в Успенском соборе Московского Кремля во время проведения там богослужения» («Куранты», 1993, 6 нояб.).

7) 9 ноября состоялось собрание трудового коллектива ГТГ, на котором был принят текст Заявления сотрудников Государственной Третьяковской галереи (прилагается). Было решено сделать достоянием общественности мнение специалистов о возможных последствиях передачи древних памятников иконописи из музейных коллекций Русской Православной Церкви.

«Пророк Илья». Начало XV века.

«Жены-мироносицы у гроба Господня» (из праздничного чина). XVI век.

117049, Москва, Крымский вал, 10. Тел. 238-45-12

8) На 10 ноября 1993 г. никаких приказов или других официальных разъяснений по поводу передачи икон «Богоматерь Владимирская» и «Троица» ни из аппарата Президента, ни от Правительства России, ни из Министерства культуры России Государственная Третьяковская галерея не получила.

***

Музейные работники не знают, какова будет конструкция «специальных киотов» или «футляров-капсул», в которые собираются поместить иконы. Фактически нам предлагают провести эксперимент, результатом которого могут стать необратимые изменения красочного слоя или гибель двух шедевров мирового значения. Ясно, что ни один честный профессионал в таких условиях не возьмет на себя ответственности за сохранность икон.

Выдача из коллекции музея «Владимирской Богоматери» и «Троицы» лишит тысячи людей возможности видеть иконы, являющиеся православными святынями, но прежде всего — памятниками искусства мирового значения, неизбежно повлечет за собой возникновение в обществе никому не нужных конфликтов и конфронтаций. Не следует создавать прецедент, в результате которого процесс ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ памятников истории и культуры обретет неуправляемый, лавинообразный характер.

В обществе сегодня существует тенденция к искусственному раздуванию конфликта между музеем и церковью. На самом же деле есть пути для цивилизованного решения проблемы. Так, например, внутри музейного комплекса Третьяковской галереи существует уже действующая и реставрируемая цер-

ковь св. Николая в Толмачах, где в дальнейшем будет возможно разместить ряд икон из собрания ГТГ. Церковь св. Николая в Толмачах включена в систему жизнеобеспечения галереи — климата, охраны, пожарной безопасности. Находящиеся в ней иконы между службами будут доступны посетителям и музея, и храма.

«Утверждаю»
Главный хранитель ГТГ
Ромашкова Л.И.

ПРОТОКОЛ
РЕСТАВРАЦИОННОГО
ОСМОТРА № 37
иконы БОГОМАТЕРЬ
ВЛАДИМИРСКАЯ 12 века
№ 14243
от 5 октября 1993 года

Присутствуют: Ромашкова Л. И., Розанова Н. Вс., Сидоренко Г.В., Лукашев А. М., Уханова В. Н., Ковтырева Л. В., Буренкова Е. В., Гра Е. А., Скляренко И. И., Суховерков Д. Н., Валющок А.С.

2.10.1993 г. икона Владимирской Богоматери была демонтирована из витрины в экспозиции ГТГ (Ковалев А. П., Скляренко И. И., Дивова Н. Г.) и была помещена в застекленный киот.

3.10.1993 г. икона была транспортирована в Елоховскую церковь, где находилась в застекленном киоте во время богослужения с 9-30 до 15-30. Во время службы она была подвергнута воздействию повышенной температуры. После этого она была возвращена в ГТГ, в реставрационную мастерскую.

5.10.1993 г. киот был раскрыт, икона тщательно осмотрена и составлен настоящий протокол.

Изменения сохранности на 5.10.1993 г.:

1. На ликах Богоматери и Младенца и его хитоне приподнятый кракелюр авторского грунта стал более рельефным, края его еще более поднялись.
2. На хитоне Младенца в верхней его части аварийное отставание грунта с красочным слоем (0,2х0,4 см).
3. На вставном грунте по ранее существовавшему кракелюру отмечается выход размягченного реставрационного клея.
4. На ступне левой ноги Младенца образовалось вздутие грунта с красочным слоем (4,0х4,0 см).
5. На вставках — на руке Богоматери, поддерживающей Младенца, с заходом на его хитон, на двух вставках на фоне справа от головы Богоматери — стали прослушиваться отставания грунта.
6. Ниточные вздутия красочного слоя стали более рельефными: по опуши и мафории на голове Богоматери (над щекой), на мафории Богоматери за спинкой Младенца, на мафории Богоматери у правого ее виска и на вставке на шее Младенца.

Подписи:
Розанова Н. Вс.
Сидоренко Г. В.
Лукашов А. М.
Уханова В. Н.
Ковтырева Л. В.
Буренкова Е. В.
Гра Е. А.
Скляренко И. И.
Суховерков Д. Н.
Валюшок А. С.

«Ангел». Фрагмент иконы А. Рублева «Троица». Начало XV века.

«Преображение». XV век.

Выписка из решения
Расширенного Реставрационного Совета от 14 октября 1993 года:

Шедевры и памятники, имеющие национальное и мировое культурное значение, впредь не выдавать без разрешения Расширенного Реставрационного Совета.

Учитывая, что икона «Владимирская Богоматерь» насчитывает более 800 лет бытования, в связи с чем имеет хрупкую основу и красочный слой, является по состоянию сохранности хронически больным памятником — категорически воспрещается выдавать икону куда-либо, т.к. смена температурно-влажностного режима и сама транспортировка катастрофически отражается на состоянии сохранности, ведет к деконсервации и ускоряет процесс разрушения.

Направить письма в Министерство культуры Российской Федерации, Правительство Российской Федерации.

Русская культура нового передела не перенесет

Почему тк встревожены музейщики известием о готовящемся указе, по которому Третьяковская галерея должна будет передать Московской Патриархии два шедевра национального и мирового искусства — икону Владимирской Богоматери начала XII века и «Троицу» Андрея Рублева? Ведь в глазах очень многих людей это акт справедливости — памятники возвращаются законному владельцу.

Причин для беспокойства много, поскольку исполнение этого «справедливого» акта будет представлять собой настоящий революционный переворот в культуре, с не менее трагическими последствиями, чем октябрьский переворот 1917 года. Смертельная угроза нависла над всей системой музеев и охраны памятников России. Согласившись передать «Троицу» и «Владимирскую», музейщики должны распространить принятое правило на все памятники, некогда находившиеся в церкви, созданные для церкви или вложенные в церкви благочестивыми прихожанами. А это многие сотни тысяч памятников, представляющих золотой фонд национальной культуры, достояние народа, накапливавшееся веками.

Реституция, касающаяся церковного имущества, естественно, немедленно отзовется и в других областях жизни, где затронуты имущественные интересы. Справедливость не может быть избирательной. Почему надо вернуть «Владимирскую Богоматерь», но не следует возвращать коллекции Щукина или Морозова? Соблюдая принцип реституции, не должны ли мы вернуть Зимний дворец в собственность императорской фамилии и таким же образом поступить с церквами, включенными в Большой Кремлевский Дворец, которые были домовыми храмами царской семьи? А далее, как следует поступить с землями, заводами, домами, которые все когда-то имели своих законных владельцев? Что же, будем готовить новый передел?

Во всем мире музеи, архивы, библиотеки — это учреждения, которым обществом вменена обязанность хранить эти сокровища, уже ставшие святынями для всего человечества. Но необходимо понять, что музеи не являются собственниками памятников — они хранят то, что принадлежит всему народу: верующим и неверующим, христианам и мусульманам, людям высококультурным и полуграмотным. Они и созданы для того, чтобы собранные в их стенах сокровища были доступны для всех, чтобы их можно было изучать и ими вдохновляться.

Феофан Грек. «Успение Богоматери». Вторая половина XIV века.

«Рождество Христово» (из праздничного чина). XVI век.

У Церкви благородные, но совершенно другие цели. Ее функции часто неизбежно входят в резкое противоречие с задачами сохранения памятников (крестные ходы, копоть от свечей, лампад и кадил, скопление народа, резкие перепады влажности и температуры — факторы, пагубно воздействующие на древние памятники). Уже в прошлом веке наиболее просвещенные священники архиереи, среди них знаменитый ученый митрополит Киевский Евгений, начали передавать древние и уникальные памятники в государственные и епархиальные музеи и архивы. Да и в древности ценнейшие реликвии не использовали для каждодневных служб, сохраняя их в ризницах.

Утверждают, что и сегодня Церковь может сохранить эти памятники в ризницах и церковно-археологических музеях. Увы! Пока реальность говорит о другом. Ни один из тех принципов, которыми в своей деятельности руководствуются музеи, Церковь сегодня выполнить не может, а часто и не хочет. Каковы же эти принципы?

1) Строжайший документальный учет памятников, в том числе и уже переданных из музеев, и надежная защита от хищений. Этого нет и не предвидится в будущем. Ежегодно происходят сотни краж из храмов. Украденные ценности уходят за границу.

2) Общедоступность. Это элементарное требование, вытекающее из конституционного принципа — памятники культуры являются общенациональным достоянием, — не реализуется. Даже представителей органов охраны памятников, например, не допускают увидеть уникальные фрески XVI в. в Псковско-Печорском монастыре, что, однако, не мешает местным властям выступать за передачу епархии ансамбля Мирожского монастыря с фресками

середины XII века. Практически недоступны наиболее сохранные части росписи Андрея Рублева в жертвеннике Успенского собора во Владимире. Простому смертному невозможно попасть в Церковно-археологический кабинет Московской Духовной Академии.

3) Обеспечение оптимальных условий температурно-влажностного режима, исключающего использование свечей, лампад (в крайнем случае, использование свечей из высококачественного воска) и строжайшее регулирование служб — их частоты и количества молящихся. И эти требования не целиком выполняются даже в тех случаях, когда, казалось бы, имеются твердые договоренности с Церковью, как показывает практика богослужений в Успенском соборе Московского Кремля. В храмах гибнут величайшие художественные ценности, среди них фрески Рублева в Звенигороде и Владимире.

4) Строго научная реставрация памятников, исключающая подновления и, следовательно, искажения древней материальной структуры памятника. Сегодня в Московской Патриархии (это надо подчеркнуть, поскольку в греческой Церкви, в Церкви Сербии не всегда, но все же названные принципы соблюдаются) господствуют прямо противоположные взгляды. Авторитетные иерархи заявляют (цитирую): «Литургическое начало (т. е. благолепный вид) должно преобладать над началом культурно-археологическим, разрушающим молитвенную цельность образа». Но это тот самый подход, благодаря которому русское общество и Церковь веками были лишены возможности видеть подлинные лики Владимирской Богоматери и «Троицы» Андрея Рублева, скрывавшиеся под многими слоями подновлений. Зная это, а также то, что Церковь не имеет твердых правовых установлений, гарантирующих неукоснительное соблюдение перечисленных выше требований, музейные работники, на которых лежит ответственность перед народом и будущими поколениями, не могут эту ответственность с себя снять.

Есть еще ряд существенных аспектов этой сложной проблемы. Подлинный вид большинства памятников, которые церковь требует вернуть ей, в течение веков был скрыт от глаз верующих, и явление их миру произошло в музеях и частных собраниях. Но раскрытые от поздних записей произведения оказались приспособленными только для тепличных условий музейного климата. Это уже новые организмы, возвращение которых в условиях постоянных богослужений требует проведения трудоемких и дорогостоящих работ по созданию искусственного климата.

«Благовещение в храме»

«Чудо Георгия о змие». XV век.

Вопросов остается много. Кто, когда и почему признал Московскую Патриархию правопреемницей Русской Православной Церкви? Разве не являются «Владимирская» и «Троица» святынями для «зарубежников» и для старообрядцев разных толков, у которых, как они считают, официальная Церковь их отняла вместе с другими святынями «Древлего православия»? Имеет ли общественная организация (пусть даже и столь уважаемая) право распоряжаться святынями общенациональными как собственностью? Может ли общество сегодня получить от Церкви гарантии соблюдения вышеперечисленных принципов использования памятников (на протяжении последних трех лет музеи этих гарантий получить не могут)?

Такие гарантии тем более необходимы, что после указа Президента от 23 апреля 1993 г. «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» в Церковь начала поступать масса памятников. При этом они передаются безадресно. Без соответствующей точной документации снимаются с государственного учета, обезличиваясь и растворяясь среди предметов повседневного церковного обихода. Эта же участь грозит ныне одной из величайших национальных сокровищниц — Сергиево-Посадскому музею.

Характерно, что инициаторами этих передач чаще всего выступают главы городских и областных администраций. Памятники культуры становятся заложниками личных или групповых амбиций в политической игре, цели которой не имеют ничего общего с подлинными задачами Церкви и с заботой о сохранении в веках национального культурного достояния.

Академик Б. РЫБАКОВ

АННА ПЛОТНИКОВА,
кандидат филологических наук

ВОЗДУХ

По славянским народным представлениям о мироздании, воздух — это один из четырех первоэлементов космоса (как и земля, вода, огонь); он составляет основу многих природных явлений, служит сферой пребывания душ и различных демонических существ.

Известно, что в структуре каждого знака (символа) народной культуры скрыт целый ряд признаков, присущих реальным предметам и явлениям. Такие свойства воздуха, как невидимость и относительная статичность, определяют его несколько пассивное «положение» по сравнению с более сильным проявлением *духа* («ауры») — ветром. В народной традиции воздух и ветер неразделимы, они связываются с одним и тем же понятием — «дух», которое включает всю гамму значений, относящихся к миру небесных, невещественных и слабо уловимых проявлений. Если мы обратимся к языку, а именно к данным русских диалектов и письменных исторических источников, то заметим, что в нашем языке слово *дух* означало и «воздух», и «дуновение, ветер», «порыв ветра», и «запах, аромат», «дыхание», «душу», «жизненное начало», «бесплотное живое существо» и т.д. В народном миропонимании воздух, ветер и вихрь различались лишь силой, степенью воздействия на человека — от спокойного, созерцательно-благодушного до стремительного, разрушительно-страстного начала. В самых крайних точках этой градации находятся прямо противоположные, антагонистические понятия: в христианской традиции — это Святой Дух и

дьявол, черт, вызывающий смятение и беспорядок (олицетворение вихря). Вихрь всегда связывается с действием демонов, нечистой силы; причиной его появления служит убийство невинного человека, насильственная смерть, самоубийство. Ветер в народных верованиях занимает промежуточное положение: его могущество (а русская пословица гласит: «Выше ветра головы не носи», то есть не забывайся) проявляется как разрушительная (наравне с градом, бурей, метелью) или благотворная сила (аналогично дождю или солнечным лучам). Поэтому ветер в народных представлениях персонифицируется, наделяется антропоморфными чертами. С ним следует ласково разговаривать, «кормить» и даже приносить ему жертву. Характерно и деление ветров на «добрые» (например, такие, как *святой воздух* — благоприятный, попутный ветер на Волге и Каспийском море) и «злые», наиболее ярким воплощением которых является опять же вихрь.

Душа и демонические силы

Русские народные представления о воздухе, ветре и вихре находят отражение в верованиях о душе. Будучи лишь дыханием, то есть легким дуновением воздуха, душа могла принимать облик дымка, пара, тихого ветерка, а также и сильного, порывистого ветра, перерастающего в вихрь или бурю[1]. По мнению раскольников Смоленской губернии, ветры тихие и теплые — это души людей добрых, а буйные и холодные — людей злых и порочных[2]. В другой интерпретации ветры «**суть духи грешных людей, которым назначено от Бога беспрестанно носиться по земле.** По

степени греховности эти духи разделяются на три разряда. К первому разряду принадлежат духи очеиь грешных и злых людей; они производят ураганы и бури. Ко второму разряду относятся духи людей менее грешных и менее злых; они образуют сильиый ветер. К третьему разряду относятся духи не особенно грешных людей и добрых; они дают земле приятный и прохладиый ветерок, освежающий уставшего от труда человека. Духи эти, или ветры, находятся во власти четырех аигелов»[3].

По христианским православным верованиям, души умерших людей (вспомним русские выражения, характеризующие момент смерти: *испустить дух, дух вон*) поднимаются в воздух и пребывают там в течение сорока дней, после чего летят в высшие воздушные сферы, на суд к Богу и т.д. По поверьям восточных славян, души некрещеных детей, самоубийц, людей, умерших насильственной смертью, постоянно находятся в воздухе, поблизости от человека[4]. С этими представлениями сближается присущее книжно-христнанской традиции воззрение на воздух как на среду обитания бесов. Интересно, что во Владнмирской губернии крестьяне верили в летающего по дорогам демона, называемого «встречник», причем описывали они его следующим образом: «...это нечистый злой дух, который в виде как бы воздушной полосы мчится стрелой по проезжим дорогам за душой умирающего грешника, особенно самоубийцы»[5].

Считалось, что болезни (воображаемые как сверхъестественные демонические существа) действуют на людей через воздух. Вредный, опасный в этом смысле для человека воздух («злой воздух», «нечистый воздух») связывают с моментом полного затишья, затмением луны н т.д. Через воздух, вместе с его дуновеннем (ветром), распространяется не только зараза, эпидемия, но и порча. Например, по поверьям из Вятской губернии, «знахари, колдуны портят людей наговорами, зельем, а то и так: «по ветру пускают»[6]. В Сибири о неизвестно откуда пришедшем, новом человеке говорили, что он «с ветру», и верили, что слова такого гостя вызывают болезни. В.И. Даль отмечает в своем Словаре название *ветреное* — в Архангельской губернии это «напускная по ветру болезнь»[7]; не случайно поэтому тамошней невесте от рукобитья до сватанья (в течение полутора, а то и двух недель) запрещалось выходить «на ветер», то есть из дома на улицу. Во многих русских областях существовало поверье, что паралич, эпилепсия и другие тяжелые болезни возникают от «подвеяния» человека ветром, и особенно вихрем. Очевидно происхождение и таких названий болезней, как древнерусское *поветрие* — эпидемия, известная до сегодняшего времени как *ветрянка*, и др.

Источник заражения может обладать одновременно и целебными свойствами. Другими словами, магическое средство излечения заложено в причине болезни, что и показывают различные ритуальные действия, направленные на исцеление от «воздушных» болезней. Так, суеверные старушки выходнли весной на перекресткн и дожидались теплого ветра с юга: по их понятиям, южный ветер приносил с собою здоровье и вселялся в обетную ладанку, которую они затем надевали на больного.

В славянских заговорах и заклинаниях, избавляющих от болезней, порчи, часто используется мотив ухода нечисти вместе с ветром («относ ветром»). Приведем один из способов народной ветеринарии Костромского края. Хозяева больной коровы собирают в глиняный горшочек мох с четырех углов избы, кладут туда ладан, уголь, поджигают и идут окуривать корову. Пуская вокруг животного дым, они говорят: «Уроки, уроки (сглаз, порча), подите в чистые поля, в зеленые луга! Со двора-то с дымом, а с поля-то с ветром!»[8]

Ветер как мифологический персонаж

Отвлекаясь от богатой поверьями, заманчивой темы «воздушных» демонов и летающей нечистой силы, обратимся к русским представлениям о ветре, где он выступает как некий мифический богатырь, великан, разудалый молодец и гуляка. К нему обращаются за помощью в случае беды, несчастья (вспомним плач Ярославны в «Слове о полку Игореве»: «О ветре ветрило! Чему, господине, насильно вееши?»). Многочисленны русские сказки о помощи ветра добрым героям. А.Н. Афанасьев замечает, что сказка, в которой Полуденный Ветер, защищая мужика от недоброжелателей, дарит ему различные волшебные предметы, «**известиа у разиых иародов — хотя с некоторыми отмеиами в обстановке и подробностях, но везде с сохранением одних и тех же основ главного содержания: знак, что ей должио приписать весьма древнее происхождение**»[9].

На русских лубочных картинках средневековья ветер, как правило, изображается в виде огромной человеческой головы с надутыми щеками и большими губамн; в устных преданиях он опнсывается как великан, сидящий у края неба на цепн: срываясь с цепи, он попадает на землю и дует. В южнорусских областях ветер представляли очень сердитым стариком, который живет «за морем». Вообще, в славянских верованиях место обитания ветра оказывается очень далеким, таинственным и недостижимым. Это и глухой лес, и необитаемый остров в океане, и чужие края по другую сторону моря, и крутая, высокая гора и т.п.

В соответствии с индоевропейскими воззрениями на ветер как «дыхание Земли» местами его пребывания считались различные пропасти, ямы и пещеры в земле. По представлениям южных славян, пещеры и пропасти с ветрами стерегут летучие змеи, одноглазая ведьма или слепой старец, безуспешно пытающиеся закрыть дыру, из которой выходит ветер.

Олнцетворение ветров связано с осознанием их множественности, что порождает мысль о существовании повелителя, «царя» над ними. Идея подчинения этнх природных стихий высшему божеству

отражена в «Слове о полку Игореве», где ветры — это «Стрибожи внуци». По верованиям из центральной России, ветров много, но главных — четыре (здесь воспроизводится пространственная ориентация на четыре стороны света); они «сидят по углам земли», старший среди них называется «вихровой атаман»: ему повинуются все остальные, он же посылает ветры и вихрн дуть туда, куда захочет. По другой версни, «**ветры — существа демонические, полудобрые, полузлые; их несколько сестер: буря, метель и вьюга; иабольшим между ними злой и неугомонный брат их — внхрь; все они сохраняют связь с нечнстою силою н вредят людям, на них катаются злые духи во время свадьбы, они носят ведьм в Киев на Лысую гору, заметают от Ильи след нечистого; живут среди скал на острове Буяие, выпускаются с него по очереди**»[10].

В северорусской традиции известны «ветряной царь», «ветер Мойснй», «ветер Лука», а также «Седориха» — северный ветер. В вологодской быличке рассказывается, что двенадцать ветров прнкованы цепямн к скале на острове посредн океана. Если один из них обрывает цепи, то возникают бури и ураганы[11].

Восприятие ветра как одушевленного, передвигающегося по воздуху существа воплощалось и в стремленин пригласить, вызвать его в тех случаях, когда он необходнм для хозяйственных и нных нужд (для хорошей погоды во время созревания зерновых, при веянии жита, для работы мельниц, в мореплавании и рыболовстве). Самым распространенным способом вызвать ветер в затишье считался свист, реже — пение. Чтобы подул попутный ветер, у русских моряков, особенно поморов, было принято насвистывать. Женщины прибрежных поморских селений выходили вечером к морю «молить ветер, чтоб не серчал», помогал их близким на воде. Встав лицом к востоку, они напевным голосом обращались к желаемому восточному ветру с просьбой «потянуть» и обещали ему «наварить кашн и напечь блинов»[12]. Ритуал этот сопровождался гаданием по лучннам о направлении ветра: в случае плохого предзнаменования на лучину сажали таракана и пускали на воду со словами: «Подн таракан в воду, подними северá!»[13] (то есть северные ветры, самые благоприятные для возвращения к мурманским берегам).

В центральнорусских губерниях также существовал обычай «молить ветер», однако он совершался летом с целью способствовать росту хлебов. Старухи сходились за околнцей села после заката солнца и по знаку старейшего человека начиналн размахивать руками и выкликать заклинание: «**Ветер-ветрило! Из семерых братьев Ветровичей старшой брат! Ты не дуй-ка, не плюй дождем со гнилого угла, не гони трясавиц-огневиц из неруси на Русь! Ты не сули, не шлинка, Ветер-Ветрило, лютую болесть помаху на православный народ! Ты подуй-ка, из семерых братьев старшой, теплом теплым, ты пролей-ка, Ветер-Ветрило, на рожь-матушку, на яровину-яровую, на поле — на луга дожди теплые, к поре да ко времечку! Ты сослужи-ка, буйный, службу да всему царству христианскому — мужикам-пахарям на радость, малым ребятам на утеху, старикам со старухами на прокормление, а тебе, буйиому, над семерыми братьями иабольшому-старшому, на славу!**»[14] В Рязанской губернин, с целью вызвать ветер при веянии жита, старухи нзо всех сил дули в ту сторону, откуда шел ветер, и махали руками, показывая ему нужное направленне.

Как и во всех других славянских регионах, на Руси было известно «кормление» ветра, то есть подношение ему своеобразного «дара», жертвы. Так, на русском Севере люди в море бросали хлеб «на поветерь», то есть чтобы подул попутный ветер. На западе Руси мельники, желавшне «поднять затихшнй ветер», с верхушкн мельницы бросалн ему горстями муку.

Для сравнения приведем еще более фантастические для современного мировосприятия подробности задабривания и «кормлення» ветра у славян. В разных областях Словении в ветер бросали не только муку, хлеб, но и крупу, мясо, остаткн праздничных блюд, кости и потроха животных. В Восточной Польше, приглашая ветер во время жары, засухи, ему обещалн отдать девочку, называя ее по именн («Подуй, ветерок, подуй, дадим тебе Анусю» и т.п.). В Хорватии и Боснии, чтобы успокоить сильный ветер, сжигали части одежды или обувь, что также, возможно, связано с древними жертвоприношениями одной из основных природных стихий — ветру, или шире — дуновению воздуха, «ауре», окружающей человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее см. Клнигер В. Животное в античном и современном суеверни //Уннверситетскне известия. Киев, 1911. № 3. С. 40.
2. Добровольский В.Н. Смоленскнй областной словарь. Смоленск, 1914. С. 112.
3. Там же. С. 195.
4. Считалось, что души некрещеных младенцев витают в воздухе и молят людей о прощенин. Услышав их зов, следовало бросить в воздух какую-либо ткань или произнестн: «Я тебя крещаю, Иван и Марья, во имя Отца и Сына н Святаго Духа». Верили, что после этих слов душу уносят ангелы, в протианом же случае — дьяволы.
5. Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3—4. С. 109.
6. Васнецов Н.М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. С. 239.
7. Даль В.И. Толковый словарь жнвого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 335.
8. Цитируется по анкете «Культ и народное сельское хозяйство» (1922—1923 гг.) Отдела рукописных н книжных фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповеднка. Единица хранения № 339.
9. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1983. С. 92.
10. Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 4. Народное погодоведенне. СПб., 1905. С. 396.
11. Черепанова О.А. Мнфологнческая лекснка Русского Севера. Л., 1983. С. 36.
12. Подвысоцкнй А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 28.
13. См. там же.
14. Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказанні, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1911. С. 293.

ЯЗЫЧЕСКИЕ СНЫ

Евгения Бабушкина

Как и большинство художников, Евгений Бабушкин не слишком разговорчив. По крайней мере, комментировать свои работы он не любит, справедливо считая, что все уже сказано им на плоскости графического листа. Но в том-то и уникальность этого художника, что «расшифровать», а точнее — до конца прочесть и понять большинство его работ под силу разве что специалисту. И не искусствоведу, искушенному в калейдоскопической смене современных «измов», а как раз наоборот: глядящему в глубь веков человеческой истории этнографу или фольклористу.

Как и когда это случилось?

Е. Бабушкин изображает на своих листах прекрасное мифологическое детство человечества. Долгие годы люди относились к этому периоду своей истории с явным пренебрежением и лишь в последние десятилетия наконец поняли, что и детство, и миф чрезвычайно значимы и для всякого отдельного человека, каждой жизни, и для человечества в целом. Так что творчество Е. Бабушкина, вряд ли задумывавшегося когда-нибудь об «актуальности» своей работы, неожиданно обрело именно это качество, причем не в конъюнктурном, а в подлинном его смысле.

И все же самое главное, как мне представляется, отличие творчества Е. Бабушкина от того, что делают другие его талантливые современники, — органическое сочетание собственно художественного и исследовательского начал в каждой его серии. Прежде чем приступить к новой работе, художник вновь перечитывает и без того прекрасно известные ему сказки, легенды и мифы разных народов, а частенько и посвященные им монографии, не стесняется заглянуть в справочники. Зато потом, когда все уже нарисовано, он полностью отвечает за каждый костюм и жест своих героев, за сочетание цветов, за прочие «мелочи» — вдвойне: и как художник, и как интерпретатор.

При этом круг интересов Е. Бабушкина чрезвычайно широк. Рядом с многочисленными русскими сериями в его творческом активе значительные работы, навеянные фольклором и мифологией Индии и Скандинавии, Исландии и Китая, народов Африки и крайнего азиатского Севера. Как видно уже из этого списка, художника интересуют в первую очередь наиболее архаичные мифологические системы, донесшие до нас формы и образы древних представлений человека о мире, менее, чем, например, европейская сказка, тронутые поз-

днями обработками и наслоениями. И еще: Е. Бабушкин сознательно выбирает мифы тех народов, у которых нет (или долгие годы не было) собственной изобразительной традиции: не хочет художник ни конкурировать, ни пробовать силы в стилизации.

Впрочем, даже если Е. Бабушкин и захотел бы сейчас, в свои сорок лет, подражать кому-то или чему-то, это вряд ли бы ему удалось: настолько самобытна его манера, сложившаяся как бы на стыке трех главных изобразительных культур: народной, профессиональной и «третьей» — городского фольклора, как еще говорят иногда. В Самаре, где художник жил и работал до недавнего времени, его листы выставлялись одновременно и на профессиональных, и на самодеятельных вернисажах, а местные искусствоведы никак не могли договориться, по какому ведомству «провести» Е. Бабушкина: фольклора, лубка, книжной графики...

Лубок действительно один из главных источников творческой манеры художника. Но не только и не столько поднадоевший в последние годы русский, сколько азиатский: индийский и китайский, который у нас известен значительно меньше. Оттуда у Бабушкина условное плоскостное решение изображения, любовь к яркому локальному цвету, графическая жесткость и определенность рисунка. Оттуда же и любимая техника — гуашь по бумаге, увы, непрочная и недолговечная. А от русского лубка — связь со словом, с литературной «первоосновой», скоморошески раскованная образность.

Чаще всего на его листах оживают в ярком скрещении синего, алого, черного, зеленого, желтого, золотого цветов герои той или иной национальной мифологии: его серии вполне можно назвать пантеонами или портретными галереями. Таковы «Суровые» (скандинавские) и «Веселые (русские) боги»; серии, посвященные персонажам африканских сказов, финской «Калевалы», древнебританского «Беовулфа», исландской «Эдды», русской нечистой силе. Это своего рода парад героев, непременно обряженных художником в тщательно мотивированные и выверенные одежды, с обязательными атрибутами, в ритуальных позах и в ключевых ситуациях «их» мифов.

Последнее в полной мере относится к огромной — свыше тридцати листов — серии, посвященной юным годам Кришны. А вот изображая причудливый архаичный мир фантастических верований китайских народов Мэо и Эде или «наших» чукчей, каряков и эскимосов, художник старается показать самое непривычное для европейского взгляда, самое экзотическое и яркое в этих оригинальных мифологических системах.

Не менее экзотическими могут показаться неподготовленному взгляду и русские серии Е. Бабушкина. Здесь нет ни набивших оскомину богатырей и аленушек, ни кочующих с открыток в мультфильмы и обратно сказочных героев, адаптированных и изуродованных литературной «обработкой», — художнику куда ближе древний, полузабытый сегодня слой народных представлений русских и их братьев-славян. Например, до сих пор до конца не объясненная учеными «Кострома» — героиня одноименного фольклорного действа, великолепно воскрешаемого ансамблем Дмитрия Покровского. Или упоминавшиеся уже персонажи «низового пантеона»: лешие, домовые, русалки, полудница. А рядом с ними — настоящий русский пантеон, в котором и Велес, и Перун, и Лада, и Род, и другие боги, вычеркнутые из жизни народа православной религией. Последняя же представлена в творчестве художника тоже в своем народном варианте — в виде великолепных духовных стихов, о самом существовании которых мы на долгие послереволюционные десятилетия вообще вынуждены были забыть.

Рядом с этим графическими сериями — иллюстрации в полном смысле слова: к «Сборнику песен Самарского края» В. Варенцова, к

«Сказкам и преданиям Самарского края» Д. Садовникова, к «Отреченным сказаниям» А. Ремизова, к сборнику детского фольклора Самарского края, к книге А. Коринфского «Народная Русь».

Книжная графика словно бы смыкает крайние увлечения Е. Бабушкина в русском фольклоре: от традиционных, архаичных его жанров до не менее привлекательных для него современных, тронутых дыханием так называемой «третьей» культуры. Это касается прежде всего упоминавшихся сказок в записях Д. Садовникова: в них и пароходы встречаются, и сказочные сюжеты порой причудливо перемешаны — в общем, на грани кича.

При этом Е. Бабушкин, несмотря на постоянную «оглядку» на текст, никогда не выступает как его иллюстратор. Куда вернее будет назвать его интерпретатором, а излюбленный жанр — реконструкцией мифа и его героев. Недаром же сам художник, если его все же «разговорить», с увлечением готов сопоставлять сюжетные мотивы австралийского и европейского эпоса, рассуждать о символике цветов у разных народов, о ритуалах, костюмах, обрядах, вере...

Может сложиться впечатление, что Е. Бабушкин — рассудочный, книжный художник, сухой популяризатор научных книг, пока впервые не увидишь праздничного многоцветья его неповторимой графики. Буйство фантазии и красок, с которымн встречаешься всякий раз, перебирая новые серни работ художника, заставляет забыть о том, что все это плод не только вдохновения, но и глубокого знания: торжествует на наших глазах нменно вдохновение, фантазия, красота, в которых находят свое адекватное художественное воплощенне навсегда ушедшне в прошлое языческие сны разных народов земли.

ЮРИЙ ОРЛИЦКИЙ

ВЛАДИСЛАВ ЛИПАТОВ,
кандидат филологических наук

ЛЮБОВЬ И ЖЕЛЕЗО

Уральский любовный заговор

...«Есть море железное, на том море камень Алатырь, на этом камне сидит муж, железный царь, высота его от земли до небеси, заповедает своим железным посохом на все четыре стороны от востока до запада, от юга до севера, стоит, подпершись, заказывает своим детям, укладу ли красному и железному, каменному и простому, и проволоке, железу литому, стали и меди красной и зеленой, свинцу и олову, чугуну и серебру, и ядрам: Подите вы, ядра [к] пушечным ядрам... пусть же идут мимо меня, раба Божия (имя), и моих товарищов в заговорном оружии пятьсот тридцать человек всегда и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Этот заговор, предохраняющий от «пищалей, стрел и всякого оружия» подобно доспеху, выкован весь из железа, залежами которого славится Урал. Он записан в прошлом веке. С железом у уральцев исстари особые отношения.

Местные жители, зная удивительные свойства «магнитного камня», почитали его как чудесный талисман, активно использовали в магии, почитали магнетитовые месторождения как священные места, складывали о них легенды. Пермские чародеи утверждали, что «природный магнит» способен не только притянуть к ловушке охотника всякую живность, но и помочь влюбленным соединиться. Наши русские переселенцы следом за пермяками тоже стали натирать рыболовные снасти «природным магнитом», приговаривая: «Как этот магнит тянет к себе и крупное, и мелкое железо и сталь, и как от этого магнита не отстает ни мелкая, ни крупная ни сталина, ни железина, так бы и к этому крючку притягивалась бы и не отставала ни мелкая, ни крупная рыба».

Но в полной мере всю свою красоту, крепость и силу показало уральское железо в любовных заговорах. В народе эти магические тексты называют «присушками». Произносят их тайно или явно, пускают по ветру или наговаривают на пряник, воду, а то и стопку водки с единственной целью — привлечь к себе внимание понравившегося парня или девушки, зажечь в холодном сердце огонек любви, раздуть его в пламенную страсть и, наконец, овладеть душой и телом избранника. Рассказывают, что силища у этих заговоров такая, что давно уже сойдутся и поженятся оказавшиеся под его воздействием люди, а «присушка» все сушит и сушит очарованного человека, пока не иссушит до смерти. Потому редко прибегают к этому средству знающие люди, но бережно таят его от злого сердца или легкомысленного ума. Однако если придет нужда обратиться к всемогущим природным силам с заветною просьбой, полумерами тут не ограничиваются, а требуют от чудесных помощников такого накала страсти, перед которым наверняка не устоят ни бренная плоть, ни эфемерная душа возлюбленного:

«Батюшки ветры, батюшки вихори! В темном лесе, в топком болоте стоит изба, в той избе живет старматер человек; у того стара-матера человека есть три девицы, три огненные огневицы; у них есть три печки: печка медна, печка железна, печка оловянна. Они жгли дрова — двою годовалы, трою годовалы, пяти годовалы жарко, ярко, пылко, емко. А вы с теми девицами совокупитеся и соложитеся и пустите мою тоску, и пустите мою сухоту с дымом, с паром, с жаром...»

Текст заговора замечателен и своими поэтическими достоинствами, и глубиной, и многозначностью. На поверхности здесь лежит призыв «совокупиться и соложиться». Однако сделать это должны не мужчина и женщина, а существа фантастические — батюшки ветры и девицы-огневицы. Логично предположить, что и плод от этого брака будет необычным. И действительно, когда естественным путем или с помощью мехов нагнетается в специальную печь воздух, рождается жар такой силы, что засыпанная туда руда не выдерживает, плавится, отдавая человеку связанные с пустой породой крупинки железа.

Когда-то изобретение подобных печей-домниц произвело настоящую революцию не только в металлургии, но и в человеческой цивилизации; на смену бронзе пришло железо, а с ним и новая эра в истории человечества. Здесь же, на горнозаводском Урале, в старинном центре железоделательного производства, металл и его изготовление стали метафорой в поэзии, образным ключом фольклора.

В приведенном заговоре отец трех огневиц — владетельниц медной, оловянной и железной печей, старматер человек, — по всей видимости, Царь Огонь, к которому на деревянной Руси вплоть до недавнего времени было особо уважительное отношение. На том же Урале, к примеру, когда гасили на ночь свечу, непременно приговаривали: «Спи, Царь Огонь, Царица Искра», а то еще того пуще: «Царь Огонь, Царица Искра, спаси, сохрани и помилуй! Аминем спасена, Аминем благословлена!»

«Топкое болото» в заговоре — тоже не случайная деталь, потому что из ржавой болотной кашицы, содержавшей бурый железняк, наши предки получали исходное сырье для своих кустарных домен.

Профессия кузнеца с незапамятных времен окружалась каким-то мистическим ореолом. К нему, кудеснику и чудотворцу, обращалась девушка из Нейво-Рудянского завода, что в Екатеринбургском уезде, отчаявшись добиться расположения полюбившегося ей парня: «...Встану я, раба Божия Мария, благословясь, и пойду, перекрестясь, из избы в двери, из двора в ворота, в восток, в восточную сторону, к святому морю-Окияну.

По край святого моря-Океана стоит свят злат кузнец Сергий Чудотворец, кует и скавывает сталь с укладом и уклад железом. Я, раба Божия Мария, подойду, поклонюсь и помолюсь: Как ты куешь и скавываешь сталь с укладом и уклад железом, и так прикуй и привари его, раба, ко мне, рабе Божней Марии. Очи его к моим очам, брови его к моим бровям, сердце его к моему сердцу, кровь в кровь, юность в юность, ярость в ярость, плоть в плоть и в ту же любовную кость. Радовался бы и веселился раб Божий Иван при дне, при красном солнце, при темной ночи, при светлом месяце на молоду и на ветху, и на перекрое месяца. Где бы он ни ходил, где бы ни гулял, хоть бы он в торгу торговал или в пиру пировал, или в беседе беседовал, все бы он меня, рабу Божню, на уме, на разуме держал при дне, при красном солнце, при темной ночи, при светлом месяце. Будьте вы, мои слова, крепки и лепки, и плотны, и востры, вострая вострого ножа ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Чувствуете, какой ритм, какая страсть, сначала скрытая, а потом все яростнее и яростнее рвущаяся наружу, заключена в этом шедевре народной поэзии? «...Очи его к моим очам, брови его к моим бровям, сердце его к моему сердцу...»

Между тем кузнец здесь фигурирует не только потому, что каждый из нас, как утверждает народная мудрость, кузнец собственного счастья. Оно, конечно, так, только и помощь знающего человека здесь тоже лишней не бывает, а кузнец в любовных делах — большой мастер. Не случайно Сварог, древнеславянский бог-покровитель огня и кузнецов, не только научил древних русичей ремеслу, снабдив их для этого необходимым инструментом, но и «устави единому мужю единую жену имети, а жене за един муж посягати», то есть фактически заложил фундамент моногамной семьи.

Пришедшее на смену язычеству христианство «начальниками» над кузнецами, покровителями их сделало святых братьев Кузьму и Демьяна.

Вершиной же кузнечного дела в древности считалось сваривание двух кусков разнородных металлов, чаще всего стали и железа. Представляете, основа меча железная, а кромка лезвия стальная — и не ломается, и не тупится. Но чтобы намертво соединить сталь и железо, надо было очистить поверхность металлов от окалины, а это тысячу лет тому назад представляло известную техническую трудность. «Вот и куют Кузьма с Демьяном, маются, а сварить не могут, изнемогли над этим делом. Пошли домой отдыхать, а бес навстречу и пал трудничкам, встречает и посмеивается: «Ну, сковали?» Они молчат, не сковали, нечего говорить-то... Трижды повторялось — все он над ними трунил. Вот в остатний раз встретил их: «Ну что, труднички, сковали?» — «Да, сковали», — отвечают братья. Как ответили, бес с досады-то и проговорился: «А, сковали, видно уж в песок макали. Знать, научились ковать как следует».

Переглянулись братья: «Воротимся, испытаем? Давай-ка, поддувай!» Раскалили стальную штуку да в песок. Как приложили, сталь к железу и приварилась».

Легенда эта о Кузьме, Демьяне и простодушном бесе записана, правда, не на Урале, а в Олонецком округе, на севере европейской России, где выделка железа и уклада существовала еще со времен новгородской вольницы. Именно из тех мест был откомандирован к нам Петром Великим В. Геннин — один из отцов-основателей горнозаводского дела на Урале.

Не знаю, на каких заводах складывались те заговоры, что нашел я на ломких страницах дореволюционных уральских газет и в выходивших мизерными тиражами сборниках народной поэзии. Но подобно тому, как незначительные добавки какого-нибудь химического элемента могут изменить и цвет, и поделочные свойства самоцветного камня, так и заговоры «с примесью железа» придают особую окраску уральской обрядовой поэзии. Любовь и железо в уральском варианте оказываются не антагонистами, а союзниками. Железо придает необыкновенную крепость любовному чувству; любовь, в свою очередь, хранит бережно и долго память о жизни железа, а вместе они объединяют небо и землю, дух и плоть, труд и праздник.

г. Екатеринбург

ВЛАДИМИР ДОЛМАТОВ,
АЛЕКСЕЙ СМИРНЫХ

СИБИРСКИЕ РОБИНЗОНЫ

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ПОМЕСТЬЯ

На все стороны путь: поместье Тиуновых, снятое с вертолета 6 июня 1983 года.

ФОТОГРАФИИ АВТОРОВ

СО ВРЕМЕНИ НАШЕЙ ПОЕЗДКИ К СИБИРСКИМ РОБИНЗОНАМ В ГЛУХОЕ ВАСЮГАНЬЕ МИНУЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ. ТОГДА СТРАНА ЗАЧИТЫВАЛАСЬ ИСТОРИЕЙ ДРУГИХ ОТШЕЛЬНИКОВ — ЛЫКОВЫХ, И ВКЛИНИТЬСЯ С ЭТОЙ БЫЛО БЫ, НАВЕРНОЕ, НЕУМЕСТНО. ПОЛАГАЕМ, ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЕС К ИСТОРИИ ОСТРОВНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ПРОЯВИТСЯ СЕЙЧАС ОБОСТРЕННЕЙ, ИБО МНОГИЕ ИЗ НАС ЧУВСТВУЮТ И СЕБЯ «РОБИНЗОНАМИ» — ВЫРВАННЫЕ ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ И НЕ СУМЕВШИЕ ВОЙТИ В НОВУЮ, ПОТЕРЯВШИЕ НАДЕЖДУ И ВЕРУ. НО КАК БЫ НИ ТЯЖЕЛА БЫЛА ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК СПОСОБЕН ВСЕ ОДОЛЕТЬ И ВЫНЕСТИ, НЕ УТРАТИВ ПРИ ЭТОМ ДУШЕВНОЙ КРАСОТЫ И ДОСТОИНСТВА.

От городка Колпашево шесть часов пути на «Комете» вниз по Оби, затем полтора часа сверлит небо винтокрылая машина. Сколько видит глаз — кругом топкие болота с редкими прочерками островного леса. Наконец, обозначилась гривка, огород, берестяные крыши. Круг, повторный, и мы на земле севернее Томска на восемьсот километров. Уже начало июня, а кое-где под лохматыми елями остатки снега, березы стоят в зимнем сне, верба в огороде даже не опушилась. Выносим из вертолета мешки, ящики. Васса Ивановна Тиунова, опираясь на костылек, заторопилась к строениям, упала на землю у могилки с крестом:

— *Вот и довелось встретиться...*

Две избы, два амбара, банька... В избах на полках — домашняя утварь: берестяные туеса с узорами, деревянные блюда, глиняные кружки, ножи ручной ковки... В амбарах — кадушки, а деревянные обручи тонки, изящны, будто модный поясок вокруг девичьей фигурки. Самое поразительное — припасы: мука, сушеный картофель, крахмал, холсты...

— Вот так усадьба!

— *Поместье,* — поправляет Васса Ивановна.

Встречей с сибирскими робинзонами мы были обязаны случаю. Один из геологов, высадившись с разведочной экспедицией на болотном острове, заблудился. Плутал, плутал, и вдруг — тропа, внятная, торная, будто кто вчера по ней ходил! Откуда тут человеку быть? На двести верст безлюдье полное. След вывел к пустому жилью. Кто жил, когда и почему бросил усадьбу? Встретилась дощечка с надписью: «Тиунов». Это что — фамилия?

О находке стало известно Томскому краеведческому музею, от него — нам. Стали искать Тиуновых. И нашли — в деревушке под Колпашево. Ими оказались мать и сын. Не случись трагического происшествия в ту зиму, геолог, может, и застал бы хозяйку в ее усадьбе, да не одну, а с Натальей Коноваловой, здесь родившейся и прожившей на острове 64 года. А события разворачивались так. Сын, Петр Федорович, затеял увезти в деревню обеих; прилетев на попутном вертолете, застал Наталью Коновалову в горячке, в бреду, а к утру она умерла. Теперь Васса Ивановна осталась бы на острове одна. Это в восемьдесят шесть лет. Мать умоляла не брать ее. Сын настоял на своем. И вот спустя четыре месяца она вместе с нами вернулась в родное поместье.

Нашей поездке Васса Ивановна более чем рада. Терпеливо снесла речное путешествие, перелет, теперь никак не хочет спать. В темноте, исколотой костром, просим Тиунову спеть. Уступила не сразу, после смущенных отнекиваний:

Од-на-а-жды был в Англии царь молодой...

Голос — приятный. Этот остров слыхал Вассу Ивановну и раньше. А где Англия, что за страна — она не знает. О романе Дефо — тем более. Но литературный герой Робинзон Крузо был бы ей просто родным. На своих-то островах Тиунова провела 79 лет, знает, что такое одиночество и труд во имя жизни.

В далекой давности царевы слуги загнали семьи, не пожелавшие отказаться от старых русских обрядов и традиций, в лесные дебри и болотные топи, где каждый лоскуток хлебородной пашни приходилось брать надсадой не одного поколения, где перед лицом немилосердной судьбы обречены они были на труд до забвения и бессилия.

В суровые дали — на большой лесной остров посреди болот, где поселилась деревенька староверов, — родители привезли Вассу Ивановну семилетней. Последствия того шага испытали сполна дети и внуки, а дочь, Васса Ивановна, в особенности. Мелкие морщины вывязали на руках тонкую кружевную паутину, лицо прижжено прочным загаром, и только притомленные жизнью глаза, наперекор всему, светятся упрямо и радостно.

Время согнуло ее коромыслом. Чтобы легче идти, подчас берет палочку и в левую руку.

— *Сгорбилась!*— вздохнула както.

— Так ведь годы...

— *Нет, от работы,* — поправила Тиунова.

Быт действительно был нелегким. Вспомните, где вы видели цеп для обмолачивания зерна? Верно, в музее. А нам он попался на глаза в риге как орудие труда. Еще летом цепы ходили здесь по ржаным снопам.

Тут же, в риге, прислонилась к стене деревянная борона. Ремень из домотканого полотна покоился обычно на плече безлошадного пахаря. Пахаря — громко сказано: земля обрабатывалась мотыгой.

Заставить горбиться могли и сами стены. Человек среднего роста, поставив ладонь на голову, уже касается потолка. Забывшись, в такой избе недолго набить синяки о полати, полки, дверные косяки. Маломерна, игрушечна и самодельная мебель — скамеечки, стульчики, столики. Деревянная кровать будто сделана на ребенка 8—10 лет. Непостижимо, как на ней мог расслабиться долгой зимней ночью взрослый! Ну что стоило прибавить в сруб хотя бы три-четыре венца и не маяться!

— *Боялись: заметят жилье чужие, как посмотрят!*

Настороженность сопутствовала поселенцам всегда. До революции — как бы не вернули обратно. В гражданскую и после — не наткнулись бы белые или красные. Пугали новые веяния, в частности непонятные колхозы. Потом одиночество перешло в привычку.

Остров разделил, как некая пограничная линия, и живых с живыми. С благословения родителей ушли в свое время в большой мир дочери Тиуновых. Известно, что старшая утонула в болотах, младшая, по убеждению сына Петра Федоровича, живет где-то в Монголии... Выбираться из таких далей в гости было немыслимо, а письма, телеграммы доставлять на остров некому. Сообщения о жизни страны, понятно, тоже не доходили вовремя: людей островитяне не встречали десятилетиями. Первые самолеты, увиденные ими в небе, принимались поначалу за змеев...

На традиционный вопрос, какой день она считает самым счастливым, Васса Ивановна ответила уклончиво:

— *А кто его знает? Ведренный день — вот и счастье. Все-таки вёдро-то ведь лучше же, верно?*

Острова

Полоски земли, похожие на гривки, где растет настоящий лес, в этих местах издавна зовут островами. Точнее некуда. Кругом на сотни верст болото, как открытое море, и только у горизонта опять темный прочерк. А если налетит ветер, закачает шапки кедров и сосен, иглы елей, то лесной шум мало отличен от морского прибоя.

В 20-е годы в этих местах начали развертывать охотничьи фактории. Мужа Вассы Ивановны — Федора Ивановича, знатока окрестных мест, пригласили быть проводником. Тиуновы от многолюдья уже отвыкли, и обилие охотников тяготило их. На семейном совете решено было уйти в глубь Васюганских болот. В дорогу наложили добра на два воза, посадили ребятишек (старшего, Петра, оставили дома — «самостоятельный») и вместе с соседями Коноваловыми тронулись в путь. Больше всего боялись завалить коней, поэтому протаптывали в снегу каждый вершок дороги и только потом тянули возы. А весна уже шла по дорогам и без дорог, и открывшаяся вода вконец заступила дорогу. Так оказались они на этом острове, узком, шириною в 80 шагов, длинном, верст в десять, с согнутыми концами, похожими на серп. Здесь же обосновалась семья Коноваловых.

— Где будет у нас огород? — спросила тогда Васса Ивановна.

Муж подвел ее к вековому дереву.

— Вот он, огород!

Васса Ивановна растерянно окинула стену леса и молча заплакала.

Вспоминает:

— *Мы сюда весной пришли. Хлеба-то у нас не было, можно сказать. Перво-то время березовую кору толкли, сеяли и подбавляли в муку. А потом уж посеяли...*

Федор Иванович понимал: в бесхлебную пору никто на белом свете не пособит ему и, утесняя себя в отдыхе, жадно вгрызался в кусок своей пашни, туго натянув молодые жилы, валил лес, корчевал пни, пахал и снова сеял, ибо залог негасающего и приплодного двора — в бесконечном припасении, когда день кормит год, а год — поколение. И когда подшибла его жизнь и уже ни встать, ни подняться, одна заботная мысль донимала его: как жена без него потянет житейский воз?

Годы близкие, годы дальние... Васса Ивановна Тиунова.

Что они сеяли? В основном рожь. Пшеница обычно вымерзала. Сеяли лен и коноплю. Морковь садили, репу и, само собой, картошку. Еще мак растили, но тот почему-то родился плохо.

— *И все-таки был мачишко, наколачивали!*

Кони погибли, новых заводить явно не стоило: вокруг ни выгона, ни покоса, один мох да редкая осока. И землю рыхлили мотыгой. Да, лопаты тоже были. Только вопрос, почему они не применялись в земледелии, показался Вассе Ивановне наивным, даже смешным:

— *Лучше ли мотыгой?! Ах, неужели же нет? Много ли лопатой скопашь? А мы двое больше двух мер успевали за день. Пообедашь маленько, сил-то подберешь — и опять за работу...*

Любопытно, что по деревням и селам Томской области о мотыге не знают, она — островного происхождения, находка сибирских робинзонов.

Посевная подвигалась, должно быть, не столь споро, как этого требовали сроки. Рожь у Тиуновых занимала шесть мер. Значит, лишь под нее требовалось рыхлить почву не менее трех дней. Пуд ржаных семян оборачивался четырьмя-пятью пудами зерна. Соотношение для пахаря удручающее! Однако иначе и быть не могло. Мы прошлись мотыгой по пашенке там, тут. В красноватом слое из песка и глины ни одной крупинки перегноя. Не заводилась конюшенка — не восполнялось плодородие почвы.

Подспорьем к пашенке, огороду была островная тайга. И неплохим. Известно, кедровые сливки втрое питательнее сливок из коровьего молока. Верно, не всякий год лес одаривает орехами. Да разве заботливый хозяин поленится в урожайную осень? Возле кедровников и поныне стоят добротно срубленные амбарчики. В них до санного пути хранился дорогой сбор.

Хуже было с мясом. Лось к этим местам прикочевал поздно — году в тридцать втором (повсеместно на острове встречали ямы с остро торчащими кольями — ловушки на сохатого. Последнего лося Васса Ивановна добыла на 86-м году жизни). Косачи и глухари, правда, водились. Поражает мудрость, с какой относились Тиуновы к природе. Боровая дичь часто залетала к ним в огород. Васса Ивановна стала рассыпать под окнами горох. Подкормка явно понравилась. Косачи привыкли настолько, что вели себя не пугливее кур. Ружье в ход не пускалось: огневой припас берегли. Ловушки и петли — те ставились. Но пернатые пленники отбирались разборчиво: тетерки, старые косачи, за которыми тянутся на ток молодые, отпускались на волю.

Как ни удивительно, а ток со временем переместился на огород и остается здесь до сих пор. Косачи, лихая птица, только в кровавых драках берут право на тетерку, а глухари — нет, победу добывают песней. Во все дни, что мы провели тут, глухари собирались по утрам на свадебные игры. Развится ранний костер, торопя воду на чай, ходим по крутому короткому спуску на проточное болото умываться, а в сорока шагах от нас то сердитое чуфыканье, то сердечные трели, сами бойцы с красными гребнями в наступательных позах. Васса Ивановна додумалась в свою пору подкладывать в близкое гнездо тетерки куриные яйца, и та вместе со своими не раз выводила домашних цыплят.

Стоит разговора и зарыбление болотных «озер» — кругов чистой воды. Водилась рыба не во всех.

О тех необычайных заботах Тиунова вспоминает так:

— *Ходили далеко. Поприщей десять, однако, будет. Рыбу посадишь в котелок и потом идешь обратно. И вот тут уж только дай бог ноги. Бежишь. Только увидишь, где вода свежая, доливашь, а не то живо смутится. Опять пошел. В каждое озеро напустили. А поверишь ли, идешь да идешь — все озерки, озерки.*

Попутно два примечания. Слово «поприще», обозначавшее, по Далю, суточный переход в 20 верст, свелся в языке островных поселенцев к понятию версты. И второе: зарыбление множества озер велось, похоже, от стремления, чтобы рядом кипела жизнь, было бы веселей на душе.

Все живое на острове неподдельно любилось и, по возможности, охранялось. Стоило Федору Ивановичу выйти зимою во двор, как синица ныряла в карман за орехом. Три года радовала Тиуновых единственная на острове залетная сорока, пока ее однажды не подстерег сычик.

Все еще торная тропа провела мимо огорода, пашни и уткнулась на угрюмой еловой опушке с кружевинками снега в кулемку — медвежью западню. Охотничий снаряд в полной готовности — клади приманку, настораживай. Зверь уже на ногах, бродит где-то поблизости: только что разворошенный муравейник возле тропы — его проказа.

А Вассе Ивановне вспомнился памятный случай:

— *Вот эдак же идем с речки. Я вперед, кузов на мне, в нем окунищи такие да столь жирные! Гляжу — ох! — медведь чернеет. Не испугалась, ничего. «Ты гляди-ко!» — старцу. Он: «Ты куды, подлец!» Закричал на него. Больше-то чо делать? В кузов брякает. Медведь стоял-стоял, покачнулся и пошел от нас.*

На другой день Федор по рыбу ушел. Вот ушел, что такое? Надо прийти к обеду, говорил, а нету, нету. То ли заболел, то ли чо — не знаю. Собираюсь навстречу — идет. Заболел ли, чо ли? Да-а, говорит, вчерашняя болезнь вышла тут же. До этого места дошел — медведь опять катит. Не катит, а прямо клюкву ест, только чуб трясется. Я на кедру залез, кричал, кричал. Он как ест, так ест. Послушает, потрясет головой, опять ест...

Таких встреч было немало. Опасность ходила за ними повсюду. Медведь, наверное, чувствовал себя на острове не меньшим хозяином!

Остров был семье твердой опорой не в одном переносном смысле. После дневной изнурительной ходьбы по болотам радостно стремить шаг по настоящей тропе. Не тонет под ногами моховая подушка, нет опасения, что вслед за шестом уйдешь на глубину и ты.

Остров кормил и поил. Поил, правда, плохо. На гривке — ни речки, ни родника. На болоте, близ береговой черты, свои заметные течения, а северо-восточнее построек остров рассекает бурливый и очень глубокий ручей. Но вода — торфяного настоя, темно-коричневая. Суп, не успев остыть, уже потемнел, словно он грибной. Достоинства доброго индийского чая даже не проявились: словом, островная вода вызывала сомнения. Удивило: как столько лет пользоваться ею и не хворать! Разгадка встретилась позднее: оказывается, болотная вода законсервирована самой природой, не зацветает, не портится; мореходы средних веков перед неизведанной дорогой запасали впрок именно ее, предпочитая родниковой.

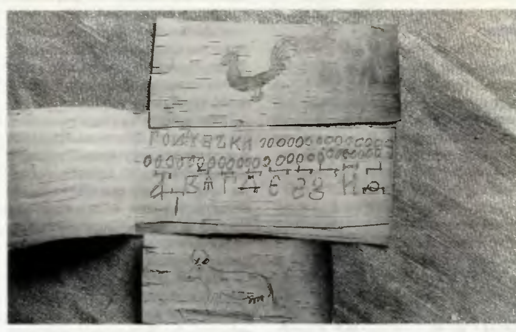
А кормить гривка кормила. Только ради пахотной земли и пришли сюда Тиуновы. Отнятая у леса, она тянулась когда-то метров на 300—350. Но с каждой новой могилой на обочинке поля нива укорачивалась. Молодой лес поднялся на былой пашне ступеньками, лесенкой. Последние полгектара пока свободны от поросли.

Подворье

При упоминании о муже Федоре Ивановиче густая сеть морщинок на лице Вассы Ивановны всякий раз заметно редеет. Шестьдесят совместных лет оставили в ее душе светлый след. Никогда не было от него сердитого слова. С ним она не знавала беды. Избы, хозяйственные постройки сработаны его золотыми руками. Бревнышко к бревнышку, без сучка и задоринки. Двери — на деревянных петлях, без шарнира и гвоздя. Берестяные крыши не уступят по надежности ни тесовым, ни железным. Своеобразна по замыслу оказалась мельница. Кроме двух камней, служивших жерновами, все детали — вплоть до шестеренок — выделаны из дерева.

Помимо избы семье требуется и многое другое: посуда, обувь, одежда, разный хозяйственный инвентарь... Федор Иванович оказался мастером на все руки. Он вырезал ложки и блюда, чашки и корыта. Великолепны кадушки для воды, хранения ягод, зерна, муки. Тонкие деревянные обручи облегают клепку прочно, элегантно. Федор Иванович, судя по поделкам, был и превосходным бондарем. А кузнецом? Вот дословная запись с магнитофонной ленты:

— *Мотыги где, у кого покупали? Сам ковал! Он только бы что увидел — все равно сделат. Да хоть бы кузница-то была! Яму выкопал. Накладет туда дрова, они, угли, нагорели, он кладет железо и тогда опять дрова... Ковали-то из чего... Из топора худого, другого чего. И вот сделал мотыги, так людям-то всем этим, какие жили. Как ковать — Степанушко показал, Федор выкроил на бересте, как мотыгу надо делать, так и пошел...*

Письмена. Они, как и новгородское эхо веков, — на бересте.

Мотыг в поместье много: большие, увесистые — для сильных мужских рук, поменьше да полегче — для женских, самые малые — подросткам.

В избе на стене за тонкой планкой — набор ножей, опять же Федоровой ковки. Случилось так, что задевалась куда-то консервная открывашка, попробовали «вспороть» банку одним из его самодельных ножей. Идет играючи!

Был он и печник, и мельник, и чеботарь, и техник, что ли, по ткацкому производству. Печь, сложенная им из кирпича собственной выделки, стоит уже полвека. Непросто, надо полагать, изготовить домашний ткацкий станок. У Вассы Ивановны он тоже есть.

Не всякий способен шить обувь. Федор Иванович умел. Так кто же он? Человек разносторонних дарований? Или способности, таланты

Дерево укрывало, дерево поило-кормило.

не обязательно от природы, а приобретаются в суровых жизненных условиях?

О каких профессиях Федора Ивановича еще не сказано? Да он ведь и гончарное дело познал. Глиняной посуды, в том числе под льняное и конопляное масло, кедровое молоко, в избе и сенях немало.

Не случайно девушка Васса усмотрела в Федоре преданного друга, верного спутника. Рассказывает:

— Убегом ушла. И родители не знали: это что такое — не вернулась домой? Куды девалась? Так куды девалась — замуж ушла, говорят. Ничего, не ругали, простили. Если за плохонького какого, может, что и было, а то ведь рабочий...

Усадьбу Тиуновых ни с одной деревенской не сравнить. Ни в чем. У нее, например, ни ворот, ни тына, на все стороны путь. О замках здесь и не слышали. Закрываться не от кого, незачем. Двускатные крыши — берестяные листы по обрешетке из тонких жердей. Сверху по бересте «давилки» — жерди покрупнее. Стропила из стволов с отходящим вверх корнем не дают крыше сползать.

Сработано жилье по типу домовсвязей. Подкрыша для дров на неделю-вторую, холодные и теплые сени, две избы одна за другою. Оконца с летними рамами по шестнадцати стеклышек причудливой формы — переплеты подгонялись под размер стекла — выходят на восток и на полдень.

Во дворе — бревенчатая конюшенка, два хозяйственных сарая о двух уровнях, на спуске к болоту — банька по-черному, то есть без трубы. Сделать трубу, по мысли Вассы Ивановны, было бы, разумеется, заманчиво, да где набраться кирпича? Правильно, готовить умели, и рамка для формовки была, и глину месить ногами давно научились, и на солнышке сырые кирпичи сушить, да ведь когда? Летнее время — опять же огороду, пашне, рыбалке, сбору грибов, ягод, орехов. Да и нужная глина залегает на острове тонкими жилками и не вдруг встретится.

Лето, конечно, пора припаса для всех, а для островитян с их замкнутым бытом, неимоверной удаленностью от другого людского жилья — и подавно. Летом некогда было уходить в свои мысли, грустить. А зимой не сжималось ли сердце от тоски по людям? Васса Ивановна встрепенулась:

— Маленько когда тоскливо было, так некогда тосковать-то. Дела... Туды идешь да сюды идешь... Так и жили: по зиме ждешь лета, по лету — зиму...

Даже зима не оставляла свободного времени. В погожие дни перевозили из лесу орехи, лосиное мясо, рыбу. Как ни легки были нарты с их тонкими полозьями, а без сильных рук, ног не обойтись бы. По поводу тех бесчисленных переходов с грузами Тиунова не без горечи обронила:

— В запряже все время, в запряже... Из нартов не выпрягались. Хоть какой воз накладу, таков — везу.

Изящные нарты и сейчас на подставе у хозяйственного сарая. Вот только уже некому брать их с собою в путь! В метельную или очень морозную погоду ткали холст, шили одежду, обувь. Все делалось добротно, наилучшим образом.

Васса Ивановна любит вишневый передник, не расстается с ним. Ткань красилась на острове корьем кустарника.

Видели на заимке старенькие сапоги. Две пунктирные линии из мелких деревянных гвоздков красиво тянутся по ободу подошвы: обувка прочной работы — износу не будет!

Они сами делали клеенки на стол, берестяные ковры с узорами, варили свекольный мед, постигли технологию приготовления чая из брусничника, при которой навар получался под цвет ягоды же.

В загнетке печи всегда хранился огонь. Ну а как погаснет? Отыскали свой способ добывать его. Вот как «рассекретила» его Васса Ивановна:

— Трут варили — на лесинке растет! Выбираешь, чтобы там мякоть была, а потом с порохом сваришь, высушишь, тогда она горит добро. Постукаешь о стекло, как искорка отлетела, так зашаяло уже...

Варили олифу из льняного масла, покрывали ею деревянную посуду, пол, оконные и дверные косяки, рамы, полки. Своеобразно добывались и доски. Чураки прямослойной сосны кололись на плахи, доли подравнивались топором, проходились стругом. Об извести в островных условиях не приходилось и думать. Однако избы все-таки белились. Как? Жгли тальник, у него зола светлая...

Подворью — десятки лет. Но постройки, посуда, инструменты, припасы по-прежнему к услугам человека. Оттаяв сердцем на родном острове, Васса Ивановна сходила с туеском за клюквой, посоветовала сварить кисель. Нет крахмала? Как нет — в сарае, в бочонке! Кисель получился отменным.

Берестяная книга

Самой сенсационной находкой в здешних местах стали, пожалуй, берестяные книги. Широко известно, скажем, о берестяных грамотах древнего Новгорода. Но тексты на бересте в наши дни! И тем не менее у островных робинзонов пробивались тяга к чтению, духовные потребности выразить себя в слове, рисунке.

Километрах в десяти-пятнадцати от поместья Тиуновых обнаружилась целая островная «деревенька», неизвестно кем и когда брошенная. Васса Ивановна о соседях не знала ничего. Это и неудивительно: летом по болотам далеко не уйдешь, а зимой бродить бесцельно окрест ни времени, ни надобности не было. «Деревенька» на острове — на три-четыре семьи. В избах — нетронутые десятилетиями рулоны домотканой материи, утварь, одежда; рукописные книги, в том числе и берестяные, лунный календарь, дневник — все на старославянском языке.

Неизвестный летописец с безымянного острова поэтичен, с развитым чувством слова, кругозором художника. Интересовали его погода, приходы времен года, свои хозяйственные дела. На протяжении шести лет, с 1923 по 1929-й, записи то чаще, то реже появлялись на листочках дневника:

«11 декабря 1923 года. Мороз и холодно и маленечко снежок махонький.

21 декабря. Мороз нестерпимой и ветер.

24 января 1924 года. Была шибко снежная буря, так што за десять сажен не видно.

18 апреля. Ветер сильный, мельница шибко молола.

12 мая. Утром дождик. Вёдро. Мотыжили и сеяли горох и ячмень русской. Гуси летели, шибко много.

18 мая. Картофки посадили, коноплю посеяли. Черненьки уточки прилетели. Березовый остров позеленел.

1 августа. Ненастье. Лен рвали и стлали. Нарвали 300 горстей стлать сырого. Нарвали льну 145 снопиков.

16 августа. Медведя добыли. Нажали зимовой пшеницы... ржи 108 снопов, аглицкова ячменя 18 снопов, голоколосой пшеницы 15 снопов, овса 15.

22 августа. Шишки колотили. Наколотили 80 пудовок.

3 мая 1925 года. Шибко тепло. Озеро без малого все объехали. Косачи токуют. По озеру утки плавают и мы ездим.

16 июня. Ходили на большой остров бересто драть. Медведь попался в стару кулемку да вырвался. Щучка попала в котец.

19 мая 1926 года. Журавли прилетели. Ночью в озеро побежала вода с болота. Весь снег растаял у нас на гриве.

23 апреля 1927 года. Пилим дрова березовые.

31 июля. Дождя и грома такого не было все лето.

24 августа. Брусники всего набрали 15 ведер.

30 августа. Ходили на реку. Дуб скоблили да черемухи два ведра набрали».

Мы привели, понятно, лишь отдельные записи. 12 июня 1929 года островная летопись внезапно оборвалась. История дневника, поселения еще ждет своей разгадки.

На «нашем» острове сносной грамотой владела Н. Г. Коновалова. О днях, проведенных с Натальей Григорьевной, Тиунова рассказывает с горячей признательностью. В зимний полдень, когда с кухонными делами наконец управлялись и любимые картофельные лепешки, так похожие на мучные и видом и вкусом, уже румянились на столе, Наталья брала что-нибудь поучительное из старых текстов и читала. Вслух. Писать любила. Дневник, правда, не вела. Но записные книжки из бересты у нее имелись, в них — пометки о погоде, некоторых хозяйственных итогах. Узнаем, в частности, что курочка Белянка снесла в какой-то год 73 яичка, Чернушка — 48, Желтинка — 65... О Натальином влечении к письму Васса Ивановна передает опять же красноречиво, живописно:

— Наталья каждый день писала. Долго ей утром-то начиркать? Начиркат! Книги из бересты Наталья делала. Гумаги-то нет, так она и делала. Когда гумаги нет, так на чем-то же охота писать? Она сама драла бересту. Такую тоненькую гумагу надерет! А потом сшиват...

В раннем возрасте постигла чтение, а затем и письмо младшая дочь Тиуновых — Мария, стоило лишь отцу познакомить с азбукой. Сам Федор Иванович страстно любил прикладное искусство. Сотни орнаментов нанес он на берестяные туески, коробки, чашки и ни разу не повторился. Ребятишки, подрастая, тоже упорно учились рисовать. Видим на одном из берестяных рисунков петуха, на другом — усатого кота... Возможно, это как раз «изображение» кота Кости, который встречал Федора Ивановича с рыбалки за несколько километров от дома и бежал обратно на усадьбу, подняв хвост трубой, с жирным окунем в зубах, оповещая тем самым хозяйку о благополучном возвращении мужа.

Островная «цивилизация», конечно, не могла развить таланты, в лучшем случае только обозначить их. И никто теперь уже не узнает, сколько несостоявшихся знаменитостей похоронено на безымяных болотных гривках.

Уроки

На болоте встретятся иногда сосна, кедр. Корни ухватились за моховую подушку глубоко, а роста нет. Проходят годы, дерево же остается карликовым, без надежды выжить.

Семена занесли ветер, птица. А человек выбирает судьбу сам.

На островных могилах — столбики с крышками от дождя, на них, в мелких пазах, искусно вырезанные кресты. Стоять у островных захоронений вдвойне тягостно. Могила Федора Ивановича, к примеру, уже без холмика, сровнялась с пашенкой, которую он некогда обиходил от леса, к столбику густо подбирается березовая поросль. И долго ли простоит под отметкою «1982 год» в трех шагах от баньки могила Натальи Григорьевны?

Безвестные острова, безвестные люди. Едва ли кто из них сохранит по себе память. Тиуновы, правда, в этом отношении оказались счастливее других.

Думается, быт островных поселенцев близок к быту сибирских первопроходцев. Как те, так и эти ставили в подходящих местах избы без единого гвоздя, обзаводились домашней утварью, снаряжением для охоты и рыболовства. На том историческая параллель и кончается. Те, шедшие вскоре за дружиной Ермака, по крайней мере, помогали Русскому государству закрепляться на новых восточных рубежах.

А Тиуновы! Не обездолила ли себя семья, отгородившись от мира непроходимыми топями? Жизнь, прожитая сугубо для себя, в одиночестве... Это, наверное, страшно.

Как судить. Если по привычной схеме, что деятельность людей и

Руки Федора Ивановича Тиунова умели все — и туесок сладить, и каток для белья вырезать, и лапотки сплести...

общества должна более всего определяться материальной экспансией и что человек — борец, преобразователь, отвоевывающий себе место под солнцем, тогда — да, вся жизнь островных отшельников бессмысленна. Но вспомните, когда наступает «лихая година», когда жизнь скрипит и качается, из-под ног уходит вроде всякая опора, что исцеляет нас и сподобляет на житейский подвиг? Не православный ли идеал личности, умеющей терпеть и страдать, считающей, что мир существует и правильно движется только нашими жертвами, нашим терпением, нашим самоограничением!

Помочь выжить на болотах Тиуновым могли ум, сильные руки, мужество.

Помочь выстоять — Вера.

P.S. После нашей журналистской экспедиции с согласия хозяйки островные постройки вместе с имуществом было решено перевезти под Томск, в создаваемый архитектурно-этнографический музей. На этом интерес обкомовского начальства к Тиуновым оборвался...

ПИСЬМО В НОМЕР

ДОСТОЧТИМЫЙ ГОСПОДИН ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР!

Просим Вас опубликовать наше открытое пнсьмо-обращение на страницах Вашего издания. Надеемся, что в ответ на наше письмо откликнутся люди, знавшие праведннков нашего времени, бывшие их духовными детьми и свидетелями их мученического подвига.

С уважением
Ректор Православного
Свято-Тихоновского Богословского Института,
протоиерей Владимир Воробьев

«Не стоит село без праведника» — гласит русская пословица. Кто эти праведники, если стоит еще наша Россия, пройдя через страшный XX век? Эти праведники — лучшие люди нашего народа, в которых горел неугасимый огонь веры, священники и епископы, монахи и простые верующие люди, крестьяне и рабочие, дворяне, купцы, фабриканты, учителя, военные, представители всех сословий, расстрелянные, сосланные на мучения и смерть в лагеря, гонимые за веру в Бога и за верность тому призванию и происхождению, которое им было дано Богом.

Жизнь этих людей — это самые прекрасные страницы нашей истории, пример веры, верности и мужества нам и всем последующим поколениям. Этих людей, не отступивших от Бога даже перед лицом смерти, многие и многие тысячи. Почти все они уже покинули этот мир, но живы еще свидетели их жизни, которые могут рассказать о них, об их исповедническом подвиге и мученической кончине. Пройдет еще иемного времени, и этих свидетелей не останется. Наше время последнее, когда можно записать и собрать бесценные свидетельства о жизни многих подвижников и исповедников XX века. Собрать, сохраннть и сделать известными жизнеописания праведников — важнейшая задача нашего времени и наш долг перед Богом н людьми. Народ, не помнящий своего прошлого, не вправе надеяться на будушее. Жития наших новых святых — лучшее средство доброго воспитания детей.

Православиый Свято-Тихоновский Богословский Институт, созданный по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, обращается ко всем людям, кто может помочь собрать драгоценные воспоминания и материалы о жизни мучеников, исповедников и подвижников благочестия XX века. Мы обращаемся ко всем живым свидетелям, к людям старшего поколения, к работникам архивов и музеев, к учителям и школьникам, изучающим историю родного края, к студентам и молодежи с просьбой помочь нам собрать, сохранить и сделать доступными и известными примеры настоящей христианской жизни, необходимые для воспитания будущих поколений. Для нас важны все, даже самые маленькие подробности жизни подвижников, их фотографии и пнсьма, с которых можно снять копии, любые другие свидетельства. Мы будем искренно благодарны за любое участие и помощь.

Адрес для писем: 105484 Москва А/Я 17.

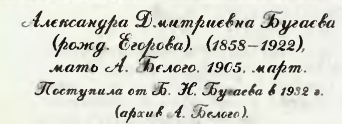
Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

МОСКОВСКИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ

Андрей Белый с матерью А. Д. Бугаевой.
Поступила от Б. Н. Бугаева в 1932 г. (архив А. Белого).

Т. Л. Щепкина-Куперник. Л. Б. Яворская и А. П. Чехов.
1894, октябрь.
Поступила из чеховской комнаты Румянцевского музея.

Александра Дмитриевна Бугаева (рожд. Егорова). (1858–1922), мать А. Белого. 1905, март.
Поступила от Б. Н. Бугаева в 1932 г. (архив А. Белого).

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1953), писательница и переводчица, правнучка актера М. С. Щепкина, и Лидия БорисовнаЯворская (1872–1921), актриса московского театра Ф. А. Корша, затем петербургского театра Литературно-артистического кружка.
1894–1895, зима.

«Ростовского, что на Дону, мещанина Георгия Васильева Трунова Прошение. Желаю открыть в Москве, Тверской части 2-го кв. в доме Арманд, фотографическое заведение, имею честь... просить разрешения выдать свидетельство. Москва, августа дня 1880 г. Жительство имею Тверской части 2 кв. в доме Арманд»[1].

Свидетельство на право работы было выдано Трунову уже 1 сентября 1880 года, на обороте его фотографических работ вскоре появился текст о том, что он является фотографом Общества спасения на водах Московского округа.

С 1881 года в «послужном списке» фотографа значилось, что Трунов находится «под высочайшим покровительством Ея Величества государыни императрицы Марии Федоровны» — супруги Александра III (Царская семья всегда проявляла интерес к делам фотографии, нередко оценивая работы фотомастеров самой высокой наградой — правом изображать государственный герб на своих изделиях. Члены царской фамилии покровительствовали петербургским и московским фотографам. Так, будущий царь Александр III поощрял московского фотографа И. Дьяговченко; великий князь Константин Николаевич — М. Панова).

Оборот фотографий Г. В. Трунова.

Андрей Белый в детстве
(Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934).
Поступила от Б. Н. Бугаева в 1932 г.
(архив А. Белого).

Володя Чехов (1894–1917),
племянник А. П. Чехова,
сын И. П. Чехова.
1899–1900.
Дар М. П. Чеховой в 1921 г.

В 1883 году фотограф Трунов был удостоен благодарности «Его Императорского Величества за фотографию» и «подарком Его Высочества Павла Александровича за фотографию», о чем также было рассказано на оборотах фотобланков.

В 1884 году Трунов обосновался на Петровке в доме Соколова. Фотографическое заведение не меняло адреса в отличие от владельцев этого дома (о чем Трунов добросовестно указывал в рекламном тексте на обороте бланка), переходившего из рук в руки: приблизительно до 1887 года он принадлежал Соколову, с 1888 до 1890 (1891) года — Фирсановой, в 1890-е годы его владелицей была Вера Ивановна Ганецкая (1863—?).

В октябре 1894 года у Трунова снимался А. П. Чехов, которого вместе с Т. Л. Щепкиной-Куперник и Л. Б. Яворской привез в дом Ганецкой издатель Ф. А. Куманин. «Снимались мы все вместе и порознь, наконец решено было на память сняться втроем. Мы долго усаживались, хохотали, и, когда фотограф сказал: «Смотрите в аппарат», — А. П. отвернулся и сделал каменное лицо, а мы все не могли успокоиться, смеясь приставали к нему с чем-то, и в результате получилась такая карточка, что Чехов ее окрестил «Искушение св. Антония», — так вспоминала о пребывании в фотоателье в своих мемуарах Т. Л. Щепкина-Куперник.

После смерти Александра III (1894) из рекламного текста фотографа исчезли строки, говорившие о покровительстве Марии Федоровны — жены императора.

ТАТЬЯНА ШИПОВА

ПРИМЕЧАНИЕ

1. РГИА. Ф. 16. Оп. 26. Д. 3. Л. 156.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

Тоска по розе

«Если бы на цветы да не морозы — и зимой бы цветы расцветали»... Почему так прикипела душа русского человека — к цветам? Не сладкие пития и не гурии в Раю его — но Сад, образ которого хранится в народном сознании с древних времен.

Какие яркие розы видела я недавно! И где же? В самом страшном по загрязненности месте России — в Нижнем Тагиле. Городок в основном рабочий, все почти население втянул в себя металлургический комбинат, расцвечивающий небо огненными языками, что твой семиглавый змий. Но не змий и не ад изображают на тагильских железных подносах. А — розы. Маки. Колокольчики. Рябинку. С начала XVIII столетия до сего дня живет в Нижнем Тагиле народный промысел — расписные железные подносы.

Вчерашний крестьянин тоскует по деревенской красоте, в душе его цветут розы с какой-нибудь расписной печи, прялки, берестяного туеса или кованого деревянного сундучка. И пусть настал век новый, железный, крестьянин-рабочий (ибо у него и огород, и корова, и быт остался в основе своей крестьянским) и на железе умудряется насадить ту же розу. На металл народные художники переносят округлый «маховый» мазок — в Тагиле он своеобразен тем, что берутся на кисть сразу две краски и выписывается цветок целиком, сразу создается образ, в отличие от Жостова, где цветок пишется в несколько этапов.

История промысла связана с именем крупнейшего заводчика Демидова — мецената, покровителя искусств. Никита Акинфиевич всячески поощрял крепостного художника Худоярова, рисовавшего по ковкому, прочному тагильскому листовому железу. Худояров же изобрел долговечный чудо-лак, прозванный стеклянным; мастер первым стал лакировать свои железные картины. Технология непревзойденного лака, увы, утрачена, и секрет его до сих пор не разгадан. Дети Худоярова учились в Петербургской Академии художеств, в Италии. А в своей вотчине, в Нижнем Тагиле, центре «горного гнезда», Демидовы открывают «школу одаренных детей», как сказали бы мы теперь, — специально для обучения подносному делу. Школа эта обеспечила расцвет уникального промысла — зародился он именно здесь, а знаменитое Жостово — уже последователь, хотя там создается своя художественная школа.

Старинная роспись по железу близка народной живописи по дереву, штукатурке. Современный же тагильский стиль сродни, я бы сказала, палехской лаковой миниатюре: письмо усложнилось, видна тщательная, порою филигранная пропись деталей, в композицию вносится больше декоративных элементов. Современные подносы роскошнее: прибавьте еще сложную позолоту щедрого орнамента. Старые работы — проще, лиричнее, теплее. Любят красное, розовое, все оттенки желтого; зеленый, синий — чистые, яркие тона.

Подносный промысел, как и вообще художественное творчество, переживает сейчас нелегкое время. Нужны сильные, умные и в то же время тактичные организаторы дела. Но не боги горшки обжигают: знаменитый Демидов — из тульских кузнецов, простой мужик, которому Екатерина II жаловала дворянство за деловой размах. И вот что внушает надежду: не перевелись еще на Руси, на Урале Демидовы. Я встретила делового, разворотистого человека, который готов объединить весь промысел края (сейчас подносное дело растеклось на множество ручейков, из которых многие вот-вот зачахнут) — и уже сейчас дает жизнь молодому предприятию, выходит на международный уровень. В Америке в модном и дорогом магазине тагильские подносы продаются — мне говорили — по 175 долларов за штуку. Есть возможность вывести промысел на широкую дорогу. Надо только не мешать предпринимателю. В конце концов в России всегда водились не только мечтатели, но и покровители. Таланты и поклонники.

Сдано в набор 19.11.93. Подписано к печати 19.01.94. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 100000 экз. Заказ № 1300. Цена в розницу — договорная, по подписке 100 руб.
Адрес редакции: 103132, Москва, Старая площадь, д. 4.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.